

ОБЩЕСТВО & ЧЕЛОВЕК

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ПО ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Издается с 2010 года

№ 1 (56) – 2026

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования

Редколлегия журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

ГИЛИНСКИЙ Я.И.

доктор юридических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

ИСАЕВ Н.А.

доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БОГДАНОВА Л.И.

доктор юридических наук, профессор

ЛИПИНСКИЙ Д.А.

доктор юридических наук, профессор

КАСТОРСКИЙ Г.Л.

доктор юридических наук, профессор

ГОРЛАЧ М.Ю.

кандидат юридических наук, доцент

СИЗОВА И.Ю.

доктор экономических наук, профессор

ФИЛОНОВ В.И.

доктор исторических наук, профессор, доцент

БЕЛОУСОВ К.Ю.

кандидат социологических наук, ст. научный сотрудник

Редакция не несет ответственности за достоверность рекламной информации.

Редакция не вступает в переписку с читателями и не дает справок. Все материалы, присланные в Редакцию, рецензируются и в случае отрицательной рецензии не публикуются и не возвращаются. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения Редакции. Полное или частичное копирование материалов возможно только с письменного разрешения Редакции.

Редакционная коллегия образуется из числа известных ученых, обладающих высокой научной репутацией и принимающих активное и полезное участие в развитии журнала, в том числе на регулярной основе, участвующих в научном редактировании материалов, представляющих интересы журнала в научных центрах и на научных конференциях, обеспечивающих взаимодействие журнала с партнерскими организациями. Все вопросы, связанные с формированием редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также вопросы реализации редакционной политики принимаются Главным редактором.

© Издательский дом «ALEF-PRESS»

© Коллектив авторов

Index agencies Rospechat 70684

ISSN 2218-9728

SOCIETY & MAN

THEORETICAL AND SCIENTIFIC
JOURNAL THE HUMANITIES

Published since 2010
№ 1 (56) – 2025

The journal is included in the Russian Science Citation Index

Editorial staff

EDITOR IN CHIEF

GILINSKY Ya.I.

Doctor of Law, Professor

DEPUTIES EDITOR:

ISAEV N.A.

Doctor of Law, Professor

EDITORIAL STAFF MEMBERS:

LIPINSKY D.A.

Doctor of Law, Professor

KASTORSKY G.L

Doctor of Law, Professor

GORLACH M.Yu.

Candidate of Law, Associate Professor

SIZOVA I. Yu

Doctor of Economics, Professor

FILONOV V.I.

Doctor of Historical Sciences, Professor

BELOUSOV K.YU

Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher

The Editorial Staff is not responsible for inauthentic advertisement information.

The Editorial Staff does not correspond with the readers and does not issue references.

All materials sent to the Editorial Staff are reviewed and in case of a negative critique are neither published, nor returned. The author's opinion may differ from the Editorial Staff's point of view.

The materials may be copied fully or partially only with a written consent of the Editorial Staff. The Editorial Staff is not responsible for inauthentic advertisement information.

The Editorial Staff does not correspond with the readers and does not issue references.

All materials sent to the Editorial Staff are reviewed and in case of a negative critique are neither published, nor returned. The author's opinion may differ from the Editorial Staff's point of view.

The materials may be copied fully or partially only with a written consent of the Editorial Staff.

© Publishing house «ALEF-PRESS »

© Team of authors

Содержание

От редакции..... 9

ИСТОРИЯ

Аюев Д.В.

Деятельность старообрядческих приходов в условиях эмиграции в г. Харбин: историко-филологический обзор (1923–1951 гг.)..... 10

Веселов Д.В., Петухова Т.Н.

Чрезвычайное законодательство в годы Великой Отечественной войны: приказ №227..... 15

Власов И.А.

Русско-польские отношения в XVI веке, в период правления великого князя владимирского, московского и всея Руси Василия III Ивановича (по материалам Никоновской летописи)..... 20

Коваленко Б.Н., Васильев В.В., Васильева О.А.

Человек – легенда (к 105-летию со дня рождения почётного доктора спбгу доктора филологии Йоханнеса баара)..... 25

Леонтьева Е.А., Ковалев А.В.

Цена прогресса: эксплуатация детского труда и моральные издержки индустриальной революции в англии..... 30

Луговцова М.Ю.

Коммунистическая партия Бельгии 1932-1939 гг...... 37

Московцева Е.А., Кравченко А.К.

Влияние женского движения на формирование трудового законодательства в российской империи (1850-1917 гг.)..... 42

Науменкова Е.О., Фефилова Е.К.

От «аптекарского ученичества» к университетской модели: трансформация подготовки провизоров в россии в начале хх века..... 48

Шлевкова Т.В.

О грязе-царицынской железной дороге (к 155-летию со дня ее открытия)..... 53

СОЦИОЛОГИЯ

Приходько К.С., Щека Н.Ю.

От социальной философии к социальному исследованию: методологический манифест Эмиля Дюркгейма как точка рождения научной социологии..... 58

ФИЛОЛОГИЯ

Авакян Л.А. <i>Эмотивность и её реализация в кино</i>	65
Амирова С.Д. <i>Лингвистический анализ текста в технических вузах</i>	69
Бабич Н.Г. <i>Лингвопрагматические особенности интервью президента россии в.в. путина американскому журналисту такеру карлсону</i>	74
Калияева Р.Г. <i>Спектральный анализ методических факторов преподавания русского языка как иностранного</i>	79
Лунина С.А. <i>"Рождение" и "смерть": концепты-универсалии в отношениях взаимной референции</i>	84
Якупова Л.С. <i>Язык как фактор конструирования регионального пространства</i>	90

ФИЛОСОФИЯ

Абдулова Л.М. <i>Здоровье и самосовершенствование: социально-философский анализ современного человека</i>	99
Сметана В.В. <i>Построение лучшего будущего: пути за пределы сингулярности</i>	104

Contents

From the editorial office.....9

HISTORY

Ayuev D.V.

Activities of Old Believer parishes in conditions of emigration in Harbin: source study (1923–1951).....10

Veselov D.V., Petukhova T.N.

Emergency legislation during the Great Patriotic War: Order No. 227.....15

Vlasov I.A.

Russian-Polish relations in the 16th century, during the reign of the Grand Duke of Vladimir, Moscow and All Russia Vasily III Ivanovich (based on the materials of the Nikon Chronicle).....20

Kovalenko B.N., Vasiliev V.V., Vasilieva O.A.

Egendary person (on the 105th anniversary of the honorary doctor of st. Petersburg state university, philologist johannes baar).....25

Leontieva E.A., Kovalev A.V.

The price of progress: the exploitation of child labor and the moral costs of the industrial revolution in england.....30

Lugovtsova M.Yu.

Communist Party of Belgium 1932-1939.....37

Moskovtseva E.A., Kravchenko A.C.

The influence of the women's movement on the formation of labor legislation in the russian empire (1850-1917).....42

Naumenkova E.O., Fefilova E.K.

From "apprenticeship in pharmacy" to the university model: the transformation of pharmacist training in russia in the early 20th century.....48

Shlevkova T.V.

About the grizie-tsaritsynsky railway (on the 155th anniversary of its opening).....53

SOCIOLOGY

Prihodko K.S., Shcheka N.Yu.

From social philosophy to social research: Emile Durkheim's methodological manifesto as the birthplace of scientific sociology.....58

PHILOLOGY

Avakian L.A. <i>Emotivity and its realization in cinema</i>	65
Amirova S.J. <i>Linguistic text analysis in technical universities</i>	69
Babich N.G. <i>Linguo-pragmatic features of a presidential interview (based on the interview of russian president vladimir putin with american journalist tucker carlson)</i>	74
Kaliyaeva R.G. <i>Spectral analysis of methodological factors in teaching russian as a foreign language</i>	79
Lunina S.A. <i>"Birth" and "death": universal concepts in the relationship of mutual reference</i>	84
Yakupova L.S. <i>Language as a factor in the construction of regional space</i>	90

PHILOSOPHY

Abdulova L.M. <i>Health and Self-Improvement: A Socio-Philosophical Analysis of Modern Man</i>	99
Smetana V.V. <i>Building a Better Future: Paths Beyond the Singularity</i>	104

ОТ РЕДАКЦИИ

Некоторое время назад была прекращена деятельность Научно-Исследовательского Института Комплексных Социальных Исследований (НИИКСИ), созданного в 1965 г. и просуществовавшего таким образом столетия. Долгое время работавший как самостоятельный институт в системе ЛГУ / СПб ГУ, в последние годы он являлся структурным подразделением факультета социологии. Можно предположить, что прекращение деятельности НИИКСИ было вынужденным, осуществленным на фоне оптимизации структуры управления Университетом, влекущей за собой сокращения ряда подразделений. Редакция журнала, среди которой есть люди, долгое время работавшие в НИИКСИ, сочла возможным опубликовать серию статей, посвященных истории этой незаурядной институции, людям, определившим её достижения и преодолевавшим трудности роста. НИИКСИ – особая страница в развитии гуманитарных наук советского и постсоветского периода. Созданный в сложные 1960-е гг., институт декларировал комплексный подход к исследованиям общественных явлений, которые рассматривались под углом зрения ряда наук. Специалисты института проводили исследования, связанные с экономикой, правом, психологией, биологией, вычислительной математикой, лингвистикой и др. в их тесной взаимосвязи. Такой подход, получивший название комплексного, давал знание более высокого порядка, которое объединяло различные уровни социального – от личностного до социетального. На этом пути были достигнуты важные результаты, как в плане развития теории и методологии

комплексных социальных исследований, так и точки зрения предложения новых научных идей и социальных проектов в ряде конкретных направлений общественной науки и практической деятельности. Работа института была отмечена значительными достижениями в целом ряде новаторских направлений общественных наук, развитием которых руководили выдающиеся специалисты.

В исследованиях, которые носили теоретический и прикладной характер, принимали участие многие неординарные талантливые ученые и яркие личности. Стремясь напомнить об этих достижениях, о людях, которые их обеспечивали – многих из них, увы, уже нет в живых – о проблемах, с которыми они сталкивались, и о том, как решались трудные проблемы, мы публикуем серию статей, подготовленных авторами, работавшими в разное время в Институте. Нам показалось, что мнения, оценки и комментарии очевидцев позволят получить представление о деятельности Института, его достижениях и проблемах, отразить наиболее важные моменты траектории его «жизненного пути». Эти знания можно обнаружить в официальных отчетах, производственных справках или в деловой статистике. Такие публикации, посвященные истории работы института, сосредоточенного на поиске новых идей и инновационных исследовательских практик, позволяют привлечь внимание научной общественности и менеджмента «от науки» на необходимость своевременного распознавания и оказания поддержки новым подходам к решению проблем социальных наук и к институтам, развивающим такие подходы. Но, главное, они станут лучшей памятью тем коллегам, кого уже нет с нами, но которые заслуживают того, чтобы остаться в памяти новых поколений ученых, как новаторы и служители Науке.

ИСТОРИЯ

Аюев Даниил Викторович
Студент бакалавриата,
кафедра религиоведения и теологии,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Улан-Удэ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ПРИХОДОВ В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ В Г. ХАРБИН: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР (1923–1951 ГГ.)

Старообрядческие приходы в Харбине существовали в условиях эмиграционной изоляции. Это породило острые противоречия между церковным идеалом и реальной жизнью общин. Статья вводит в научный оборот документы фонда 478 Государственного архива Республики Бурятия. Источниковую базу составляет переписка духовенства, протоколы заседаний церковно-приходских советов и журнальные постановления епархиальных органов. Документы охватывают период с 1923 по 1951 год. Автор выявляет устойчивое противоречие между нормативными установками церковной власти и практикой приходской жизни. Пастырское наставление выступало главным инструментом духовной консолидации общины. Привлечённые источники позволяют реконструировать внутреннюю динамику старообрядческой церковной жизни в эмиграции.

Ключевые слова: старообрядчество, Харбин, русская эмиграция, церковный приход, источниковедение, Государственный архив Республики Бурятия, церковное единство, внутрприходские конфликты, пастырская деятельность, епархиальное управление, Китай, XX век, делопроизводственные источники, личная переписка, церковная история.

Ayuev D.V.

ACTIVITIES OF OLD BELIEVER PARISHES IN CONDITIONS OF EMIGRATION IN HARBIN: SOURCE STUDY (1923–1951)

Old Believer parishes in Harbin existed in conditions of emigration isolation. This gave rise to sharp contradictions between the church ideal and the real life of communities. The article introduces documents from fund 478 of the State Archive of the Republic of Buryatia into scientific circulation. The source base consists of correspondence of the clergy, minutes of meetings of church and parish councils and journal resolutions of diocesan bodies. The documents cover the period from 1923 to 1951. The author reveals a persistent contradiction between the normative guidelines of church authorities and the practice of parish life. Pastoral guidance was the main instrument for the spiritual consolidation of the community. The sources involved allow us to reconstruct the internal dynamics of Old Believer church life in emigration.

Keywords: *Old Believers, Harbin, Russian emigration, church parish, source study, State Archive of the Republic of Buryatia, church unity, intra-parish conflicts, pastoral activity, diocesan administration, China, 20th century, office sources, personal correspondence, church history.*

Источники Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), сосредоточенные в фонде 478, представляют собой ценнейший комплекс документов, отражающих внутреннюю жизнь старообрядческих приходов в г. Харбине в условиях эмиграции. Данный корпус включает переписку духовенства, журнальные постановления епархиальных органов, протоколы заседаний церковно-приходских советов и частные письма, что позволяет рассматривать его как репрезентативную совокупность ис-

точников делопроизводственного и личного происхождения. Анализ этих материалов даёт возможность выявить как нормативные установки церковной власти, так и реальные процессы, происходившие внутри общин.

Одним из центральных мотивов, проходящих через весь массив источников, является проблема церковного единства и её осмысление в пастырской риторике [5]. В одном из обращений епископ Иосиф формулирует основополагающий принцип цер-

ковной жизни: «Всё в любви, и всё через любовь. Но помилуй Бог, если среди вас, моих чад, этого цемента – любви – не будет, то я буду несчастнейшим из несчастных отцов. Мой старый и немощный организм будет страдать двойной болезнью: болезнью от старческой немощи и болезнью от сердечной раны, которая будет нанесена разделением моих чад. Я верю, что этого не будет...» [0]. Данный текст представляет собой не только пастырское наставление, но и важное свидетельство эkkлезиологического сознания, в котором Церковь мыслится как живой организм, а раздор – как рана, причиняющая страдание всему телу [4].

При этом анализ других документов показывает, что реальная жизнь приходов далеко не соответствовала этому идеалу. В протоколе заседания Харбинского старообрядческого церковно-приходского совета за 17/30 января 1927 года фиксируется конфликт: «...о. Старосадчев с Н. Б. Барякаевым агитировали против настоятеля с клеветническими выпадами; за такие поступки со стороны о. Старосадчева о. Кудрин отказал в служении в храме, мотивируя свой поступок тем, что о. Старосадчев есть только гость и не имеет права вмешиваться в чужую приходскую жизнь» [0]. Данный источник позволяет реконструировать характер внутрприходских отношений и свидетельствует о наличии острых конфликтов, сопровождавшихся взаимными обвинениями и попытками дискредитации. Пастырские обращения рисуют нормативную картину общинной жизни. Протоколы заседаний фиксируют отклонения от нормы. Есть все основания полагать, что оба среза одинаково информативны для историка. Напряжение между идеалом и практикой (особенно острое в эмигрантской среде) само по себе становится источником. Оно говорит о том, как община осмысляла собственные провалы.

Сопоставление нормативных текстов и делопроизводственных документов выявляет устойчивое противоречие между идеалом церковного единства и реальной практикой. Особенно ярко это проявляется в переписке епархиального управления. В письме 29/16 января 1932 года отмечается: «Сообщаем, что жизнь наша в церковно-

общественной области всё ещё по-старому – все наши раздорники продолжают нехорошее дело, терзание святой Христовой Церкви... о разрушении православия в г. Харбине» [0]. Здесь раздор интерпретируется уже не как частный конфликт, а как процесс, угрожающий существованию церковной общины. Используемая лексика («терзание», «разрушение») указывает на восприятие происходящего как духовного кризиса.

В этих условиях особую роль начинает играть пастырская деятельность, направленная на духовное укрепление паствы. В письме от 15 января 1925 года к священнику Амвросию Федотовичу подчёркивается необходимость систематического наставления [3]: «Итак, дорогой отец Амвросий, я обязываю вас в том, чтобы всё, что мною смиренно написано в этом письме, вы старались читать при христианах и внушать им из книг святого Иоанна Златоуста, святого Евангелия и апостольских посланий... насколько можем, старайтесь учить христиан и обращать заблудших к вере Христовой...» [0]. Этот источник позволяет говорить о том, что духовное просвещение рассматривалось как ключевой инструмент преодоления кризиса.

В постановлении епархиального совета от 19 июля 1926 года содержится конкретная просьба. «Просить Освященный Собор рукоположить в сан епископа (хореепископа) помощника епископа Иосифа – протоиерея Алексея Сергеевича Старкова, с местом служения в Забайкалье» [1]. Кадровый дефицит в эмигрантских епархиях носит устойчивый характер. Оно проявлялось в разных географических точках эмиграции. Полученные сведения говорят о том, что управленческий ресурс общины был крайне ограничен.

Документальная традиция фиксирует и иной пласт проблем. «Всякий церковный раздор есть печальное явление... для его прекращения нужна лишь добрая воля и искреннее желание... Поэтому, отцы и братья, проникнитесь этим спасительным и поистине божественным даром – любовью, и тогда у вас сразу прекратятся все разногласия» [1]. Причина раздоров здесь локализуется внутри общины. Она не проециру-

ется на внешние обстоятельства. Заслуживает внимания тот факт, что авторы документов избегают политических объяснений конфликтов. Риторика источников тяготеет к нравственно-аскетическому регистру. Нравственный регистр здесь повторяется не случайно. Он задаёт матрицу всего делопроизводства общины.

Эта проблема подтверждается и личной перепиской. В одном из писем говорится: «Сообщаю: от владыки Тихона получил я извещение о его поездке по Иркутско-Амурской епархии и впечатлении, произведённом на него жизнью моих пасомых. Конечно, положение в епархии не из блестящих, но что же поделаешь – видимо, так Господу угодно. Жду не дождусь весточки с Освящённого Собора, а самое главное – жду себе помощника, которого имею страстное желание иметь» [0]. Здесь проявляется не только административная проблема, но и личное переживание архиерея, связанное с тяжестью служения.

Особый интерес представляют источники, отражающие оценку конкретных лиц и кадровых решений. В письме 1927 года содержится критическое замечание: «...видно, что покойный владыка сильно ошибся, утвердив на Харбинский приход решение общего собрания – священника Кудрина и приходской совет, которые привели всё в порядок и даже построили каменный храм. А, по-видимому, следовало бы поставить на это место о. Старосадчева, который, вероятно, быстро бы распродал часть священных предметов куда-нибудь на заграничный рынок...» [0]. Данный фрагмент представляет собой пример субъективного свидетельства, позволяющего выявить уровень конфликтности и напряжённости внутри церковной среды.

Источниковедческий анализ материалов открывает нетривиальную перспективу. Харбинские старообрядческие приходы существовали в условиях острой институциональной уязвимости. Пастырские обращения и протоколы заседаний фиксируют два разных регистра реальности [2]. Напряжение между ними и есть подлинный предмет исследования.

Этот разрыв не случаен. Он отражает специфику эмигрантского существования

как такового. Община в Харбине лишилась привычной государственной опоры. Она вынуждена была воспроизводить институциональные структуры буквально из ничего. Кадровый дефицит при этом носил не ситуативный, а системный характер. Риторика источников тяготеет к нравственно-аскетическому регистру [1]. Авторы документов искали объяснение конфликтов внутри общины. Субъективные свидетельства, подобные письму 1927 года о священнике Кудрине, разрушают иллюзию единства и обнажают приходское пространство как поле реальной борьбы за статус [6].

Делопроизводственные источники и личная переписка требуют разных инструментов верификации. Пастырские тексты задают нормативную матрицу. Протоколы заседаний фиксируют отклонения от неё. Полученные сведения позволяют говорить о том, что институциональная рефлексия общины не прекращалась даже в условиях ресурсного дефицита. Есть все основания полагать, что именно эта рефлексия удерживала общину от полного распада. Лексика источников при этом заслуживает отдельного пристального внимания/ Повторение нравственного регистра в разных типах документов говорит о его матричной функции для всего делопроизводства общины.

Анализ источников фонда 478 ГАРБ позволяет сделать вывод о том, что деятельность старообрядческих приходов в Харбине в условиях эмиграции характеризовалась сложным сочетанием духовных и организационных проблем. Центральной темой является проблема церковного единства, которая осмысливается через категорию любви как основного принципа церковной жизни. Одновременно источники фиксируют постоянные конфликты, свидетельствующие о несоответствии идеала и реальности. В ответ на это духовенство выработывает стратегию, основанную на пастырском наставлении, обращении к авторитету Священного Писания и святоотеческой традиции, а также на попытках укрепления церковной организации. Всё это позволяет рассматривать данные документы как важное свидетельство внутренней динамики старообрядческой церковной жизни.

ни в эмиграции.

Литература:

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 478. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–139.
2. Забияко, А. А. Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. в устных историях жителей города (по материалам Н. Н. Лалетиной) / А. А. Забияко, Цзюй Куньи // Религиоведение. – 2021. – № 4. – С. 78–94.
3. Захарченко, С. О. Черты старчества в письмах преподобных Макария и Амвросия Оптинских / С. О. Захарченко // Проблемы исторической поэтики. – 2011. – № 9. – С. 260–270.
4. Иларион (Алфеев), митр. История религий / митр. Иларион (Алфеев), протоиер. О. Корытко, протоиер. В. Васечко. – Москва: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2016. – 776 с.
5. Ицкович, Т. В. Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди / Т. В. Ицкович; науч. ред. Т. В. Матвеева. – Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2015. – 150 с. – ISBN 978-5-91256-277-8.
6. Кулага, В. В. Церковное единство и каноническая традиция / В. В. Кулага // Труды Минской духовной академии. – 2018. – № 15. – С. 143–170.

*Научный руководитель: Петухова Татьяна Николаевна,
доцент кафедры философии и гуманитарных наук,
Уральский институт ГПС МЧС России,
Екатеринбург*

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРИКАЗ №227

Статья, посвященная событиям 1942 года, предшествующим Сталинградской битве. Автор выявляет причины появления чрезвычайного законодательства и последствия его исполнения.

Цель: исследовать значение приказа № 227 для стабилизации обстановки на фронте.

Исследовательские задачи:

- проанализировать причины принятия чрезвычайного приказа;*
- оценить нравственные и политические последствия исполнения приказа;*
- обзор научной литературы, связанной с этими событиями.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Сталинградская битва, приказ № 227, дезертирство, заградительные отряды, штрафные батальоны.*

*Veselov D.V.,
Petukhova T.N.*

EMERGENCY LEGISLATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ORDER NO. 227

The article is devoted to the events of 1942, which preceded the Battle of Stalingrad. The author identifies the causes of the emergence of emergency legislation and its necessity.

Purpose: to explore the role of Order No. 227 on the front.

Research objectives:

- to assess the moral and political consequences of the order;
- to analyze the consequences of signing the order;
- Review of scientific literature related to these events.

Keywords: *Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, Order No. 227, desertion, blocking detachments, penal battalions.*

Актуальность оценки чрезвычайно-го законодательства периода Великой Отечественной войны вызвана не только стремлением сохранить историческую правду в условиях ее фальсификации, но и изучением принятия непопулярных мер, связанных с ограничением прав и свобод человека, вызванных крайней необходимостью, в том числе, пресечением панических настроений, дезертирством, добровольной сдачей в плен.

1942 год. Красная армия терпит поражение, отступая на всех трех направлениях движения немецких войск, которые доминируют как на суше, так и в небе. В котлах окружения оказались тысячи красноармейцев. В интервью российский военный историк Алексей Исаев отметил, что общая численность воинов красноармейцев, попавших летом-осенью 1941 года в окружение, составила около 1,5 млн. человек (таблица 1) [1].

Таблица 1

Котлы окружения 1941 года

Название	Дата	Количество красноармейцев в котловом окружении.
Белостокско-Минский котел	22 июня 1941 – 8 июля 1941	В котловом окружении оказались 288 тыс. красноармейцев.
Уманский котел	26 июля 1941 – 7 августа 1941	В котловом окружении под Уманью оказались почти 130 тыс. бойцов.
Киевский котел	21 августа 1941 – 26 сентября 1941	В котловом окружении оказались свыше 650 тыс. солдат и офицеров.
Вяземский и Брянский котлы	30 сентября 1941 – 15 октября 1941	В котловом окружении оказалось около 400 тыс. человек.
Мелитопольский котел	29 сентября 1941 – 10 октября 1941	В плен попали 100 тыс. человек.

К ноябрю 1942 г. потери Красной армии погибшими и пленными составляли около 4 млн. солдат и офицеров [2].

Советское командование столкнулось с массовым отступлением и деморализацией солдат. В этот момент Верховный главнокомандующий Вооружёнными силами СССР И. Сталин подписывает непопулярный приказ

№ 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых

позиций», известный в народе как «Ни шагу назад!», содержащий новые методы воздействия для прекращения отступления и переход к наступательным операциям [3].

Для оценки нравственного и политического содержания приказа, необходимо погрузиться в атмосферу тех дней. Согласно стратегическому плану захватчиков «Блау», немецкие войска шли к Волге и нефти Кавказа, тысячи красноармейцев попадали в окружения под Харьковом и в Крыму. В воздухе витало ощущение катастрофы,

сравнимой с 1941 годом. Многие бойцы и командиры были психологически надломлены.

Для понимания причин принятия приказа № 227 обратимся к преамбуле, в которой:

- описывается катастрофическое положение Красной армии;
- необходимость остановить врага;
- чрезвычайные меры, вводимые этим приказом.

Весь трагизм ситуации на фронте изложен эмоционально, И. Сталин, как автор текста приказа, начинает не с победных реляций, а с горькой правды: «Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступить на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать своё позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам» [4]. Далее следует важнейшая фраза, освещающая текущую позицию на фронте: «После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину». «Снять розовые очки» – этот прием был хоть и жесток, но эффективен. Он лишал иллюзий и ложных надежд. Приказ № 227 поставил перед солдатами простой и страшный выбор: «победить или умереть».

Приказ жёстко клеймит не только паникёров и трусов, но и командующих, комиссаров и политработников, чьи части самовольно оставляют позиции: «Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования».

Таким образом, виновными в поражении становились конкретные люди. Паникеры, дезертиры объявлялись врагами, это сплачивало основную массу бойцов против таких людей. Методика объединения против общего врага, теперь не только внешнего, но и в рядах своих товарищей – это один из самых мощных механизмов в социальной психологии.

Самая важная и спорная часть приказа – это создание заградительных отрядов и штрафных рот и батальонов. Мы полагаем, что введение заградительных отрядов являлось хоть жестоким методом, но в условиях крайней необходимости оправданном. Задача отрядов: не допустить дезертирства, остановить немецких захватчиков, не позволив им продвинуться в глубь. Заградительные отряды обязаны были расстреливать бежавших с линии фронта. Следует иметь в виду, что в случае гибели красноармейцев, бойцы заградотрядов также вступали в бой и несли огромные потери. Например, именно заградотряд 62-й армии в Сталинграде двое суток вёл бой за вокзал в критический момент первого штурма города 15–16 сентября. Во время боёв к северу от Сталинграда два заградотряда пришлось расформировать из-за потерь, дошедших до 60–70% состава. Генерал-майора Иван Панфилов использовал свой заградотряд в 150 человек именно в качестве собственного резерва [4].

С психологической позиции: красноармейцы оказывались перед выбором: страх перед фашистами впереди и страх перед заградотрядом позади. В такой ситуации солдат выбирает на подсознательном уровне меньшую, по его мнению, угрозу. Следует также учесть, если солдат погибал в бою с фашистами, то в силу вступало Постановление от 21 сентября 1945 года № 2436 «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих» о поддержке семьи погибшего [5].

Этим же приказом предписывалось «сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек)», куда направлять для искупления трусости и средних и старших командиров,

политработников всех родов войск.

Приказ № 227 был одновременно актом отчаяния и железной воли. Его психологический эффект спорен и неоднозначен, но, именно этот приказ стал решающим для обороны Сталинграда и начала коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны.

Такие жёсткие меры способствовали остановке волны стихийного отступления. Армия, пусть и ценой огромных потерь, стала более управляемой и организованной в обороне. Страх и принуждение хоть и вызывали негодование среди части бойцов, но в условиях тотальной войны, на наш взгляд, это было приемлемой ценой победы.

Суровые меры вызывали неоднозначную оценку исследователей. Приводим лишь некоторые из них:

- Василевский А.М.: «Приказ № 227 – один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряжённости. Я, как и многие другие генералы, видел некоторую резкость оценок приказа, но их оправдывало очень суровое и тревожное время» [6];

- Мягков М.Ю.: «... приказ № 227 имел в большей степени моральный эффект» [7];

- Серазетдинов Б.У.: «... приказ № 227 не запрещал отступление как таковое. Согласно его тексту, выдвигалось требование – ни шагу назад без приказа высшего руководства. Это прежде всего относилось к тем, кто оставлял свою позицию самовольно» [8].

Таким образом, приказ № 227 был крайне эффективен, сыграл роль триггера: с него начался коренной перелом. Он перевёл войска из состояния отступающей, деморализованной массы в войска, которым уже нечего терять, заменил панический страх перед врагом на направленный страх,

перерастающий в ярость и упорство. Его результатом стало уничтожение врага с невиданным ранее упорством.

Приказ № 227 – это уникальный документ с точки зрения военной психологии. Он написан не сухим канцелярским языком, а эмоционально.

И. Сталин, как автор текста, обращался не только к разуму, но и к базовым чувствам народа таким как, страх, стыд, ярость. Если ранее советская пропаганда описывала, прежде всего, успехи и удачи, подчеркивала сильные стороны СССР и Красной армии, то приказ Сталина № 227 начинался именно с констатации страшных неудач и потерь, подчеркивал, что страна стоит на грани жизни и смерти.

С политической стороны приказ № 227 был крайне эффективен. Он достиг своей главной цели, а именно: стабилизировал фронт и заставил армию сражаться с невиданным ранее упорством. Он был абсолютно логичен для того периода времени, для которого сохранение Родины – высшая ценность, оправдывавшая любые человеческие жертвы.

С психологической стороны приказ № 227 представляет собой трагический парадокс: с моральной точки зрения он является глубоко порочным, оправдывающим любые жертвы для достижения цели, а с политической и военной, в тех конкретно-исторических условиях, возможно, необходимым и безальтернативным для сохранения страны. Его жестокость неотделима от жестокости самой войны. В ситуации, когда традиционные призывы к патриотизму и долгу не оказали ожидаемого эффекта, становится необходимым внедрение новых методов воздействия, которые бы в полной мере соответствовали реальному положению дел, чем и стало чрезвычайное законодательство военного времени.

Литература:

1. Исаев А. В. Котлы 41-го. История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. URL: https://militera.lib.ru/h/isaev_av5/index.html (дата обращения 22.11.2025).

2. Тамеев Р. Потери и пленные РККА, или у кого «учились» советские генералы воевать? URL: <https://1957anti.ru/publications/item/1210-poteri-i-plennye-rkka-ili-u-kogo-uchilis-sovetskie>

generaly-voevat?ysclid=miqawtsm2r423690654 (дата обращения 21.11.2025).

3. Приказ Народного комиссара обороны СССР от 28.07.1942 № 227 мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения 21.11.2025).

4. Норин Е. Ни шагу назад. Правда и вымысел о заградотрядах. URL: <https://life.ru/p/998314?ysclid=miop14o2hn167486415> (дата обращения 20.11.2025).

5. Постановление СНК СССР от 21.09.1945 № 2436. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_СНК_СССР_от_21.09.1945_№_243

6. Добровольский А. Сталинская «прививка от трусости»: тяжелая история появления в РККА штрафных подразделений. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/07/27/stalinskaya-privivka-ot-trusosti-tyazhelaya-istoriya-poyavleniya-v-rkka-shtrafnykh-podrazdeleniy.html?ysclid=miopzz9g3526884458> (дата обращения 12.11.2025).

7. Зақвасин А. «Ни шагу назад»: как приказ Сталина повлиял на ход Великой Отечественной войны. URL: <https://russian.rt.com/science/article/413304-ni-shagu-nazad-prikaz-stalin-velikaya-otechestvennaya-voyna?ysclid=mioq3lxh6332604271> (дата обращения 22.11.2025).

8. Носатов И. 75 лет приказу «Ни шагу назад!»: что на самом деле запретил армии Сталин. URL: <https://www.m24.ru/articles/nauka/28072017/147607> (дата обращения 22.11.2025).

*Власов Иван Александрович
Аспирант кафедры истории России,
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина*

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI ВЕКЕ, В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРСКОГО, МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ ВАСИЛИЯ III ИВАНОВИЧА (ПО МАТЕРИАЛАМ НИКОНОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ)

В статье проводится анализ содержания текста Никоновской летописи – в особенности тех ее фрагментов, в которых содержатся упоминания о состоянии русско-польских взаимоотношений в XVI веке, в период царствования Василия III Ивановича. Автор статьи анализирует, структуру и содержательный аспект Никоновской летописи, раскрывает ее особенности как исторического документа, свидетельствующего о зарождении и развитии противостояния между Русским государством и Речью Посполитой в XVI в.

Ключевые слова: *русско-польские отношения; XVI век; Василий III Иванович; Никоновская летопись.*

RUSSIAN-POLISH RELATIONS IN THE 16TH CENTURY, DURING THE REIGN OF THE GRAND DUKE OF VLADIMIR, MOSCOW AND ALL RUSSIA VASILY III IVANOVICH (BASED ON THE MATERIALS OF THE NIKON CHRONICLE)

The article analyzes the content of the text of the Nikon Chronicle, especially those fragments of it that contain references to the state of Russian–Polish relations in the XVI century, during the reign of Vasily III Ivanovich. The author of the article analyzes the structure and substantive aspect of the Nikon Chronicle, reveals its features as a historical document testifying to the origin and development of the confrontation between the Russian state and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the XVI century.

Keywords: *Russian-Polish relations; XVI century; Vasily III Ivanovich; Nikon Chronicle.*

Крайне неровный, противоречивый, а временами и открыто конфронтационный характер взаимоотношений между Российским и Польским государством на всем протяжении европейской истории, достиг к настоящему моменту наивысшей степени напряжения и взаимной неприязни. В этой связи изучение первопричин противостояния двух сопредельных славянских государств, которое еще А.С. Пушкин описывал, как «спор славян между собою, домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою», имеет выраженную актуальность и в наши дни. На примере событий XVI века можно наглядно осмыслить траекторию деградации русско-польских отношений и проанализировать факторы, способствовавшие этому процессу.

Надо сказать, что «русско-польскому вопросу» уделяли внимание многие отече-

ственные историки, включая С.М. Соловьева [7, с. 212]. Однако, на наш взгляд, гораздо большей ценностью обладают свидетельства современников об обстоятельствах накалявшейся в течение долгого времени атмосферы во внешнеполитических контактах между Польским и Русским государством. Такие сведения мы находим в тексте широко известной в ученом сообществе Никоновской летописи.

Никоновская летопись является весьма информативным источником, причем как в отношении конкретно периода правления Василия III (1505–1530 гг.), так и в отношении событий европейской и русской истории XVI века, вообще. В это время произошли радикальные подвижки в отношениях между Русским государством и Речью Посполитой. Так, князь Александр Литовский (1461–1506) возлагал большие

надежды на смену власти в Москве после смерти Иоанна III в 1505 году, так как надеялся на обострение противоречий между боярскими группировками в «Московии». В Литве считали позиции внука Иоанна III – Дмитрия – довольно прочными. Шляхта рассчитывала, что усобица между дядей и племянником представила бы Литве удобный случай для возвращения земель, отвоёванных у нее Иоанном III [7, с. 212].

Согласно тексту Никоновской летописи, Александр Литовский распорядился собрать войско, дабы пограничные князья и братья великого князя Василия III Ивановича, узнав об этих приготовлениях, смогли обратиться к Литве за поддержкой. Кроме того, Александр Литовский просил также магистра Ливонского ордена Вальтера фон Плеттенберга начать аналогичные подготовительные мероприятия в Ливонии, дабы устрашить московского государя возможными военными действиями и сделать его уступчивее на переговорах [4, с. 4]. Однако из России в Литву пришло известие о том, что в столице Московского государства не происходит волнений: Василий III сел на княжение, а внук Дмитрий заточен в острог. Надежды на междоусобицы в русских элитах, как и на уступчивость Василия III Ивановича, не оправдались.

Летописные записи достаточно подробно описывают приход литовских послов к Василию III [4, с. 4]: когда послы Александра Литовского предложили очередной «вечный мир» и потребовали возвращения всех отвоёванных у Литвы при Иоанне III земель, то бояре им ответили, что великий князь владеет только своими землями и возвращать ему нечего. Более того, Василий III Иванович потребовал от князя Александра Ягеллончика, чтобы тот не принуждал свою жену Елену (приходившуюся Василию III сестрой) к принятию католической веры [4, с. 6]. В итоге князь Александр Литовский так и не смог воспользоваться сменой власти в Русском государстве после смерти Иоанна III, и вскоре умер сам (в августе 1506 года [4, с. 6]).

Дальнейшие записи летописи повествуют о смерти польско-литовского правителя Александра и воцарении «Жигимонта» – великого князя литовского и ко-

роля польского Сигизмунда I [4, с. 4]. Никоновская летопись отмечает, что Василий III хотел воспользоваться смертью бездетного зятя для мирного присоединения Литовской земли к Русскому государству. Он обратился к своей сестре Елене – вдове князя Александра Литовского, дабы она «сказала епископу, панам всей Раде, и земским людям, чтобы пожелали иметь его, Василия, своим государем и служить бы ему пожелали; а станут опасаться за веру, то государь в этом ни в чем не порушит как было при короле так все и останется, да ещё хочет жаловать свыше того». То же самое предложение Василий III адресовал князю Войтеху, епископу Виленскому, Николаю Радзивиллу и Раде – «чтобы пожелали его государство Литовское» [4, с. 8]. Елена же отвечала, что Александр назначил преемником (после себя) брата своего – Сигизмунда [4, с. 8]. Напомним: Казанский поход 1507 года был неудачным для Москвы, и в тот период Василию III нужно было приложить значительные усилия для исправления положения дел на востоке страны [4, с. 10]. Война с Польско-Литовским государством в его планы не входила.

В свою очередь Сигизмунд I (1506–1548) сразу после прихода к власти отправил послов в Москву навести справки о ситуации при дворе московского государя и сообщить ему о восшествии на престол нового правителя в Польско-Литовском государстве. В дополнение к этому, согласно Никоновской летописи, послы Сигизмунда I объявили, что «вечный мир», заключенный великим князем литовским и королем польским Казимиром IV Ягеллончиком с Московией, был нарушен, причем со стороны Москвы [4, с. 11].

Летопись сообщает также об ответной отправке в Литву русских послов «о мирном постановлении, мирном крестоцеловании и докончатальной грамоте», привезенной послами в Москву, знаменовавшей успешное окончание посольской миссии: «Тоя же зимы, Марта въ 1 й, приидоша послы великого князя Василия Ивановича всеа Руси изъ Литвы, Григорей Федоровичъ, да Иванъ Андреевичъ. да Михайло Степановичъ, да дьякъ Никита Губа Моклоковъ. И предъ ними король Польский князь

великий Литовский Жихдимонтъ крестъ целовалъ къ великому князю Василию Ивановичю всеа Руси на dokonчальныхъ грамотахъ, что ему направляти во всемъ, какъ въ нихъ написано, и до своего живота; да и грамоту dokonчальную къ великому князю отъ короля привезоша за его печатаю» [4, с. 11].

Летописец считает, что это «Жигимондъ» (Сигизмунд I) изменил крестному целованию, «натравливал Крымского хана Менгли-Гирея воевать украинские земли», а не русский царь, и в итоге Василию III пришлось разорвать «крестное целование» и пойти войной на Литву [4, с. 14].

Анализируя причины войны, следует обратить внимание на фрагмент Никоновской летописи, которая повествует о том, как королевские послы учинили бесчинство над великой княгиней Еленой, вдовой Александра Литовского и сестрой Василия III: «О измене королеве. Тоя же осени приде вестъ къ великому князю Василию Ивановича всеа Руси, что Жихдимонтъ король Полегай ссылается со бесерменствомъ на христаанство, съ Крымскимъ царемъ Менли-Гиреемъ, наводитъ его на христаанство. на великого князя земли, и чтобы царь на великого князя пошелъ ратью; а преже того царевичи МенлиГиреевы дети приходили ратаю на великого князя украинные места по королеву ж наводу; да и инья неисправлеша многие король великому князю учаль делати чрезъ dokonчальные грамоты и 10 чрезъ крестное целоваше; а сестру великого князя, королеву Александрову, великую княгиню Елену велелъ паномъ своимъ въ Вилне поимати да. за сторожи держати въ нятстве, за Вилною въ Бершьтахью, и королевы Елены въ той нужи и въ животе не стало, Богъ вестъ которыми делы; и князь велигай о техъ неисправлешахъ и о сестре о своей, о королеве Елене, посылалъ къ Жихдимонту королю многождыхъ своихъ пословъ и гонцовъ, и королевовъ всехъ неисправлеше, ничему управы не учинилъ, а о королеве великой княгине Елене и ответа не далъ» [4, с. 14]. Таким образом, автор летописи уверяет в том, что польский король сознательно направлял набеги крымских татар на украинские земли [4, с. 15].

Далее текст летописи содержит упо-

минание «о посрамлении гетмана Острожского» и отсылке обратно ни с чем послов Жигимонда (Сигизмунда I) [4, с. 26]. Очевидно, что Василий III использовал ту же политику, что и Сигизмунд I, – он склонял крымских ханов к походу на Литву. Эта ситуация указывает на то обстоятельство, что между Русским и Польско-Литовским государством шла острая борьба за влияние на Крымское ханство, и каждый из правителей старался привести к власти в Крыму своего ставленника [4, с. 28]. В то же время сообщается об установлении пятилетнего перемирия с Литвой: «Ва лето 7031. Сентября, приидоша на Москву послы Литовские пан Петръ Станиславовъ да Богушь Боговитиновъ да писарь Ивашко Горностаев, и взяша съ великим князем перемирье на пять лета» [4, с. 43]. И далее Никоновская летопись рассказывает о «докончальном перемирии», учрежденном на 6 лет: «Въ лето 7035. Прихаша къ великому князю послы Литовские – а князь велики былъ на своей потехе въ Можайске – отъ короля Жигимонта Петръ Станиславичъ, воевода Полотцкий, да писарь и моръшалокъ Богушь Боговитиновъ, и взяша съ великимъ княземъ перемирье на шесть летъ: да изъ Можайска князь велики Литовскихъ пословъ отпустилъ. и цесарева посла и папина посла изъ Можайска же отпустилъ» [4, с. 45].

Вскоре в Москву отправилось очередное литовское посольство: «тое же зимы, Марта 17 м, приидоша къ великому князю Василью Ивановичю всеа Русы на Москву послы. Литовские отъ короля Жигимонта, Иванъ Богдановъ Сопейгинъ да Матвей Войтеховъ Ключниковъ да Павелъ Нуршевъ писарь, и взяша съ великимъ княземъ перемирие на годъ, отъ Рожества Христова лета 7041 до Рожества Христова лета 7042; и отпустилъ князь велики пословъ Литовскихъ къ ихъ государю» [4, с. 61]. Летописец подробно повествует об этом путешествии польско-литовской делегации: «Той же зимы, Генваря, великого князя посланникъ Василей Олферьевъ сынъ отъ короля Жидимонъта изъ Литвы приехалъ, а съ нимъ вместе королевъ человекъ Ивашко Глаголъ з грамотою, а сказалъ великому князю Василью, что былъ у великого князя изъ Святые горы, ис Пантелей-

монова монастыря, изъ его богомольи, игумень его Гаврило о милостыне и великий государь пожаловалъ, отпустилъ его въ свою богомолью и милостыню съ нимъ послалъ въ свой монастырь, а шелъ игумень на Литовскую землю, и въ Минску его ограбили. Князь великий королева человека Ивашка Глаголя и отпустилъ, а съ нимъ послалъ х королю грамоту о игумене, чтобы его управилъ безволокидно» [4, с. 67].

Завершая изучение текста Никоновской летописи, посвященное русско-польским отношениям XVI века, можно сделать некоторые выводы:

- во-первых, текст Никоновской летописи носит явно прорусский, патриотический характер. Летопись, как известно, написана при московском дворе, причем специально для патриарха Никона;

- во-вторых, Василий III не желал продолжения конфликта с Польско-

Литовским государством и старался вести в целом миролюбивую политику, что подтверждает последняя запись летописи: «Князь великий королева человека Ивашка Глаголя и отпустилъ, а съ нимъ послалъ х королю грамоту о игумене, чтобы его управилъ безволокидно» [4, с. 67]. Литовский же двор стремился спровоцировать Крымское ханство на враждебные действия по отношению к России;

- в-третьих, содержание многих записей в Никоновской летописи свидетельствует о череде конфликтов, периодически разгоравшихся между Русским и Польско-Литовским государством в период правления Василия III Ивановича, многие из которых в современной историографии даже не имеют самостоятельных названий, поскольку были вытеснены на обочину истории событиями Ливонской войны.

Литература:

1. Клосс, Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – Москва: Наука, 1980. – С. 31–150.
2. Кром, М.М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / Рос. гос. арх. древ. актов. – Москва: Археографический центр, 1995. – 291 с. – ISBN 5-86169-013-8.
3. Кром, М.М. Стародубская война, 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. – Москва: Рубежи XXI, 2008. – 140 с.
4. Полное собрание русских летописей. – Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – 1-я половина. – Санкт Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1904. – 310 с.
5. Полное собрание русских летописей. – Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – 2-я половина. – Санкт Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1906. – 229 с.
6. Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Вторая половина XIV–XVI в.: Л-Я. – Ленинград: Наука, ленинградское отделение, 1989. – 527 с.
7. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18. книгах. – Кн. 3: История России с древнейших времен. – Т. 5–6; отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – Москва: Мысль, 1989. – 783 с.

Коваленко Борис Никифорович
Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов
Санкт-Петербургского государственного университета

Васильев Валерий Викторович
Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России
Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского

Васильева Оксана Александровна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков №3
Института филологии Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского

ЧЕЛОВЕК – ЛЕГЕНДА (К 105-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЧЁТНОГО ДОКТОРА СПБГУ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИИ ЙОХАННЕСА БААРА)

В статье рассмотрены личность, жизнь и деятельность Йоханнеса Баара (1921-2018), доктора филологии, выдающегося Человека, организатора семинаров русского и немецкого языков в Германии и советской и постсоветской России. Авторы описывают его биографию в историко-социальном контексте и обстоятельствах личной судьбы и активной гуманитарной деятельности по укреплению международных связей Германии и России. Пройдя через суровые испытания второй мировой войны, пережив плен, Й. Баар не только не очерствел душой, но сделал все, чтобы восстановить добрые отношения и чувства между немецким и русским народами. Дело всей жизни Й. Баара стало распространение русского языка. В напряженные годы послевоенного непонимания он стал человеком, наводящим мосты между Германией и Россией. Й. Баар – организатор и создатель старейшего в Германии Международного семинара русского языка в Тиммендорфер Штранде, работающего уже 60 лет и получившем общеевропейскую известность.

Ключевые слова: Человек-легенда, доктор филологии Йоханнес Баар, семинар русского языка, Тиммендорфер Штранд, Германия.

*Kovalenko B.N.,
Vasiliev V.V.,
Vasilieva O.A.*

EGENDARY PERSON (ON THE 105TH ANNIVERSARY OF THE HONORARY DOCTOR OF ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY, PHILOLOGIST JOHANNES BAAR)

The article describes the personality, life and work of Johannes Baar (1921-2018), doctor of philology, an outstanding person, organizer of seminars of Russian and Germany languages in Germany and Soviet and post-Soviet Russia. The authors describe his biography in the historical and social context and circumstances of personal fate and vigorous humanitarian work to strengthen the international relations of Germany and Russia. After going through the severe trials of the Second World War, having survived the captivity, J. Baar not only did not harden his soul, but did everything to restore good relations and feeling between the German and Russian peoples. The deed of the whole life of J. Baar was the spread of the Russian language in Germany. In the tense years of post-war misunderstanding, he became a man who bridges between Germany and Russia. J. Baar is organizer and creator of the oldest in Germany International Russian Seminar in Timmendorfer Strand, which has been working for 60 years and has received general European fame.

Keywords: *Legendary person, Doctor Johannes Baar, Seminar of Russian language, Timmendorfer Strand, Germany.*

В феврале 2026 года исполнилось 105 лет со дня рождения почетного доктора Санкт-Петербургского университета доктора филологии Йоханнеса Баара (1921-2018), выдающегося Человека, блестящего популяризатора русского языка, организатора семинаров русского и немецкого языков в Германии и советской и постсоветской России, создателя и организатора старейшего в Германии Международного ежегодного семинара русского языка в Тиммендорфер Штранде.

Вспоминая сегодня о событиях жизни этого замечательного, доброжелательного, чуткого человека, знатока и любителя

русского языка, неустанного его пропагандиста в Германии, мы думаем о том, какие беды пришлось пережить человеку XX века: война, лишения, плен, ... но самое главное заключается в том, что победить такого человека оказалось невозможным [9].

Судьба этого необыкновенного человека – это летопись целой эпохи, а сам доктор Баар стал Человеком-легендой. Его удивительная биография поражает. Бывший немецкий офицер, он прошел испытания второй мировой войны и плена, но не только не пал духом, не очерствел душой, но полюбил советских людей и русский язык, сделал все, что может сделать чело-

век, чтобы восстановить добрые отношения и чувства между нашими народами. В послевоенной Германии Доктор Й. Баар стал выдающимся популяризатором русского языка и русской культуры.

Блестящая эрудиция, великолепные организаторские способности, удивительная настойчивость в достижении поставленной цели, умение собрать вокруг себя друзей, учеников, необычайные личные качества – все это в полной мере дало себя знать в главном деле его жизни: организации семинаров русского и немецкого языков в Федеративной Германии и Советском Союзе [2,3]. В напряженные годы послевоенного непонимания он стал человеком, наводящим мосты между Германией и Россией. В своей книге «Урок русского: Фронтовые письма немецкого лейтенанта» доктор Баар написал: «Я попытался выучить русский язык, познакомиться с людьми этой страны. И уже на протяжении десятилетий я пытаюсь делать все для распространения этого языка, оптимистично веря, что разговор с людьми другой нации является основой для равноправия, избавляет от комплексов, содействует заботе о ближнем» [1, с. 179].

Йоханнес Баар родился 7 февраля 1921 года в поселке Хайсенбюттель (Нижняя Саксония), вырос в поселке Эльбек недалеко от Люнебурга, в 1940 г. окончил гимназию города Люнебург. В октябре 1940 года он стал солдатом вермахта и 22 июня 1941 года с немецкими войсками вступил на территорию Советского Союза. Он был призван в армию солдатом артиллерийского полка вермахта, после окончания курсов офицерского состава стал лейтенантом, воевал на Восточном фронте. 8 мая 1945 года в Курляндии (современная Латвия) попал в советский военный плен.

На советско-германском фронте в 1941-1945 гг. Йоханнес Баар прошел нелегкий путь прозрения. Придя в Россию молодым немецким солдатом-новобранцем с верой в правоту миссии «похода на восток», он многое пережил и сумел увидеть и понять чужую страну.

28 ноября 1946 года вернулся на родину. После всех испытаний Йоханнес Баар в 1947 г. стал студентом филологического

факультета Гамбургского университета, изучал греческий, латинский и русский языки, защитил в 1952 году диссертацию, получил ученую степень доктора филологии и начал работать в городской гимназии, где в 1955 г. организовал кружок русского языка.

В 1964 году доктор Баар стал руководителем профессионального семинара по русскому языку в Гамбурге и получил приглашение в Москву на четырехнедельный семинар в Московский университет. В 1966 г. он активно поддержал инициативу земельной ассоциации преподавателей русского языка и славистов Гамбурга по организации и проведению в городе Тиммендорфер Штранде двухнедельного семинара для западногерманских русистов С 1968 по 1995 гг. доктор Баар руководил Тиммендорфским семинаром русистов, получившем широкое международное признание и авторитет [7].

Доктору Йоханнесу Баару удалось создать на семинаре русистов в Тиммендорфер Штранде уникальную атмосферу духовной близости, взаимопонимания, открытости, интеллектуальной свободы и ни с чем не сравнимой человеческой дружбы. «Две недели России» в сердце Германии значили очень много: это был настоящий, искренний диалог между Западом и Востоком. Л. А. Вербицкая отмечает, что такую атмосферу любви к русскому языку, его народу и культуре мог создать только тот, кто сделал смыслом своей жизни пропаганду языка Достоевского и Толстого, Пушкина и Чехова, кто искренне полюбил Россию [4, с. 9].

Во времена холодной войны доктору Баару удалось получить разрешение проводить семинары по Тиммендорфскому образцу в Советском Союзе, а затем в России и на Украине, сначала (1973 г.) в Симферополе, и вскоре в других городах. В 1977-1989 гг. подобный семинар работал в Киеве на базе Киевского государственного университета им. Т. Шевченко. В период советской перестройки «бааровские семинары» активно функционировали в Москве, Ленинграде, Минске, Смоленске, Твери, Иркутске. Они сохраняли популярность до начала XXI века – более 30 лет! [8]

Многие немецкие слушатели семинара в Тиммендорфер Штранде не просто осваивали русский язык или усовершенствовались в его познаниях, но и узнавали Россию и русские реалии со всеми их плюсами и минусами, что способствовало более глубокому взаимопониманию наших народов. И именно доктор Баар открывал им глаза на неведомую Россию, находя свой ключ к каждому участнику семинара, к его интересам и личности.

Важнейшей своей задачей доктор Баар считал приглашение на семинар высококвалифицированных преподавателей из ведущих университетов Советского Союза. С 1972 года они стали приезжать в Тиммендорфер Штранде как по линии Министерства высшего и среднего специального образования СССР, так и по линии Союза советских обществ дружбы с народами зарубежных стран. На семинаре работало около 500 советских преподавателей из университетов Москвы, Ленинграда (Петербурга), Киева, Минска, Вильнюса, Харькова, Симферополя. Большой популярностью пользовались занятия Г. Н. Аверьяновой, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкой, И. М. Вознесенской, Н. А. Купиной, Н. А. Курковой, В. М. Мокиенко, К. А. Роговой, С. И. Тиминой, Н. Л. Федотовой, А. В. Фролкиной, Д. И. Фурсенко, А. Н. Щукина.

Благородная деятельность Йоханнеса Баара, связанная с преподаванием и популяризацией русского языка, получила мировое признание. Он был избран Почётным доктором Санкт-Петербургского государственного университета (1990), награж-

дён Федеральным Крестом «За заслуги» (Германия, 1996 г.), в 1985 г. был удостоен высшей награды Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) – медали А. С. Пушкина, неоднократно избирался вице-председателем Федерального союза преподавателей русского языка ФРГ [6].

С доктором Бааром уходит целая эпоха взаимного постижения наших стран и народов. Познания, лишённого политических стереотипов. Уходит эпоха, но Дело, которому он посвятил свою жизнь, продолжается всеми нами.

С 2008 года по настоящее время Тиммендорфский семинар возглавляет Кристина Мильш, ученица и преемник доктора Йоханнеса Баара. Несмотря на сложную международную обстановку семинар русистов живёт. В 2026 году он отметит 60-летний юбилей. В новых условиях уже несколько лет он продолжает свою работу в формате онлайн, сохраняя высокий авторитет, широкую известность, добрые традиции и, надеемся, имеет хорошие перспективы на будущее.

Доктор Йоханнес Баар ушел из жизни 29 октября 2018 года на 98-м году [4], но до последних дней он не терял связи с Тиммендорфским семинаром, с преподавателями, оставаясь душой этого проекта и любимцем его участников. Каждая такая встреча с этим умным, отзывчивым человеком, вызывавшим любовь и восхищение, знатоком русского языка, Учителем и наставником была праздником для всех. Таким он и останется в нашей памяти.

Литература:

1. Баар Йоханнес. Урок русского: Фронтовые письма немецкого лейтенанта / Предисл. Л. А. Вербицкой. СПб.: Филологический фак. СПбГУ, 2005.
2. Васильев В. В., Васильева О. А. Язык до Симферополя доведёт. К 90-летию со дня рождения доктора филологии Йоханнеса Баара // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 211 – Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63), №1, часть 1. – Симферополь, 2011. С. 411-415.
3. Васильев В. В., Коваленко Б. Н. Доктор Йоханнес Баар – патриарх немецкой русистики // Русский язык за рубежом / Специальный выпуск / Русистика Германии. 2017. С. 90-95.
4. Вербицкая Л. А., Коваленко Б. Н., Рогова К. А. Памяти Йоханнеса Баара // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 116.
5. Вербицкая Л. А. Доктор Баар – Почетный доктор Санкт-Петербургского университета // Баар Йоханнес. Урок русского: Фронтовые письма немецкого лейтенанта / Предисловие

Л. А. Вербицкой.

6. Коваленко Б. Н. 95 лет Почетному доктору Санкт-Петербургского университета доктору филологии Йоханнесу Баару // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 112.

7. Коваленко Б. Н., Мильш К. Русский язык в Германии – интенсивные краткосрочные курсы (Международный семинар русского языка в городе Тиммендорфер Штранде) // Русский язык за рубежом / Специальный выпуск / Русистика в Германии. 2017. С. 10-15.

8. Мильш К., Коваленко Б.Н., Мокиенко В.М. «Уроки русского» доктора филологии Йоханнеса Баара // Quaestio Rossica, 2019, 7(2), с. 383-392.

9. Рогова К. А. Письма с фронта. Немецкого. // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 103-104.

Леонтьева Елена Александровна
Студент Института исторического и правового образования

Научный руководитель: Ковалев Андрей Владимирович,
доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и
обществоведения, кандидат исторических наук,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Россия, Волгоград

ЦЕНА ПРОГРЕССА: ЭКСПЛУАТАЦИЯ ДЕТСКОГО ТРУДА И МОРАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АНГЛИИ

Рассматривается эксплуатация детского труда в Англии в период индустриальной революции как одна из наиболее острых социальных и моральных проблем эпохи. Исследуются моральные аргументы, использовавшиеся для оправдания и осуждения данной практики, а также законодательные и общественные инициативы, направленные на регулирование и ограничение детского труда. Особое внимание уделяется долгосрочным последствиям эксплуатации детского труда для английского общества, включая ухудшение здоровья населения, социальное расслоение и сдерживание экономического развития.

Ключевые слова: *индустриальная революция, Англия, детский труд, эксплуатация, фабричное законодательство, общественное движение, социальные последствия, экономический рост, права ребенка, промышленность.*

THE PRICE OF PROGRESS: THE EXPLOITATION OF CHILD LABOR AND THE MORAL COSTS OF THE INDUSTRIAL REVOLUTION IN ENGLAND

The exploitation of child labor in England during the Industrial Revolution is considered as one of the most acute social and moral problems of the era. The article examines the moral arguments used to justify and condemn this practice, as well as legislative and public initiatives aimed at regulating and limiting child labor. Special attention is paid to the long-term consequences of child labor exploitation for English society, including the deterioration of public health, social stratification and the inhibition of economic development.

Keywords: *industrial revolution, England, child labor, exploitation, factory legislation, social movement, social consequences, economic growth, children's rights, industry.*

Индустриальная революция в Англии, охватывающая период с конца XVIII до середины XIX века, представляет собой эпоху радикальных преобразований. Она ознаменовалась внедрением новых технологий, механизацией производства и невиданным ранее экономическим ростом. Однако триумф прогресса оказался омрачен темными сторонами, среди которых особенно выделяется эксплуатация детского труда. Феномен, который сегодня кажется немислимым, в те времена был обыденностью, пронизывающей различные отрасли промышленности.

Актуальность исследования заключается в том, что уроки индустриальной революции, в частности, связанные с эксплуатацией детского труда, остаются важными и сегодня. В современном мире, где глобализация и стремление к экономической эффективности порой также ставят под угрозу права человека, важно помнить

о моральных издержках прогресса. На это указывают и современные исследователи, подчеркивая важность исторического опыта в решении современных проблем [6].

Экономическая необходимость была, пожалуй, основным фактором, толкавшим детей на работу. Семьи, особенно в городских районах, сталкивались с острой нуждой в пище, и детский труд становился важным источником дохода. Э. Бэйнс, бывший редактором и владельцем газеты "Лидс Меркьюри", политиком и автором исторических и географических справочников, в своей "Истории хлопчатобумажной промышленности в Великобритании" также подчеркивает, что использование детского труда было повсеместным в текстильной промышленности и не было чем-то необычным или аморальным: «Плетение ситца – одна из самых простых ручных операций, которую можно освоить за несколько минут и полностью освоить за несколько

недель. Это требует так мало силы или умения, что ребенок восьми или десяти лет может заниматься этим. Я знаю, что многие дети ткачей начинают ткать в возрасте восьми лет, работая бок о бок с отцом, и отец приходит регулировать это, если что-то идет не так. Распространенный случай.» [8, р. 493].

Отсутствие всеобщего образования и четкой системы защиты прав детей приводило к тому, что детский труд воспринимался как нечто само собой разумеющееся. Законы о бедных обязывали приходы находить работу для детей-сирот и детей из бедных семей, часто отправляя их на фабрики. Исследователи отмечают, что это было обычным явлением не только на фабриках, но и в сельском хозяйстве, домашнем производстве и ремеслах [5].

В различных отраслях промышленности Англии детский труд имел свои специфические особенности, обусловленные технологическими процессами и потребностями производства. Хлопчатобумажные фабрики были одним из основных мест, где использовался детский труд [10, р. 106-116]. Небольшие пальцы и ловкость детей были незаменимы при работе с прядельными и ткацкими машинами. Они чистили машины, связывали порванные нити и выполняли другие мелкие операции, часто работая по 12-14 часов в день в условиях высокой температуры, шума и пыли. Фридрих Энгельс в своей работе "Положение рабочего класса в Англии" подробно описывает ужасные условия труда детей на текстильных фабриках, отмечая высокую заболеваемость и смертность среди них: «Повсюду спуют дети и женщины, оборванные и такие же грязные, как свиньи, которые тут же валяются в кучах мусора и лужах. Люди, которые живут в этих полуразрушенных коттеджах, за разбитыми окнами, затянутыми промасленным холстом, за растрескавшимися дверями с полу сгнившими косяками или в темных сырых подвалах, среди этой невообразимой грязи и вони, в этой как будто нарочно отравленной атмосфере, – эти люди действительно не могут не опуститься до низшей ступени человечества» [7, с. 268].

В угольных шахтах дети, начиная с 5-

6 лет, выполняли тяжелую и опасную работу. Они протаскивали вагонетки с углем по узким и низким туннелям, работали в качестве "открывателей дверей", пропуская вентиляцию, и выполняли другие задачи. Условия в шахтах были крайне вредными для здоровья: постоянная сырость, отсутствие вентиляции, риск обвалов и взрывов. Отчеты комиссий по расследованию условий труда детей в шахтах содержат ужасающие свидетельства об эксплуатации и страданиях детей. Дети и подростки, занятые перетаскиванием угля и железной руды, все жалуются на большую усталость. Даже в тех промышленных заведениях, где царит самая бессовестная эксплуатация, мы не встречаем такого всеобщего и такого крайнего истощения. Очень часто случалось, что дети, вернувшись домой, падали на каменный пол у очага и тотчас же засыпали, что они даже не в состоянии что-нибудь съесть [7, с. 468].

Детский труд использовался и в других отраслях промышленности, таких как производство спичек, керамики, стекла и т.д. В этих отраслях дети также подвергались воздействию вредных веществ, работали долгие часы и получали мизерную плату. Эксплуатация детского труда была не просто экономическим феноменом, но и глубокой социальной проблемой, отражавшей моральные издержки прогресса в эпоху индустриализации. Но самое страшное – это привело к ухудшению здоровья населения, особенно среди бедных слоев общества [12, р. 28-29].

Теперь же, взглянув на проблему поближе, давайте рассмотрим моральные аргументы, которые использовались в английском обществе для оправдания или осуждения эксплуатации детского труда. Аргументы в защиту основывались, прежде всего, на экономических соображениях. Сторонники детского труда утверждали, что он является необходимым условием экономического роста и процветания страны, а также то, что детский труд позволяет снизить издержки производства, повысить конкурентоспособность английской промышленности. Эндрю Юр, один из главных либеральных защитников фабричной системы и решительным противником фаб-

ричного законодательства в своей "Философии производства" утверждал, что фабрики предоставляют детям возможность получить полезные трудовые навыки и внести свой вклад в экономику страны. Также, он считал, что лучше, чтобы дети работали и приносили доход в семью, чем чтобы они оставались без дела и занимались попрошайничеством или преступностью. [14, p. 180]

Моральная критика эксплуатации детского труда, в свою очередь, основывалась на принципах гуманизма и защиты прав детей. Они утверждали, что использование столь юных рабочих является грубым нарушением прав ребенка на образование, отдых, здоровье и нормальное развитие, а также лишение его счастливого детства, поскольку дети, работающие на фабриках и в шахтах, лишены возможности учиться, играть и общаться со сверстниками [3]. Особое возмущение вызывали жестокие условия труда, в которых работали дети. Они подвергались физическому насилию, унижениям и эксплуатации со стороны надсмотрщиков и работодателей [10, p.30]. Длительные рабочие смены, отсутствие перерывов, вредные условия труда приводили к болезням, увечьям и ранней смерти. Факты о жестоком обращении с детьми на фабриках и в шахтах были широко известны благодаря отчетам парламентских комиссий, публикациям в прессе и свидетельствам очевидцев, о которых мы говорили ранее в статье, ссылаясь на работу Ф. Энгельса [7, с. 341].

Но самым колким для защитников детского труда являлось то, что критики связывали эксплуатацию детей с проявлением глубокой социальной несправедливости, когда богатые наживаются на бедных. Они утверждали, что детский труд увековечивает бедность (*perpetuates poverty*), поскольку лишает детей возможности получить образование и вырваться из нищеты. Это вело к моральному разложению общества, оставляя лишь пустое желание выжить и прокормить семью. В своих работах Е.С. Демченко подробно рассматривает вклад Оуэна в борьбу с детским трудом в Англии начала XIX века: «Роберт Оуэн, один из первых социальных реформаторов, ак-

тивно выступал против детского труда, считая его аморальным и разрушительным для общества. Он сократил рабочий день до 10 часов, включая 1,5 часа на обед, увеличил заработную плату, построил для рабочих новые жилища. Но самое важное для нашей темы здесь – это его запрет на то, что дети обоих полов не должны приниматься на работу пока не научатся читать и писать. Значит, работать могли только те дети, чья жизнь не была ограничена одной лишь работой на фабрике, а имела место для морального развития и образования» [2].

Но несмотря на сильное сопротивление со стороны промышленников и сторонников «позвольте-делайте» (*laissez-faire*), что означает невмешательство в проблемы государства, особенно экономические, постепенно в Англии происходили изменения в общественном сознании. Все больше людей осознавали аморальность и несправедливость эксплуатации детского труда и выступали за его ограничение и запрет. И поэтому, начали принимать законы, направленные на регулирование и ограничение детского труда.

Закон 1802 года (*The Factory Health and Morals Act, 1802*), также известный как "Закон о здоровье и нравственности учеников", был первым фабричным законом в Англии. Он был направлен на улучшение условий труда всех детей, работающих в текстильных фабриках. Требовалось, чтобы на каждой фабрике имелось достаточное количество окон и отверстий для вентиляции, помещения должны были очищаться не менее двух раз в год раствором негашеной извести и водой. А также, закон ограничивал рабочий день учеников 12 часами, запрещал ночную работу и требовал, чтобы работодатели предоставляли им образование. Однако закон касался только учеников, а не всех детей-рабочих, и его соблюдение было затруднено из-за отсутствия эффективных механизмов контроля [11, p. 1 – 8].

Закон 1833 года (*The Factory Act, 1833*) стал значительным шагом вперед. Он запретил работу детей младше 9 лет, ограничил их рабочий день от 9 до 13 лет 8 часами, а подростков от 13 до 18 лет – 12 часами, а также посещение школы стало обязательностью. Упорное противодействие зако-

ну 1833 г. со стороны владельцев фабрик, предсказывавших гибель отечественной промышленности на пользу иностранной конкуренции, на первых порах привело к изгнанию малолетних с фабрик. Ко всему прочему, закон предусматривал создание фабричной инспекции для контроля за соблюдением законодательства что ввело должность первых специалистов, оценивающих условия труда. Именно с этого момента начинается формирование основ классификации рабочих мест по степени вредности и опасности. [11, р. 9 – 30].

Закон 1844 года (The Factories Regulation Act, 1844) еще больше ограничил детский труд, установив 6,5-часовой рабочий день для детей от 8 до 13 лет и требуя обязательного посещения школы в течение 3 часов в день. Он также ввел некоторые меры по охране труда и здоровья работников, и право быть мировым судьей у инспекторов было отобрано [11, р. 33 – 96]. Этим законом закончился ряд важнейших постановлений по текстильным производствам.

Последний закон, который можно добавить в этот важный список – Закон о десятичасовом рабочем дне 1847 года (The Factory Labour Limitation Act, 1847). Можно сказать, что он словно приправа к готовому блюду, был принят под давлением рабочего движения и ограничил рабочий день для женщин и подростков 10 часами, поскольку до этого было принято достаточно важных актов. Но хотя закон напрямую не касался детей младше 13 лет, он косвенно улучшил и их положение, поскольку работодателям стало менее выгодно использовать детский труд [11, р. 98 – 100].

В Англии существовало активное общественное движение, выступавшее за ограничение и запрет детского труда. В этом движении участвовали религиозные деятели, писатели, журналисты, врачи и другие представители интеллигенции. Например, одно из таких движений – чартисты. Это мощное общественное движение, охватившее Великобританию в 1830-40-х годах, стало голосом рабочего класса, стремящегося к политическому и социальному равенству. В основе чартистской програм-

мы лежала Народная хартия, документ, провозглашавший необходимость демократических реформ, таких как всеобщее избирательное право для мужчин, равные избирательные округа и отмена имущественного ценза для кандидатов в парламент. Они не сразу достигли всех своих целей, однако сыграли важную роль в формировании общественного сознания и создании предпосылок для последующих реформ в области трудового законодательства [4].

Цена прогресса действительно оказалась высокой. Индустриальная революция в Англии, принесшая невиданный экономический рост и технологический прорыв, сопровождалась глубокими социальными и моральными издержками, наиболее ярким проявлением которых стала массовая эксплуатация детского труда. Общественная дискуссия эпохи раскололась между сторонниками детского труда, апеллировавшими к экономической необходимости и традиционным представлениям о семье, и его критиками, выступавшими с позиций морали, справедливости и защиты прав ребенка.

Ответом на растущее общественное давление стало постепенное формирование фабричного законодательства, которое, начиная с акта 1802 года, последовательно вводило ограничения на использование детского труда, регулировало рабочие часы и условия, а также закладывало основы системы инспекции. Эти законодательные инициативы, подкрепленные активностью общественных движений, таких как чартисты, обозначили поворотный пункт в признании государственной ответственности за социальные последствия индустриализации.

Таким образом, опыт Англии периода индустриальной революции демонстрирует, что устойчивый экономический прогресс не может быть достигнут за счет игнорирования социальной справедливости. Исторический урок этого периода остается актуальным, указывая на необходимость постоянного этического осмысления целей и средств прогресса в любую эпоху.

Литература:

1. Блан, Л. Письма об Англии. Т. 2 [Электронный ресурс] / Л. Блан; перевод под редакцией М. А. Антоновича. – СПб.: Типография Куколь-Яснопольского, – 1870. – 411 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_022287063/ (дата обращения: 20.11.25).
2. Демченко Е.С. Роберт Оуэн: его мысли и действия касательно детского труда в Англии начала XIX века // Культура. Духовность. Общество. –2013. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/robert-ouen-ego-mysli-i-deystviya-kasatelno-detskogo-truda-v-anglii-nachala-xix-veka>(дата обращения: 20.11.25).
3. Демченко Е.С. Состояние здоровья детей, занятых в фабричном производстве Англии второй четверти XIX века // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2014. – №2. С. 76-80 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/health-of-children-employed-in-a-factory-production-of-england-in-second-quarter-of-the-xix-century> (дата обращения: 20.11.25).
4. Каменецкая К., Народная хартия английского пролетариата 1838 года // URL:<https://libmonster.Ru/m/articles/view/народная-хартия-английского-пролетариата-1838-года>. С. 15-29 (дата обращения: 29.11.25).
5. Цуркан Н.А. Правовое регулирование труда несовершеннолетних работников в англосаксонских странах (на примере Великобритании, Канады и ЮАР) // Ежегодник трудового права. – 2014. – №10. С. 531-539 URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-truda-nesovershennoletnih-rabotnikov-v-anglosaksonskih-stranah-na-primere-velikobritanii-kanady-i-yuar> (дата обращения: 20.11.25).
6. Чикалова И.Р. Женский и детский труд в странах западной Европы и США в XIX веке // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сборник науч. ст. Вып. 2 /– Минск: БГПУ, 2002. – с. 148–170. URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/1175> (дата обращения: 22.11.25).
7. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. 2-е изд. 1845. – Т. 21, 616 с. (дата обращения: 29.11.25).
8. Baines E. History of the cotton manufacture in the Great Britain. L., 1835. 544p.URL:<https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2019/08/main/241-e.pdf> (дата обращения: 13.11.25).
9. Cook- Taylor, W. C. The hand book of silk, cotton, and woollen manufactures. L., 1843. 226 p. URL:<https://catalogue.nla.gov.au/catalog/6033281> (дата обращения: 13.11.25).
10. Factory question considered in relation to it's effects on the health and morals of those employed on factories / K. H. Grey. L., 1837. – 151 p. URL: https://ucl.primo.exlibrisgroup.com/permalink/44UCL_INST/5apqbq/alma990009005520204761 (дата обращения: 30.11.25).
11. The Factory Acts. Comprising the statutes. L., 1855. – 124 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=MroDAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 30.11.25).
12. The Factory system and factory statistics // The medicochirurgical medicine journal of practical medicine. L., 1837. – Vol. 26. – P. 25-31. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29919970/> (дата обращения: 30.11.25).
13. Report of Commission of Inquiry into the Employment of Children and Young Persons in Mines and Collieries and In the Trades and Manufactures». First and Second Reports. L., 1843 – 267 p. URL: https://books.google.ru/books/about/The_Physical_and_Moral_Condition_of_the.html?id=gSJHAAAAI

AAJ&redir_esc=y (дата обращения: 21.11.25).

14. Ure. A. The Cotton Manufacture of Great Britain. L., 1835. - 480 p.

URL:

<https://books.google.ru/books?id=-984AAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

(дата обращения: 27.11.25).

Луговцова Марина Юрьевна
Старший Преподаватель,
кафедра иностранных языков и образовательных технологий,
Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцин,
Екатеринбург, Россия

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ БЕЛЬГИИ 1932-1939 ГГ.

В 1932-1939 годах Коммунистическая партия Бельгии (КПБ) представляла значительную силу левого движения в стране, активно выступая против экономического кризиса, социального неравенства и угрозы фашизма. Несмотря на ограниченную массовую поддержку и жесткое давление со стороны властей, КПБ укрепляла связи с международным коммунистическим движением и Коминтерном. Партия ориентировалась на мобилизацию рабочего класса и участие в антифашистской борьбе, что предопределило её роль в последующих событиях Второй мировой войны. Анализ данного периода позволяет понять становление и развитие коммунистического движения в Бельгии на фоне глобальных политических и социальных вызовов 1930-х годов.

Ключевые слова: коммунистическая партия Бельгии, Российская коммунистическая партия, бельгийско-российские отношения, Коминтерн, В.И. Ленин, Жозеф Жакмтт, Бельгийская рабочая партия (БРП), И. В. Сталин, Поль-Анри Спаак, народный фронт.

Lugovtsova M.Yu.

COMMUNIST PARTY OF BELGIUM 1932-1939

Between 1932 and 1939, the Communist Party of Belgium (CPB) represented a significant force within the country's left-wing movement, actively opposing the economic crisis, social inequality, and the rise of fascism. Despite limited mass support and severe repression by authorities, the CPB strengthened its ties with the international communist movement and the Comintern. The party focused on mobilizing the working class and participating in the anti-fascist struggle, which defined its role in the events leading up to World War II. Analyzing this period sheds light on the formation and development of the communist movement in Belgium amid the global political and social challenges of the 1930s.

Keywords: *communist Party of Belgium (KPB/PCB), Russian Communist Party, Belgian-Russian relations, Comintern, V.I. Lenin, Joseph Jacquemotte, Belgian Workers' Party (BWP/POB), J.V. Stalin, Paul-Henri Spaak, Popular Front*

Деятельность компартии Бельгии с основания в 1921г и до начала Второй мировой войны в 1939г. можно разделить на два больших этапа. Первый длился 11 лет, с 1921 и до 1932, когда произошла Всеобщая забастовка. Это была крупная забастовка, начавшаяся после стихийной забастовки шахтёров в Боринаже. Она была спровоцирована коммунистической агитацией на фоне резкого падения уровня жизни и реальной заработной платы, а также высокого уровня безработицы, вызванного Великой депрессией. Власти подавляли забастовку весьма жестоко. Но такое поведение лишь спровоцировало бастующих объединиться. Именно с этого момента коммунистическая партия начала завоевывать умы людей, образ коммунизма стал привлекателен в глазах забастовщиков. Итогами забастовки стали гибель двух человек и соглашение о прекращении понижения и даже повышение заработной платы.

Активное участие компартии в забастовках обеспечило ей дальнейшую популярность у избирателей. И ее деятельность в 30-е годы была связана борьбой с набирающим популярностью фашистским движением в Бельгии.

1932-1935

В период 1932-1935 годов компартия Бельгии активно участвовала в деятельности по вопросам помощи рабочим, бастующим, политзаключенным и т.д. не только в Бельгии, но и в других странах.

Так во время забастовки шахтеров в Боринаже, дети бастующих были под угрозой из-за деятельности своих родителей. Бельгийские активисты, состоящие в «Международной организации помощи борцам революции» (МОПР) и «Международная рабочая помощь» (МРП) помогли отправить детей на временное усыновление. Так же во время забастовки было ранено больше 500 детей, и были собраны средства для их лечения. Эти две организации активно привлекали юристов для защиты прав рабочих. Так же были привлечены

врачи. Они не только помогали лечить, но также активно участвовали в освещении проблем голода и других проблем рабочего класса. Так, например доктор Пауль Эннебер (Paul Hennebert 1902-1992), вступивший в компартию в год ее основания (1921), при поддержке организации «МРП» издал брошюру в июле 1933 «Comment on crève de faim au Levant de Mons» (Как люди умирают от голода в Левант-де-Монс). Эта брошюра в свою очередь послужила основой сценария для тридцатиминутного фильма 1934 года Генри Шторка (Henri Storck) и Йориса Ивенса (Joris Ivens) «Нищета в Боринаже» (Misère au Borinage). [10].

Не только действующие члены компартии принимали участие в благотворительной деятельности. Так, например, адвокат, лауреат Гонкуровской премии 1937 года, престижной литературной награды Франции Чарльз (Шарль) Плисниэ (Charles Plisnier 1896-1952) возглавил отдел МОПР по защите активистов в судах. Именно благодаря защите Плисниэ на свободу вышел Йеф Ван Экстерхэм (Jef Van Extergem 1898-1945) лидер Фламандской компартии. Плисниэ был видным деятелем компартии, однако, во время конфликта Сталина и Троцкого, примкнул к троцкистам, что привело к исключению Плисниэ из партии.

1932-1933гг., после всплеска интереса к себе во время забастовки шахтеров, компартия переживает трансформацию и упадок интереса. Однако, после 6 февраля 1934, когда во Франции прошла фашистская демонстрация, сначала во Франции, а затем и в Бельгии началось активное движение коммунистических сил против фашизма. Это привело к созданию 11 августа 1934 года «Front unique» («Народный фронт»). Объединение «Коммунистической молодежи Бельгии» («Jeunesse communiste de Belgique») и «Молодой социалистической гвардии» (Jeune garde socialist) привело к подписанию пакта о совместных действиях. Несмотря на разное количество людей в организациях: 400 коммунистов против

20.000 социалистов, учитывались интересы обеих сторон. Тем не менее, численный перевес сыграл свою роль, коммунистической партии пришлось пойти на уступку. Секретарь компартии Бельгии Анри де Бокк (Henri De Boeck 1903-1940гг) писал «Pour le droit d'asile dans tous les pays capitalistes en faveur de toutes les victimes de la réaction internationale et notamment en faveur de Trotsky" C'était une manoeuvre pour empêcher réalisation du front unique. Dirigeants JGS ont utilisé trotskistes comme masse de manoeuvre. JC ont malgré tout signé pacte car permet, à notre sens, d'avancer sérieusement dans mobilisation des masses» («"За право на убежище во всех капиталистических странах в пользу всех жертв международной реакции и в частности в пользу Троцкого". Это был манёвр, чтобы помешать реализации единого фронта. Руководители «Молодой социалистической гвардии» использовали троцкистов как орудие манёвра. Несмотря на это, «Коммунистическая молодежь Бельгии» всё же подписали договор. Так как, по нашему мнению, это позволяет серьёзно продвигаться в мобилизации масс» (Анри де Бокк). [5]

Данное соглашение не вызывает положительного отклика у Коминтерна. Уже 21 августа 1934 года на заседании 3 пунктом в повестке было указано обсуждение «pacte de front unique entre la JC, la Jeune garde et l'organisation de jeunesse trotseyste en Belgique» («Пакт единого фронта между Коммунистической молодежью Бельгии, Молодой социалистической гвардией и троцкистской молодежной организацией в Бельгии»). [5]

Докладчиком выступил Василий Тарасович Чемоданов (1903-1937). С 1931 года один из руководителей в Коммунистическом интернационале молодёжи (КИМ), генеральный секретарем Исполнительного Комитета КИМ (1931—1937), членом Президиума (1931 -1935). Итогом слушания стало решение отправить сообщение во Французскую коммунистическую партию (ФКП) с требованием опубликовать статьи с критикой данного пакта. [5]

Уже 26 августа 1934 года, через пять дней после заседания, вышла статья во французской ежедневной коммунистиче-

ской газете «L'Humanité» («Человечество») с критикой данного пакта. Статья была подписана Жаком Дюкло (Jacques Duclos, 1896—1975), секретарем ФКП. [5]

С сентября 1934 по апрель 1935 шло обсуждение бельгийского вопроса в Коминтерне. Одновременно компартия Бельгии сталкивалась с нарастающими проявлениями фашизма в Бельгии. Данные моменты привели переломному моменту на апрельской конференции 1935 года.

1935-1939

В апреле 1935 года в Шарлеруа состоялась конференция, определившая линию поведения партии. Были назначены виновные в подписании пакта, в том числе Анри де Бокк. Основатель компартии Жозеф Жакмотт (Joseph Jacquemotte 1883-1936) и один из видных ее членов Жюльен Ляо (Julien Lahaut 1884-1950) вернулись к руководству партии после своего смещения из-за борьбы Сталина и Троцкого. Конференция приняла официальные резолюции, направленные на борьбу с фашизмом. 7й конгресс Коминтерна 25 июля-20 августа 1935 закрепил бельгийские решения. [3]

В июне 1935 года было создано бельгийское отделение CVIA (Le Comité de vigilance des intellectuels antifascists или Comité de vigilance antifasciste). «Комитет бдительности антифашистских интеллектуалов» или «Комитет антифашистской бдительности» – это изначально французская политическая организация появилась в 1934 году, раскололась в 1936 году, а затем прекратила своё существование в 1939 году. Этот комитет объединял левых франкоязычных интеллектуалов, решивших противостоять росту фашизма во Франции и Европе. Возглавил открытие комитета в Бельгии основатель французского отделения Поль Риве (Paul Rivet 1876 – 1958). В организацию входили юристы, художники, писатели. За год до этого появилось отделение L'Union internationale des écrivains révolutionnaires (UIER). Международное объединение революционных писателей (МОРП). Это организация, созданная в 1927 году в СССР для распространения идей коммунизма через культуру и социалистический реализм по всему миру. Обе организации активно взаимодействуют с бельгий-

скими коммунистами и выступают за антифашистское движение.

CVIA активно продвигала идеи Народного фронта. КПБ предлагает РПБ объединиться. Все чаще в призывах к действиям стоят подписи членов всех организаций народного фронта. Они, например, выступали против крайне правой партии Les «Verdinaso» (Verbond van Dietsche Nationaal-Solidaristen) «Содружество национально-солидаристических сил».

Не смотря на призыв объединиться, 6 января 1936 года БРП отклонило предложение коммунистов. Единственным результатом стало в декабре 1935 года «Etudiants socialistes unifié» (Объединение студентов социалистов).

К выборам в мае 1936 года стало видно, что компартия сохранило свое влияние в Брюсселе и Льеже, однако в тех округах, где у партии не набиралось достаточно голосов, она призывала голосовать за РПБ. Особенно сильно заметно падение влияние в Боринаже, где в 1932 году произошло крупное восстание шахтеров, принесшее компартии популярность. 20% падение популярности, особенно в угольном секторе, было очень резким. На место компартии пришла крайне правая партия VNV – «Фламандский национальный союз»(1933-1944).

Несмотря на неудачу на выборах, КПБ начинает свою деятельность в другой сфере, что приносит ей определенную известность и популярность. Киноклубы, театры, увеличение подписчиков коммунистического журнала до 8000 тысяч экземпляров. Партия сделала упор на культурные ценности и на имидж активного борца с фашизмом.

Большое влияние на ситуацию в стране оказала забастовка с апреля по май 1936 во Франции. Требования улучшить условия труда, поднять зарплату рабочим, все это нашло отклик в Бельгии. 24 мая прошли выборы в парламент. Победа БРП (70 мест в Палате представителей). Резкий рост влияния крайних сил: Rex (21 место в Палате представителей), Фламандский национальный блок (16 мест), коммунисты получили (9 мест). Профессор, член компартии, один из создателей CVIA Поль Брайен (Paul Brien 1894-1975) вошел в пра-

вительство в провинции Брабант. В Льеже 2 коммуниста становятся членами местного правительства.

«Молодые коммунисты» и «Молодая социалистическая гвардия» начали свое объединение, завершившееся к Рождеству 1936 года и стали Jeune Garde socialiste unifiée (J.G.S.U.) «Молодая объединённая социалистическая гвардия». Начавшаяся в 1936 году гражданская война в Испании также подтолкнула КПБ и БРП к переговорам. Однако, они завершились ничем.

Вторая половина 1936 года, стала для компартии периодом самого мощного роста, после забастовки шахтеров в Боринаже в 1932 году.

8500 членов, запуск ежедневной газеты «Голос народа», объединение молодежи, привлечение интеллигенции противостоящей фашизму, один из основателей Жозеф Жакмотт – популярен вне партии, но вызывает споры внутри. Создание Фламандской коммунистической партии (Parti communiste flamand 1937-1945) и газеты «Фламандский народ» (Het Vlaamsche Volk 1937-1940). Это была попытка сочетать политику партии с национальными требованиями. Все эти действия и люди позволяли партии удерживать внимание бельгийцев.

Муниципальные выборы в октябре 1938 года, затем парламентские в феврале 1939 года подтвердили результаты 1936 года. В 1939, после разногласий с премьер-министром, членом БРП Поль-Анри Спаак (Paul-Henri Charles Spaak 1899-1972) к партии присоединился врач, политик Альберт Марто (Albert Marteaux 1886-1949) – один из будущих руководителей партизанского движения в Бельгии.

Заключение.

В период 1932-1939 годов Коммунистическая партия Бельгии (КПБ) играла важную роль в политической жизни страны, несмотря на сравнительно ограниченное влияние. В условиях мирового экономического кризиса и нарастающей угрозы фашизма КПБ активно выступала против экономической несправедливости, социальной неравенства и милитаризма, стремясь мобилизовать рабочий класс и трудящихся. В то же время партия сталкивалась с репрессиями и ограничениями со стороны

властей, что сдерживало её развитие и массовую поддержку. В ходе этого периода КПБ укрепляла связи с Коминтерном и ориентировалась на международную борьбу с фашизмом, что впоследствии предопределило её активное участие в антифашистском сопротивлении во время Второй мировой

войны. Таким образом, несмотря на ограниченную массовость, КПБ в 1930-х годах стала важным идеологическим и организационным центром левополитического движения Бельгии, подготавливая почву для более широкого участия в последующих политических и социальных изменениях.

Литература:

1. Коминтерн против фашизма: Документы / Ин-т всеобщей истории РАН, Федерал. архив. служба России, Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории; Отв. ред. Н.П. Комолова. – М.: Наука, 1999. – 506 с.
2. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн. 1919-1943 гг.: Документы / Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории; Отв. ред. Г.М. Адибеков. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 960 с.; ISBN 5-8243-0467-X.
3. VII Конгресс коммунистического интернационала и борьба против фашизма и войны (Сборник документов) [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/docs/da/7congress_comintern/index.html (Дата обращения: 28.09.2025)
4. CArCoB (Centre des Archives du communisme en Belgique) [Электронный ресурс] URL: <http://www.carcob.eu/Historique-du-CArCoB-15> (Дата обращения: 28.09.2025)
5. Gotovich J. Histoire du Parti communiste de Belgique. [Электронный ресурс] URL: <https://shs.cairn.info/revue-courrier-hebdomadaire-du-crisp-1997-37-page-1?lang=fr&tab=illustrations> (Дата обращения: 28.09.2025)
6. Gotovitch, José. Du Rouge Au Tricolore: Les Communistes belges de 1939 à 1944: Un aspect de l'histoire de La Résistance en Belgique. [Электронный ресурс] URL: https://www.persee.fr/doc/rbph_0035-0818_1995_num_73_4_6931_t1_1213_0000_3 (Дата обращения: 28.09.2025)
7. Kapanci S. Entre sociologie et histoire, Parcours d'un militant communiste, Adhémair Henaut, Université Libre de Bruxelles [Электронный ресурс] URL: <https://www.carcob.eu/-Lettre-du-CArCoB-no2-Mai-2014-> (Дата обращения: 28.09.2025)
8. Le Maitron. Dictionnaire Biographique. «Henri De Boeck» [Электронный ресурс] URL: <https://maitron.fr/de-boeck-henri/> (Дата обращения: 28.09.2025)
9. Le Parti socialiste communiste (PSC) 1932: la révolte des mineurs [Электронный ресурс] URL: <https://fr.socialisme.be/57533/1932-la-revolte-des-mineurs> (Дата обращения: 27.09.2025)
10. Misère au Borinage [Электронный ресурс] / реж. Н. Storck, J. Ivens. – 1934. – URL: <https://m.ok.ru/video/8821328972338> (дата обращения: 09.11.2025).
11. Olivier. M. La gauche communiste belge (1921-1970) [Электронный ресурс] URL: https://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://www.quinterna.org/publicazioni/tesietesti/om_gauche_communiste_belge.pdf (Дата обращения: 28.09.2025)
12. Une histoire des jeunes communistes de Belgique (1921-1945) [Электронный ресурс] URL: https://www.causecommune-larevue.fr/une_histoire_des_jeunes_communistes_de_belgique_1921_1945 (Дата обращения: 28.09.2025)

Московцева Евгения Александровна
Кандидат социологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет»,
Хабаровск

Кравченко Арина Константиновна
Студент,
ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет»,
Хабаровск

ВЛИЯНИЕ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1850-1917 ГГ.)

В данной статье исследуется влияние женского общественного движения на становление и развитие трудового законодательства в Российской империи в период с 1850-х по 1917 год. Выделяется три ключевых этапа этого процесса. На первом этапе (1850-1860-е гг.) движение было сосредоточено на борьбе за доступ к образованию и профессиональной деятельности, что создавало социальные предпосылки для последующего правового регулирования женского труда. На втором этапе (1880-1890-е гг.) в ответ на активную индустриализацию и эксплуатацию женского труда государство впервые вводит «охранительное» законодательство, одновременно происходит институционализация движения через создание первых крупных женских организаций.

На третьем этапе (1905-1917 гг.) женское движение политизируется, выдвигая требования не только трудовых, но и гражданских и политических прав, активно лоббируя свои интересы в Государственной думе. Несмотря на незавершенность многих инициатив, к 1917 году был накоплен значительный правовой опыт и сформирован общественный запрос на коренное изменение статуса женщины, реализованный в последующий советский период. Следовательно, женское движение выступало не пассивным объектом законодательства, а активным субъектом, последовательно формирующим повестку и оказывающим давление на власть, что привело к постепенной трансформации трудового права империи.

Ключевые слова: *женское движение, трудовое законодательство, Российская империя, равноправие, фабричное законодательство, охрана женского труда, профессиональное образование, женские организации, политические права, гендерная история.*

THE INFLUENCE OF THE WOMEN'S MOVEMENT ON THE FORMATION OF LABOR LEGISLATION IN THE RUSSIAN EMPIRE (1850-1917)

This article explores the impact of the women's social movement on the formation and development of labor legislation in the Russian Empire from the 1850s to 1917. It identifies three key stages in this process. During the first stage (1850s-1860s), the movement focused on advocating for access to education and professional opportunities, laying the social foundation for subsequent legal regulation of women's labor. In the second stage (1880s-1890s), in response to the active industrialization and exploitation of women's labor, the state introduced "protective" legislation for the first time, and the movement was institutionalized through the creation of the first major women's organizations. In the third stage (1905-1917), the women's movement became politicized, demanding not only labor rights but also civil and political rights, and actively lobbying for their interests in the State Duma. Despite the incomplete nature of many initiatives, by 1917, significant legal experience had been accumulated, and a public demand for a fundamental change in the status of women had been formed, which was realized during the subsequent Soviet period. Consequently, the women's movement was not a passive object of legislation, but an active subject that consistently shaped the agenda and exerted pressure on the authorities, leading to a gradual transformation of the empire's labor law.

Keywords: *women's movement, labor legislation, Russian Empire, equality, factory legislation, protection of women's labor, vocational education, women's organizations, political rights, and gender history.*

Вторая половина XIX – начало XX века в России стали периодом глубоких социальных трансформаций, одним из проявлений которых стало зарождение и развитие организованного женского движения. Это движение, эволюционируя от кружков по самообразованию до политических союзов, оказало существенное влияние на многие сферы общественной жизни, включая трудовое право. Исследование данного влияния позволяет увидеть, как формировалась

специфическая правовая культура в отношении женского труда – от полного отсутствия регламентации к первым «охранительным» законам, которые, с одной стороны, ограничивали эксплуатацию, а с другой – фиксировали гендерное неравенство. Женские организации, пройдя путь от благотворительных обществ до политических клубов, сыграли ключевую роль в выделении проблем работающих женщин и их переводе в плоскость законодательных ини-

циатив, особенно в переломный период после Первой русской революции 1905-1907 годов. [8]

Зарождение организованного женского движения в России середины XIX века было напрямую связано с вопросом о социальной роли и экономической самостоятельности женщины. Отмена крепостного права в 1861 году и последующие реформы, ускорившие модернизацию страны, поставили на повестку дня проблему использования новых человеческих ресурсов, включая женщин образованных сословий. Однако доступ к систематическому образованию и профессиональной деятельности для них был крайне ограничен. Женское движение этого периода, представленное в основном небольшими кружками и инициативными группами, сосредоточило усилия на преодолении этих барьеров [1].

Главным достижением стала борьба за высшее женское образование. Усилиями общественных деятельниц и сочувствующих им прогрессивных мужчин были открыты Высшие женские (Бестужевские) курсы в Санкт-Петербурге (1878) и подобные курсы в других городах. Это создавало качественно новую социальную группу – образованных женщин, стремившихся применить свои знания на практике. Параллельно велась борьба за доступ к профессиям: медицине (через учреждение женских врачебных курсов), педагогике, телеграфному делу. Именно в этот период труд женщины начинает осознаваться не только как экономическая необходимость для низших сословий или благотворительное хобби для высших, но и как право на самореализацию и средство независимого существования. [4]

Важно отметить, что правовое регулирование женского труда как таковое в 1860-70-е годы практически отсутствовало. Женщины работали на фабриках и заводах, в ремесленных мастерских и в сфере услуг, но их труд регламентировался общими, крайне скудными нормами и внутризаводскими правилами. Заработная плата была значительно ниже мужской, а условия труда зачастую тяжелее. Отсутствие законодательной защиты делало женщин одной из наиболее уязвимых категорий наемных работников. Таким образом, основным вкла-

дом движения 1850-1860-х годов в будущее трудовое законодательство стало не прямое давление на власть, а создание социального запроса. Оно сформировало критическую массу образованных, профессионально ориентированных женщин, которые впоследствии стали ядром женских организаций, и четко обозначило проблему экономической зависимости как ключевую для достижения женского равноправия. [3]

Эпоха контрреформ Александра III, характеризующаяся общим ужесточением политического курса, стала временем появления в России первого фабричного законодательства, включающего нормы о женском труде. Причиной этого был бурный промышленный рост и обострение «рабочего вопроса», включая стихийные протесты и стачки, в которых активное участие принимали и женщины. Государство, стремясь предотвратить социальный взрыв, пошло по пути патерналистской регламентации условий труда. [7]

Центральным событием стало принятие Закона от 3 июня 1885 года «О воспреещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах». Этот закон, инициированный моральными соображениями и опасениями властей, стал первой прямой законодательной нормой, выделяющей женский труд в особую категорию, нуждающуюся в защите. Запрет распространялся в первую очередь на текстильную промышленность, где была высока доля женского труда. Хотя закон имел и ограничительные последствия (лишая многих женщин заработка), его символическое значение было велико: государство впервые признало, что женский организм требует особых условий труда, и взяло на себя роль регулятора [6].

Этот период также ознаменовался становлением первых крупных, легальных женских организаций. В 1895 году было основано Русское женское взаимно-благотворительное общество. Его деятельность, носившая поначалу преимущественно просветительский и благотворительный характер, была направлена на помощь нуждающимся женщинам, в том числе и через профессиональное обучение. Общество стало важной легальной площадкой для кон-

солидации женских сил, хотя из-за цензурных ограничений оно долгое время избегало открытых политических требований. Члены подобных обществ, как отмечается в исследованиях, уделяли большое внимание вопросам женского профессионального образования, что было прямым продолжением борьбы предыдущих десятилетий [5].

Таким образом, в 1880-1890-е годы влияние женского движения на законодательство носило косвенный, но значимый характер. Массовый выход женщин на промышленные предприятия и связанные с этим социальные проблемы заставили государство действовать. Организованное же движение, хотя и не было еще в силах инициировать законы напрямую, создавало общественный фон и инфраструктуру (общества, курсы, журналы), которая готовила кадры и формулировала идеи для будущей, более активной политической борьбы. Охранительное законодательство этого периода заложило двойственную традицию: с одной стороны, защиту женщины-работницы, с другой – закрепление ее «особости» и ограничений, что впоследствии стало предметом критики со стороны феминисток.

Первая русская революция (1905-1907) кардинально изменила политический ландшафт России, дав мощный импульс и женскому движению. Дарование гражданских свобод и создание Государственной думы легализовали политическую деятельность. Женское движение быстро политизировалось, выдвинув на первый план требование избирательных прав как основу для достижения всех других реформ, в том числе в трудовой сфере. Возникают откровенно политические организации: радикальный «Союз равноправности женщин» (1905) и более умеренная Женская прогрессивная партия (1905).[9]

Эти организации, преодолевая изоляцию и конкуренцию между собой, развернули активную кампанию по продвижению женских прав. Их деятельность была направлена на либеральные партии, прежде всего на конституционных демократов (кадетов), в чью программу им удалось включить пункт о женском равноправии, несмотря на сопротивление таких лидеров,

как П.Н. Милюков. Ключевой площадкой для борьбы стала I Государственная дума (1906). Женские организации готовили для депутатов петиции, аналитические записки и даже проекты законов. Наиболее известен подготовленный по инициативе кадета Л.И. Петражицкого и при непосредственном участии юристов из «Союза равноправности женщин» объемный законопроект о женском равноправии, содержащий 199 поправок в 35 законодательных актов. Хотя Дума была распущена до рассмотрения этого проекта, сама работа над ним стала уникальным опытом [1].

В этот период связь между политическими и трудовыми требованиями стала очевидной. Феминистки аргументировали, что без политических прав женщины не смогут влиять на фабричное законодательство, которое их непосредственно касается. Они выступали не только за отмену всех ограничений (которые часто трактовались как дискриминационные), но и за принятие законов, которые бы гарантировали равную оплату за равный труд, социальное страхование, охрану материнства. Их поддержка среди работниц фабрик и заводов, однако, была ограниченной, так как социал-демократы, в частности А.М. Коллонтай, резко критиковали «буржуазный феминизм», противопоставляя ему классовую борьбу.

Важным событием стал Первый Всероссийский женский съезд (1908), собравший около 1000 участниц. Хотя полиция запретила обсуждение политических вопросов, на съезде широко обсуждались проблемы женского труда, проституции, образования. Съезд продемонстрировал силу и зрелость движения, его способность к самоорганизации. В годы Первой мировой войны женские организации, такие как Российская лига равноправия женщин, переключились на патриотическую и благотворительную работу (помощь раненым, семьям солдат), но именно война, вовлекла миллионы женщин в экономику на замену ушедшим на фронт мужчинам, сделала вопрос об их правовом статусе еще более острым [1].

Таким образом, в 1905-1917 годы женское движение впервые перешло к прямой и организованной борьбе за изменение

законодательства, в том числе трудового, на высшем государственном уровне. Несмотря на то, что большинство инициатив не были реализованы в имперский период, была проведена колоссальная работа по юридической проработке вопросов равноправия, сформирован парламентский опыт продвижения, а требования движения стали частью общеполитической повестки. Это создало мощный задел для радикальных изменений, которые произошли после Февральской и Октябрьской революций 1917 года. [10]

Влияние женского движения на трудовое законодательство Российской империи носило эволюционный и многоуровневый характер. Начав с борьбы за базовые возможности – образование и профессию – в середине XIX века, движение подготовило почву для постановки вопроса о правовом статусе работающей женщины. Первые «охранительные» законы 1880-х годов, принятые под давлением объективных социально-экономических процессов, были во многом ответом государства на последствия массового выхода женщин на производство, что само по себе стало возможным, в том числе, благодаря усилиям предыдущего поколения деятельниц [6].

Наивысшей точки влияние движения достигло в период думской монархии (1905-1917), когда оно сумело институционализироваться, выработать конкретные юридические предложения и вывести «женский вопрос» на уровень общенациональных политических дебатов. Однако прямое законодательное закрепление равных трудовых прав в имперский период так и не состоялось, женское движение сыграло ключевую роль в формировании общественного сознания, в профессиональной и политической социализации женщин, в создании правовой и организационной базы для будущих реформ. Преемственность между требованиями дореволюционных феминисток (равная оплата, охрана материнства, доступ ко всем профессиям) и нормами советского трудового права, закрепленными в первых Кодексах законов о труде (1918, 1922), очевидна. Таким образом, женское движение в Российской империи выступило не просто пассивным получателем законодательных норм, а активным творцом правовой реальности, последовательно сужающим поле гендерного неравенства и заложившим фундамент для последующей трансформации статуса женщины в труде и обществе.

Литература:

1. Сабуров Н.О., Смирнова Н.С. Борьба за права женщин в истории России в XX веке// Вестник науки, – № 6 (75), – 2024, – С. 994-997.
2. Легова К.К., Куренкова Е.А. «Женский вопрос» и женское движение в России в дореволюционной отечественной историографии// Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки, – № 1, – 2024, – С. 133-140. (дата обращения: 02.08.2025).
3. Бородина Е.В., Куськало Ю.В. Женское движение и попытки организации национального женского совета в России начала XX в.// Genesis: исторические исследования, – № 5, – 2022, – С. 43-55. (дата обращения: 02.08.2025).
4. Федотова А.Ю. Женская общественная деятельность: терминология и методология изучения женского движения в России во второй половине XIX – начале XX в.// Historia provinciae – журнал региональной истории, – № 1, – 2024, – С. 177-208. (дата обращения: 02.08.2025).
5. Фаллер О.В., Мальцева О.Л. «Война превратила всех в борцов... последуем же и мы, женщины, по этому пути». Женское патриотическое движение в императорской и советской России// Военно-исторический журнал, – № 3, – 2023, – С. 72-85. (дата обращения: 12.11.2025).
6. Адриановская Т.Л., Забулова К. История развития правового регулирования труда женщин// Аграрное и земельное право, – № 6 (186), – 2020, – С. 131-133. (дата обращения: 12.12.2025).
7. Патрикеева О.А. Женские организации России начала XX в: борьба за политическое

равноправие// Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, – № 3, – 2013, – С. 18-28. (дата обращения: 02.08.2025).

8. Гринина Ю.А., Леонова Л.А. Гендерное неравенство на российском рынке труда: эконометрический анализ разрыва в заработной плате// AlterEconomics. – 2025. (дата обращения: 01.09.2025).

9. Лилюкова О.С., Гусакова Ю.С. Особенности формирования трудового законодательства в отношении женщин в России// Вестник Томского государственного университета. Право. – 2025. (дата обращения: 22.08.2025).

10. Мадатов О.Я. Налоговая политика и гендерное равенство: влияние фискальной системы на женщин и мужчин // Налоги и налогообложение. – 2025. – №1. (дата обращения: 20.08.2025).

Науменкова Екатерина Олеговна
Кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский химико-фармацевтический университет, Россия,
г. Санкт-Петербург

Фефилова Екатерина Константиновна
Студент,
Санкт-Петербургский химико-фармацевтический университет, Россия,
г. Санкт-Петербург

ОТ «АПТЕКАРСКОГО УЧЕНИЧЕСТВА» К УНИВЕРСИТЕТСКОЙ МОДЕЛИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДГОТОВКИ ПРОВИЗОРОВ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена истории развития фармацевтической отрасли и системы фармацевтического образования с XVI в. до начала XX века. Исследуется эволюция от «аптекарского ученичества» к системе специализированного высшего учебного заведения. Изучаются методы регулирования аптечного дела. Исследуется роль А.С. Гинзберга в создании первого в стране химико-фармацевтического института. Данная статья призвана показать значимость продвижения отечественной медицины и фармацевтической отрасли на фоне зависимости от иностранного влияния и импорта, за счет рассмотрения взаимосвязи между развитием отрасли, политики и деятельности реформаторов.

Ключевые слова: история высшего образования, химико-фармацевтический институт, аптечное дело, история фармации, А.С. Гинзберг, фармацевтическое образование.

FROM "APPRENTICESHIP IN PHARMACY" TO THE UNIVERSITY MODEL: THE TRANSFORMATION OF PHARMACIST TRAINING IN RUSSIA IN THE EARLY 20TH CENTURY

The article is devoted to the history of the development of the pharmaceutical industry and the system of pharmaceutical education from XVI-th to the early 20th century. The evolution from the "pharmacy apprenticeship" to the system of a specialized higher educational institution is investigated. The methods of regulating the production of medicines are studied. The role of A.S. Ginzberg in the creation of the first chemical and pharmaceutical institute in the country is investigated. This article aims to show the importance of promoting domestic medicine and the pharmaceutical industry against the background of dependence on foreign influence and imports, by examining the relationship between the development of the industry, policies, and the activities of reformers.

Keywords: *history of higher education, chemical-pharmaceutical university, pharmacy, history of pharmacy, A.S. Ginzberg, pharmaceutical education.*

В современном мире укоренилось представление о фармацевте как о человеке за аптечным прилавком – консультанте и продавце. Однако на практике это лишь малая часть обязанностей провизора. В наши дни этот специалист обладает обширными познаниями в товароведении и экономике, знает свойства активных веществ, механизмы их воздействия на организм, разбирается в ботанике, различных разделах химии. Однако, так было далеко не всегда. В России первая высшая фармацевтическая школа открылась лишь в 1919 году. В данной статье рассмотрен путь развития фармацевтического образования от аптечного ученичества до создания высшего учебного заведения для провизоров. Данная тема весьма актуальна, так как в условиях Специальной военной операции и введённых

против Российской Федерации санкций на первый план встает проблема фармацевтического суверенитета, импортозамещения и кадрового обеспечения. Как и в период Первой мировой войны, когда зависимость от немецких поставок лекарств и кадровый дефицит поставили под угрозу медицинское обеспечение страны, современная Россия столкнулась с необходимостью преодоления аналогичной зависимости от западных препаратов. В связи с чем представляется актуальным и небезынтересным исследовать историю фармацевтической области Российского государства; кризис 1910-х годов и вклад А.С. Гинзберга в становление фармацевтического образования.

В Московском государстве цари, их семьи и приближенные зачастую пользовались услугами заграничных врачей и апте-

карей, тогда как подавляющее большинство населения обращалось к народной медицине. Первая аптека в России была открыта в 1581 г. англичанином Джеймсом Френчем в Московском Кремле. Постепенно количество аптекарей увеличивалось. Для их контроля в конце XVI – начале XVII вв. в России был создан орган, регулирующий торговлю фармакологическими препаратами – Государев Аптекарский приказ. Он контролировал деятельность аптек и ее сотрудников, врачей, лекарств и все, что относилось к медицинским вопросам. Под руководством приказа попадали аптекарские огороды и сбор лекарственных сырья. Первоначально Аптекарский приказ рассылал предписания регионам организовать заготовку целебных растений, что получило название «ягодная повинность». Чиновникам, отвечавшим за сбор лекарственного сырья, платили жалованье, а на период сбора трав выдавали лошадей. Однако поскольку перевозить собранные травы из региона в регион было довольно проблематично, Аптекарский приказ постановил заводить аптечные огороды, для выращивания трав, прежде всего, в Москве. В 1672 г. в Москве на Ильинке открыли первую аптеку общедоступного пользования, в которой каждый нуждающийся мог приобрести лекарства. Вскоре аптеки стали появляться в провинциальных крупных городах – в Казани и Вологде [2].

В первой четверти XVIII века кардинальные изменения коснулись и фармации. По указу Петра I был составлен реестр официальных аптек, в которых разрешалось продавать лекарства. Заботясь о благосостоянии подданных, император разрешил создавать частные аптеки. В 1706 году была основана Главная аптека в Москве, взявшая на себя снабжение медикаментами не только жителей тогдашней столицы, но и всей армии. В 1720–1721 годах в Петербурге был основан первый завод по производству лекарственных средств, что стимулировало рост числа аптек. Развитие аптечного дела, в свою очередь, оказало значительное влияние на становление химии. Приаптечные лаборатории не только готовили необходимые лекарственные препараты, но и активно занимались исследовательской дея-

тельностью: разрабатывали методы испытаний (на чистоту и пригодность – Е.Ф.), новые технологические процессы производства лекарств, а также проводили испытания новых химических веществ и препаратов. Для осуществления этих задач аптеки были оснащены оборудованием для ключевых химико-фармацевтических операций, таких как дистилляция, экстракция, кристаллизация и термическая обработка [3].

До середины XIX века в Российской империи аптеки были обязаны самостоятельно изготавливать все препараты в приаптечных лабораториях. Однако промышленность развивалась крайне медленно. Из-за чего сырье, препараты, аппаратура, лабораторное оборудование, а также около 60% всех медикаментов закупалось у других стран. Важно отметить, что на протяжении длительного периода подготовка фармацевтических кадров в России осуществлялась исключительно через систему ученичества в аптеках. Полный курс обучения занимал три-четыре года и завершался экзаменом, дававшим право на получение звания помощника провизора. Эти лица, а зачастую и сотрудники без какой-либо специальной подготовки, допускались к изготовлению сложных лекарственных средств. Фармация – это не только ботаника, в первую очередь это химическая наука. Так как действие всех лекарственных препаратов основано именно на их химических свойствах, новые открытия в этой науке способствовали развитию фармацевтической промышленности и основанию учебных заведений с данной специализацией. В стороне не оставался и Дмитрий Иванович Менделеев. Под его председательством состоялся первый съезд в Санкт-Петербурге по решению проблем в научной фармации Российской империи. В ходе своего доклада Менделеев озвучил, что необходимо создание высшего образования для фармацевтов. Этого же мнения придерживались и другие известные русские ученые [1].

Серьезные проблемы в фармацевтической сфере начались во время Первой мировой войны, поскольку с одной стороны, основной импорт производился в Германии, а с другой, возникла нехватка кад-

ров, так как часть специалистов уехала за границу. В этой тяжелейшей для страны ситуации, известный российский химик, фармаколог Александр Семенович Гинзберг, выступил инициатором развития отечественного профессионального фармацевтического образования. Остановимся немного на личности этого выдающегося человека. Получив фундаментальное образование в Императорском Варшавском университете и защитив в 1897 году в Военно-медицинской академии магистерскую диссертацию на тему «О продуктах перехода пинена в ряд моноциклических соединений и о реакции Собrero», Гинзберг посвятил себя педагогической деятельности. Его исследование было посвящено терпенам – классу соединений, обладающих выраженной биологической активностью и широко применяемых в фармации.

Педагогический талант и глубокая научная подготовка позволили А. С. Гинзбергу занять ключевые позиции в ведущих медицинских вузах страны: он стал преподавателем кафедры фармацевтической химии и фармакогнозии в Женском медицинском институте и приват-доцентом в Военно-медицинской академии. Им было написано значительное количество учебных пособий, ставших фундаментом для подготовки нескольких поколений фармацевтов, а также ряд научных статей, среди которых – «Очерк основ стереохимии» и «Терпены и их производные». Накопленный опыт он применил в дискуссиях на тему научного и педагогического развития обучения провизора. Александр Семёнович создал немало статей на тему фармацевтического образования в период с 1900 по 1910-х годов. Эта масштабная работа А. С. Гинзберга была прямым ответом на системный кризис в отечественной фармацевтической промышленности.

На протяжении многих лет А. С. Гинзберг последовательно выступал за создание специализированного учебного заведения для подготовки фармацевтов, считая систему ученичества архаичной. По его мнению, практическое наставничество не могло конкурировать с системным получением фундаментальных знаний и стандартизированной практики, поскольку уровень

преподавания в разных аптеках существенно различался. Гинзберг настаивал на создании единой учебной программы, полагая, что отсутствие четких образовательных этапов ставит под сомнение компетентность будущего провизора. Критике ученого подверглась и существовавшая практика преподавания химических дисциплин врачам и фармацевтам в одинаковом объеме. В своей работе он подчеркивал: «Фармацевтическая химия и фармакогнозия должны преподаваться студентам-медикам и фармацевтам различно; первые должны удовлетворительно ознакомиться с основами обоих предметов... вторые должны быть основательно знакомы с подробностями и теоретической и практической стороны этих главных ветвей фармации». Гинзберг считал, что проблему низкого интереса медиков к химии следует решать не увеличением часов, а пересмотром структуры курса, сделав его более прикладным. Для фармацевтов же он предлагал ввести ступенчатую систему образования с расширенной учебной программой. Инициативы Гинзберга встречали сопротивление со стороны консервативных кругов. Они апеллировали к финансовой сложности реформ и, напротив, предлагали сократить учебную программу. На эти возражения Александр Семенович отвечал, что фармацевт не должен быть узким специалистом, а обязан являться всесторонне образованным профессионалом [4, 6].

15 июня 1919 года считается датой основания Петроградского государственного химико-фармацевтического института (ПГХФИ), первоначально располагавшегося по адресу: Петроград, Аптекарский проспект, д. 4/6. Первым директором учреждения на протяжении длительного периода являлся Александр Семенович Гинзберг. Изначально в структуре института функционировал лишь один факультет, однако к 1921 году их число увеличилось до двух: были созданы биолого-фармацевтический и инженерный факультеты. Первый выпуск специалистов, поступивших в 1919 году, состоялся в 1922 году. Материально-техническая база вуза была представлена 14 специализированными лабораториями, 11 учебными кабинетами и фундаменталь-

ной библиотекой. Помимо этого, при институте были организованы научно-показательная аптека, а также два музея – фармакогностический и историко-фармацевтический [5].

Подведём итог. Развитие аптечного дела в России, от первых придворных аптек до создания общедоступных и частных учреждений отражало государственную инициативу. Несмотря на организационные усилия (контроль через Аптекарский приказ, создание лабораторий и аптекарских огородов), зависимость от импорта сырья и медленное развитие промышленности сдерживали становление самостоятельной фармации. Важную роль в преодолении кризиса отечественной фармации, проявившегося в годы Первой мировой войны,

сыграл А.С. Гинсберг. Он выступал в роли новатора, заложившего основы для развития системы фармацевтического образования. Александр Семенович обосновал ключевую роль провизора в обществе, представив его не в качестве простого реализатора лекарственных средств, а в качестве специалиста, ответственного за разработку, производство и контроль качества фармацевтических препаратов. Кризис, сложившийся в годы Первой мировой войны и его преодоление через создание собственной образовательной системы показывает, что развитие национальной научно-образовательной базы является стратегическим ответом на внешние ограничения и залогом устойчивости системы здравоохранения в кризисные периоды.

Литература:

1. Анна Кашурина. Первый вуз для фармацевтов // Коммерсантъ – сайт – 2024. – 22 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7247935> (дата обращения: 14.01.2026).
2. Елена Минушкина. Аптечное дело государственной важности // Дилетант – электронный журнал – 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://diletant.media/articles/45366546/?ysclid=mjcy99dju564200142> (дата обращения: 14.01.2026).
3. Растения – первые лекарства – PHARMEDU – сайт – 2014. – 31 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://pharmedu.ru/publication/iz-istorii-lekarstv> (дата обращения: 14.01.2026)
4. Наркевич И. А., Звягин Ю. Ю., Воробьева С. А., Перельгин В. В., Доброва Д. О. Он со-здал современного фармаколога // Формулы фармации. 2019. Т. 1. № 1. С. 95-102.
5. Солнышкин А.А. СТРУКТУРА ПЕТРОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ХИМИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В 1922-1924 ГГ. ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» №11 (68) Том 4 – 2023
6. Степанов С.В., Воробьева С.А., Завершинская Н.А. ИСТОРИЯ ВЫСШЕГО ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НАЧАЛА XX В.: ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИКАЦИЙ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА А.С. ГИНЗБЕРГА // Современные проблемы науки и образования – 2021 – № 2

*Шлевкова Татьяна Владиславовна
Доцент, ФГБОУ «Волгоградский государственный университет»*

О ГРЯЗЕ-ЦАРИЦЫНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ (К 155-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕЕ ОТКРЫТИЯ)

Исследование истории строительства железных дорог, их роли в развитии промышленности и торговли отдельных городов позволяет более полно изучить многие важные аспекты истории нашей страны второй половины XIX века. В 2026 году исполняется 155 лет со дня введения в строй Грязе-Царицынской железной дороги. Она сыграла важнейшую роль в превращении небольшого уездного города Царицына (ныне Волгоград) в крупный торговый и промышленный центр Поволжья. Грязе-Царицынская железная дорога способствовала привлечению в город соли с озера Баскунчак, каспийской рыбы, нефти и керосина с бакинских месторождений, которые стали сырьем для местной промышленности и основными товарами для оптового рынка, что в свою очередь явилось важнейшим фактором быстрого экономического развития Царицына. В статье рассматривается история строительства Грязе-Царицынской железной дороги, состоявшей из двух отделений – из Грязи до Борисоглебска, введенного в эксплуатацию в 1869 г., и из Борисоглебска до Царицына, запущенного в 1871 г. Дается анализ эффективности эксплуатации дороги, указывается на тот факт, что уже с первых лет дорога приносила стабильный чистый доход.

Ключевые слова: железные дороги, Грязе-Царицынская железная дорога, строительство железных дорог, дореволюционный период истории, история России.

Shlevkova T.V.

ABOUT THE GRIZIE-TSARITSYNSKY RAILWAY (ON THE 155TH ANNIVERSARY OF ITS OPENING)

Research on the history of railway construction and its role in the development of industry and trade in individual cities allows us to gain a more comprehensive understanding of many important aspects of our country's history in the second half

of the 19th century. In 2026, we will celebrate the 155th anniversary of the opening of the Gryazino-Tsaritsyn Railway. This railway played a crucial role in transforming the small provincial town of Tsaritsyn (now known as Volgograd) into a major commercial and industrial center in the Volga region. The Gryazev-Tsaritsyn railway contributed to the influx of Baskunchak salt, Caspian fish, Baku oil, and kerosene into the city, which became raw materials for local industries and key commodities for the wholesale market. This, in turn, played a crucial role in the rapid economic development of Tsaritsyn. The article examines the history of the construction of the Gryaz-Tsaritsyn railway, which consisted of two sections: the Gryaz-Borisoglebsk section, which was put into operation in 1869, and the Borisoglebsk-Tsaritsyn section, which was launched in 1871. The article provides an analysis of the efficiency of the railway's operation and highlights the fact that the railway generated a stable net income from the very beginning.

Keywords: *railways, Gryazino-Tsaritsyno railway, railway construction, pre-revolutionary period of history, history of Russia.*

2026 год – юбилейный. Исполняется 155 лет со дня открытия железной дороги из Грязи на Царицын. Обратимся к истории ее сооружения.

В марте 1868 г. земству Борисоглебского уезда Тамбовской губернии была высочайше дарована концессия на строительство железной дороги от станции Грязи до г. Борисоглебск (192 версты). По условиям концессии на строительство требовались 13 млн. 440 тыс. металлических рублей (70 тыс. руб. на одну версту), которые привлекались путем выпуска акций. Правительство участвовало в финансировании дороги, подписавшись на ее акции на сумму 5 млн. руб. Общество Грязе-Борисоглебской железной дороги также получило от правительства в первый год строительства 1 млн. кредитных рублей авансом. Эти средства Общество было обязано возместить по окончании работ. В отличие от многих других железнодорожных обществ, акции и облигации которых гарантировались правительством, гарантом по акциям Грязе-Борисоглебской дороги выступало земство. Оно гарантировало доход по всем акциям на уровне не менее 2,5 %. Дорога должна была быть построена за 2,5 года [8, с.26].

Согласно концессионному соглашению «по истечении 18 месяцев со дня утверждения концессии Обществу будет объявлено – признает ли Правительство

нужным продолжение Грязе-Борисоглебской дороги далее...» [там же]. Однако поскольку строительство дороги шло успешно (4 декабря 1869 г. было открыто пассажирское движение, а 12 декабря – товарное), а выгоды от дороги были очевидны, не дожидаясь указанного в концессии 18-месячного срока Общество Грязе-Борисоглебской железной дороги обратилось к правительству с ходатайством продолжить дорогу до низовьев Волги. В результате оно получило разрешение на проведение изысканий по двум направлениям, указанным Министерством путей сообщения – на Царицын и на Камышин.

Было установлено, что проведение дороги к Царицыну более выгодно, чем к Камышину, поскольку по направлению к Камышину рельеф местности был неблагоприятным (крутые и глубокие овраги). Дорога на Царицын была на 70 верст длиннее, чем на Камышин, а стоимость сооружения обеих оказывалась одинаковой. Другим аргументом в пользу строительства дороги именно на Царицын был тот факт, что линия, идущая в этом направлении, соединившись с Волго-Донской железной дорогой (была построена в 1862 г., между г. Царицын и г. Калач) могла доставлять восточным дорогам важнейший источник топлива – донецкий антрацит.

В высочайше утвержденном поло-

жении Комитета Министров от 27 декабря 1868 г. железнодорожная линия от Борисоглебска до Царицына включалась в число важнейших дорог, на строительство которых правительство было готово заключить концессионное соглашение. 3, 10 и 17 июня 1869 г. на заседаниях Комитета министров был рассмотрен вопрос о выдаче концессии на ее строительство. В итоге право на сооружение дороги было предоставлено Обществу Земской Грязи-Борисоглебской железной дороги. В июне 1869 г. Борисоглебское земство получило высочайше утвержденную концессию на Грязе-Царицынскую дорогу взамен прежней концессии на строительство Грязе-Борисоглебской ж.д.

Общество Грязе-Борисоглебской дороги было переименовано в Общество Грязе-Царицынской дороги с капиталом в 36 млн. 840 тыс. металлических рублей [8, с.27-28].

В итоге Грязе-Царицынская дорога состояла из двух отделений – от Грязи до Борисоглебска и от Борисоглебска до Царицына. От станции Грязи дорога шла по левому берегу реки Мотырки, затем пересекала реки Бойгорну, Пловицу, Битюг, Савалу, Карочин. От Борисоглебска дорога шла по правому берегу реки Хопер, затем по направлению к реке Бузулук, далее пересекала реки Медведицу, Арчаду, Иловлю и выходила к правому берегу реки Волги у города Царицын.

Для первого отделения капитал составил, как уже указывалось, 13 млн. 440 тыс. металлических руб., для второго – 23 млн. 400 тыс. Капитал первого отделения, как уже было сказано, был образован посредством выпуска акций, капитал же второго отделения складывался на 1/3 из акций и 2/3 – облигаций. Акции первого и второго отделения образовывали общий акционерный капитал в размере 21 млн. 240 тыс. металлических руб. Доход по акциям гарантировало Борисоглебское земство [там же].

Железная дорога строилась ускоренными темпами. Летом 1871 г. ее строительство завершилось. Дорога была построена в полном соответствии с утвержденным Министерством путей сообщения проектом, полотно и все железнодорожные

сооружения были выполнены из прочных, хорошего качества материалов, стационарные постройки отличались вместительностью и удобством, а «по исполнению во всех деталях производили приятное впечатление изяществом и даже роскошью отделки» [8, с.28].

В целом Грязе-Царицынская дорога имела протяженность 698 верст [4, с.1]. Она соединила Царицын с центральной Россией и северо-западными районами страны. Помимо главной линии – Грязи-Царицын, дорога включала в себя Волго-Донскую ветку, которая начиналась от станции Городище Грязе-Царицынской дороги и шла к станции Крутая Волго-Донской ж.д. (Волго-Донская дорога вошла в состав Грязе-Царицынской в 1878 г.), а также Урюпинской ветки, которая была открыта 17 декабря 1871 г. Ветка шла от станции Алексиково Грязе-Царицынской дороги, около Котлубанского хутора пересекала реку Ольшанка и подходила к станции Урюпинская.

Станица имела 4 тыс. жителей и являла собой один из главных торговых пунктов на юго-востоке России. Здесь проводилась Покровская ярмарка, привлекавшая к себе большое количество людей и товаров. Заметим, что эта ярмарка проводится в Урюпинске до сих пор. Капитал для строительства Урюпинской ветки составил 554 тыс. 743 металлических руб. Поскольку выпуск новых гарантированных акций был признан Правлением железной дороги затруднительным вышеуказанную сумму предполагалось получить за счет облигаций [8, с.29].

Грязе-Царицынская железная дорога характеризовалась неуклонным ростом объема перевозок и уже с первых лет приносила чистый доход. В 1871-1873 гг. прибыль составила 190 тыс. 821 руб., в 1874-1876 гг. – 432 тыс. 901 руб., в 1877-1879 гг. – 761 тыс. 901 руб., в 1880-1882 гг. – 937 тыс. 653 руб., в 1883-1885 гг. – 2 млн. 205 тыс. 544 руб., в 1886-1888 гг. – 3 млн. 794 тыс. 755 руб., в 1889-1891 гг. – 4 млн. 251 тыс. 274 руб. [9, с.313]. За 20 лет, с 1871 по 1891 гг., чистый доход железной дороги вырос более, чем в 22 раза.

В то же время на других дорогах,

находившихся приблизительно в равных условиях с Грязе-Царицынской, получаемый валовой доход не всегда покрывал расходы на эксплуатацию. В частности, для Тамбово-Саратовской железной дороги, открытой в 1870 г., ряд лет был убыточным: 1870, 1871, 1876 гг. [1, с.3].

Однако размер чистого дохода Грязе-Царицынской дороги не всегда был достаточным для выплат по гарантированным акциям. Поэтому Правление общества вынуждено было прибегать к государственной гарантии. С конца 1870-х гг. гарантом по акциям выступало не земство, а правительство.

Заметим, данный долг государству не являлся безнадежным, со временем он покрывался за счет прибыли следующих лет. Например, в 1883 г. после уплаты дивиденда в размере 6 руб. на акцию, остаток чистого дохода Правление общества Грязе-Царицынской железной дороги направило в том числе на возмещение ранее сделанных приплат по акционерной гарантии [5, с.7].

Грязе-Царицынская железная дорога сыграла огромную роль в торгово-промышленном развитии Царицына (ныне Волгоград). До ее открытия центр рыбной торговли Волго-Каспийского бассейна находился в Астрахани. С введением в эксплуатацию дороги значительно удешевилась транспортировка частиковой рыбы во многие регионы России. Отныне центром рыбной торговли стал Царицын. Именно здесь формировались цены и заключались основные торговые сделки. В городе возникла также рыбообрабатывающая промышленность.

Железная дорога также способство-

вала привлечению в Царицын соли, добываемой на озере Баскунчак. Из Царицына соль поступала на российский внутренний рынок. Так, например, из 8 млн. пудов соли, добытой в 1878 г. на озере Баскунчак, более половины по Грязе-Царицынской дороге было доставлено в различные районы страны [2, с.153; 3, с.223]. В Царицыне развивалась также соляное производство, насчитывалось пол десятка паровых мельниц, которые ежедневно перерабатывали более 10 тыс. пудов соли [7, с.99].

Благодаря железной дороге Царицын стал также важнейшей складской и распределительной базой нефтепродуктов с бакинских месторождений. С царицынских нефтехранилищ бакинский керосин направлялся в обе столицы и другие российские города. Керосин шел на продажу и в Европу – в Восточную Австрию, Пруссию и т.д. [6, с.V]. В Царицыне возникла и нефтепереработка. В 1879 г. на окраине города появился нефтепромышленный комплекс – «Нобелевский городок», принадлежавший Товариществу братьев Нобель, который соединялся рельсовым путем с Грязе-Царицынской железной дорогой. «Нобелевский городок» находился на территории нынешнего Центрального парка культуры и отдыха г. Волгограда.

Подытоживая, укажем, что введенная в эксплуатацию в 1871 г. Грязе-Царицынская железная дорога сыграла важнейшую роль в экономическом развитии Царицына. Из небольшого уездного городка Царицын за несколько десятков лет превратился в крупнейший торгово-промышленный центр Поволжья.

Литература:

1. Доклады Саратовскому губернскому земскому собранию по земской Тамбово-Саратовской железной дороге 1880 г. – Саратов: Типография Саратовской Губернской Земской Управы, 1880. – 235 с.
2. Историко-статистический обзор промышленности России / под ред. Д.А. Тимирязева. В 2-х т. Т.1. – Спб.: Типография В. Киришбаума, 1883. – 541 с.
3. Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волге. – Казань: Типо-Литография Ключникова, 1884. – 71 с.
4. Описание Грязе-Царицынской железной дороги Борисоглебского земства. – Спб.: Типография В. Киришбаума, 1880. – 121 с.
5. Отчет правления общества Грязе-Царицынской ж.д. Борисоглебского земства за

1883. – Спб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1884. – 148 с.

6. Отчет правления общества Грязе-Царицынской ж.д. Борисоглебского земства за 1882. – Спб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1883. – 153 с.

7. Очерки по истории Волгоградского края. – Волгоград: Типография изд-ва «Волгоградская правда», 1974. – 296 с.

8. Сборник сведений о железных дорогах в России. 1870-1872. – Спб.: Издание статистического отдела Министерства путей сообщения, 1875. – 270 с.

9. Шлевкова Т.В. К вопросу об убыточности российских железных дорог // Развитие экономической науки на транспорте: скорость как экономическая категория. Сборник докладов III Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Международный центр научно-исследовательских проектов, 2015. – С.310-314.

СОЦИОЛОГИЯ

Приходько Кирилл Станиславович

Студент бакалавриата, факультет социальных наук

Щека Наталья Юрьевна

*Кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы,
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»*

ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ К СОЦИАЛЬНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ ЭМИЛЯ ДЮРКГЕЙМА КАК ТОЧКА РОЖДЕНИЯ НАУЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ

В статье анализируется ключевая роль работы Эмиля Дюркгейма «Правила социологического метода» (1895) в процессе институционализации социологии как самостоятельной научной дисциплины. Раскрывается суть методологического манифеста Дюркгейма, направленного утверждение принципов объективного научного исследования. Центральное внимание уделяется анализу концепта «социального факта», правилам его наблюдения и объяснения, а также обоснованию структурно-функционального подхода. Делается вывод о том, что именно работа Дюркгейма заложила методологические основания научной социологии, определив ее предмет, метод и легитимность в системе наук.

Ключевые слова: *Эмиль Дюркгейм, «Правила социологического метода», социальный факт, методология социологии, объективность, научная дисциплина, позитивизм.*

FROM SOCIAL PHILOSOPHY TO SOCIAL RESEARCH: EMILE DURKHEIM'S METHODOLOGICAL MANIFESTO AS THE BIRTHPLACE OF SCIENTIFIC SOCIOLOGY

This article analyzes the key role of Émile Durkheim's "Rules of Sociological Method" (1895) in the institutionalization of sociology as an independent scientific discipline. It explores the essence of Durkheim's methodological manifesto, which aimed to establish the principles of objective scientific research. Focus is placed on the concept of the "social fact", the rules for observing and explaining it, and the rationale for the structural-functional approach. It concludes that Durkheim's work laid the methodological foundations of scientific sociology, defining its subject matter, method, and legitimacy within the scientific system.

Keywords: *Emile Durkheim, "Rules of the Sociological Method", social fact, methodology of sociology, objectivity, scientific discipline, positivism.*

Актуальность исследования определяется фундаментальным принципом преемственности научного знания. Любое новое открытие или теоретическое построение возникает не в вакууме, а на основе глубокого усвоения и критического переосмысления идей, концепций и эмпирических данных, накопленных предшествующими поколениями исследователей. Таким образом, современное научное понимание является закономерным результатом длительного и кропотливого интеллектуального труда. Поэтому обращение к первоисточникам, к генезису того или иного направления в научной области правомерно, это помогает осмыслить современные достижения, очертить границы того, что важно для современного человека в его познании окружающего мира [1].

Актуальность данной научной работы обусловлена центральным значением теоретических концепций, разработанных

Эмилем Дюркгеймом, который считается ключевой фигурой в формировании социологии как дисциплины, основанной на практических исследованиях. В его трудах были сформулированы фундаментальные методологические принципы, определившие логику научного изучения общества. Разработанные им подходы к организации конкретных социологических исследований заложили основы для совершенствования исследовательских методик и техник сбора данных, что наиболее ярко отражено в работе «Правила социологического метода» (1895 г.) (в русском переводе – «Метод социологии», 1899 г.). В своем главном методологическом труде Дюркгейм предпринял чрезвычайно важную для становления социологии как науки попытку разработки научной методологии социологического исследования [9].

Идеи Дюркгейма послужили теоретическим фундаментом для многих направ-

лений современной социологической мысли, в первую очередь для структурно-функционального анализа. Его научная и организаторская деятельность стала решающим фактором в процессе институционализации социологии как самостоятельной академической дисциплины. Обращение к его наследию позволяет глубже понять генезис и современные принципы социального познания.

Цель данной статьи – показать, что теоретическое наследие Эмиля Дюркгейма обозначило поворотный момент в развитии социальной науки, ознаменовавший переход от социальной философии к программе систематического социального исследования.

Конец XIX века стал для зарождающейся социологии периодом методологического самоопределения. Несмотря на предшествующие усилия О. Конта, Г. Спенсера и Дж. Милля, социология оставалась, по выражению Дюркгейма, областью «весьма общих рассуждений» о социуме, лишенной строгого исследовательского инструментария и четко очерченного предмета. Ее дискурс был ближе к социальной философии, истории или моральной философии, чем к эмпирической науке. Именно в этом контексте публикация «Правил социологического метода» Дюркгейма приобрела характер интеллектуальной революции и методологического манифеста.

Первым и важнейшим шагом на пути к научности стало для Дюркгейма установление границ новой дисциплины. Чтобы социология перестала быть «вспомогательной» для других наук и обрела автономию, ей требовался собственный, ни к чему не сводимый объект изучения. Таким объектом Дюркгейм провозгласил социальный факт.

Предметом социологии, с точки зрения Дюркгейма, являются социальные факты, под которыми он понимает всякий способ действий, существующий независимо от индивида и способный оказывать на него внешнее принуждение [9].

Социальные факты определяются двумя взаимосвязанными признаками.

Во-первых, являются внешними по отношению к индивиду: социальные факты

существуют вне индивидуального сознания. Они предопределены индивиду обществом через воспитание, право, язык, обычаи. Как отмечает Дюркгейм, выполняя обязанности брата, супруга или гражданина, человек действует в рамках установлений, которые он не создавал, но которые были внушены ему извне.

Во-вторых, обладают принудительной силой: социальные факты оказывают на индивида давление, вынуждая его к определенным действиям, мыслям и чувствам. Эта сила проявляется особенно ярко при сопротивлении – в форме правовых санкций, общественного порицания или даже экономического краха при нарушении устоявшихся правил хозяйствования.

Именно в этой дефиниции заключено мировоззрение всей дюркгеймовской социологии. В ней на самом деле выражена довольно простая мысль: общество представляет собой объективный факт, некую данность, навязанную людям, обладающую реальной возможностью и силой воспроизводить себя вне и независимо от конкретных ситуационных изъятий их индивидуальной воли. Социальный факт живет своей «не вполне человеческой» жизнью в согласии со своими «не вполне человеческими» законами [8].

Через понятие социального факта Дюркгейм не только очертил предметное поле, но и заложил основы социологизма – объяснительного принципа, согласно которому социальные явления должны объясняться другими социальными явлениями. Признание объективной реальности социального факта является центральным пунктом социологического метода Дюркгейма. Для понимания дюркгеймовского «социологизма» необходимо выделить и различать в нем онтологический и методологический аспекты [3].

Онтологический аспект – разработанная Дюркгеймом концепция социальной реальности, которая излагается в первой главе его работы «Метод социологии». Онтологическая сторона «социологизма», то есть концепция социальной реальности, выражена в следующих базовых положениях [3].

Социальная реальность включена в

универсальный природный порядок; она столь же устойчива, основательна и «реальна», как и другие виды реальности, а потому, подчинена действию определенных законов.

Общество – это реальность особого рода, не сводимая к другим ее видам. «...Общество – не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *suī generis*, наделенную своими особыми свойствами. Конечно, коллективная жизнь предполагает существование индивидуальных сознаний, но этого необходимого условия недостаточно. Нужно еще, чтобы эти сознания были ассоциированы, скомбинированы, причем скомбинированы определенным образом», – пишет Дюркгейм.

Онтологическая сторона «социологизма» не сводится к признанию основательности и автономии социальной реальности. Утверждается главенство социальной реальности по отношению к индивидуальной и ее исключительное значение в детерминации человеческого сознания и поведения; значение же индивидуальной реальности признается вторичным. Характерной онтологической чертой «социологизма» является «социальный реализм» [3, 4].

Методологические взгляды Дюркгейма неотделимы от его понимания природы социальной реальности. В своей методологии он определяет принципы подхода к изучению социальных фактов. Дюркгейм утверждает, что социология должна использовать тот же объективный метод, что и естественные науки. В труде «Метод социологии» он формулирует ключевые критерии для анализа социальных фактов, которые, по его мнению, необходимы для признания социологии самостоятельной научной дисциплиной. Поскольку объектом естественных наук являются вещи, то и социальные факты следует трактовать как «вещи». Это главное правило дюркгеймовской методологии.

Из этого следует, что социальные факты обладают следующими характеристиками: они существуют вне и независимо от отдельного индивида; обладают матери-

альностью, доступны наблюдению и носят объективный характер; причинно-следственные связи между этими фактами позволяют выявлять законы, управляющие обществом. Таким образом, изучать нужно непосредственно саму социальную реальность, а не сложившиеся о ней представления. Социология должна очистить себя от всех «предпонятий» – то есть донаучных, обыденных понятий, сформированных вне ее рамок.

Второе правило требует, чтобы предметом исследования была только совокупность явлений, объединенных общими наблюдаемыми чертами, и чтобы в анализ включались все феномены, соответствующие этим критериям. При выявлении этих внешних характеристик социолог должен опираться на эмпирические данные, если они обладают необходимой объективностью. Социология призвана быть свободной от идеологического влияния, личных предпочтений и субъективных предубеждений исследователя.

Третье правило методологии Дюркгейма звучит следующим образом: «Определяющая причина данного социального факта должна быть отыскиваема среди предшествующих социальных фактов, а не в состояниях индивидуального сознания» [4]. В основе этого лежит принцип приоритета общества (целого) над индивидом (частью). Это означает, что: корни социальных явлений – в самом обществе, а не в сознании отдельных людей; общество представляет собой самостоятельную систему, функционирующую по собственным законам, которые не сводятся к психологии индивида [10].

Четвертое правило заключается в том, чтобы объяснять социальные факты через другие социальные факты, избегая сведения к психологическим мотивам индивидов. Этим утверждается независимость социологии от психологии. По Дюркгейму, у каждого общества существует особая «коллективная психика» (или коллективное сознание), изучение которой и составляет главную задачу социологической науки.

Пятое правило предписывает отдельно анализировать причину возникновения социального факта и функцию, которую он выполняет в общественной системе.

Классифицируя социальные факты, ученый к одной группе относил «социальные факты анатомического или морфологического порядка», образующие «субстрат коллективной жизни», а к другой – «способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются», состоящие «из представлений и действий» и существующие в виде общих идей, взглядов, верований, обычаев, стремлений и т.д. [4, 9]. Нематериальная сфера социальной жизни, по Дюркгейму, представлена «коллективными представлениями», составляющими основу общего, или коллективного, сознания. Центральным объектом его изучения стало именно это коллективное сознание и его конкретные формы: религиозные верования, моральные предписания и правовые установления. Учёный полагал, что данный аспект является фундаментальным для анализа социальных процессов и механизмов интеграции общества.

Социальные факты не могут быть спутаны с другими фактами (органическими, психическими и др.) т.к. обладают особыми характеристиками. Одна из главных задач Дюркгейма – дать точное определение социальным фактам. Обратимся к работе Дюркгейма: «...разряд фактов, отличающихся специфическими свойствами, составляют образы мыслей, действий и чувствований, находящиеся вне индивида и одаренные принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним» [2, 5].

Социальные факты формируются в процессе коллективной жизни и взаимодействий между людьми. Они материализуются в виде конкретных социальных явлений: поведенческих норм, правовых кодексов, языка, религиозных институтов и экономических отношений.

В концепции Дюркгейма эта категория занимает центральное место, так как её изучение открывает доступ к пониманию социальной структуры. Анализируя социальные факты, можно определить господствующие в обществе ценности и нормативные предписания, проследить генезис социальных институтов и выявить повторяющиеся закономерности общественной

жизни. Данная возможность и служит основанием для создания научной методологии социологического познания. Помимо этого, социальные факты играют решающую роль в поддержании интеграции и регуляции социума. Они составляют фундамент общественного сознания и разделяемых всеми представлений, которые консолидируют индивидов, обеспечивая стабильность и социальный порядок. Следовательно, они действуют как внешняя принудительная сила, которая поддерживает нормативную систему, направляет индивидуальные поступки и задаёт структуру для социальных отношений [1].

Термин «социальный факт» в социологии Дюркгейма представляет собой собирательное понятие: социальный факт как феномен, определенное явление социальной жизни; социальный факт как нормы (правила, в том числе, этики); социальный факт как ценность (альтруизм, солидарность, дружба и т.д.); социальный факт как институция (семья, договор и прочие общественные институты); социальный факт как квази-вещи (к примеру, деньги, ценные бумаги) [6].

Социологический способ объяснения провозглашается единственно верным, исключаям другие способы или включающим их в себя. Социология в результате выступает не только как специфическая наука о социальных фактах, но и как своего рода наука наук, призванная обновить и социологизировать самые различные отрасли знания: философию, гносеологию, логику, этику, историю, экономику и др.

Таким образом, признание социологии специфической наукой дополняется в «социологизме» социологическим экспансионизмом (обозначаемым как «социологический империализм»). Социология мыслилась Дюркгеймом не просто как самостоятельная социальная наука в ряду других, но и как «система, корпус социальных наук». В результате «социологизм» предстает не только как базовая социологическая концепция, но и как философское учение [3].

Теоретическая концепция Дюркгейма носит название социологизма или социального реализма. Отталкиваясь от своей концепции социальных фактов, Дюркгейм

изучал сущность, виды и эволюцию социальной солидарности. Он понимал ее как фундаментальную моральную норму и общечеловеческую ценность. Согласно его теории, на ранних этапах развития человечества преобладала механическая солидарность, возникающая вследствие однородности – схожести индивидов и выполняемых ими в обществе ролей [10].

Для Дюркгейма задача социологии выходит за рамки простой систематизации и описания социальных фактов. Он считал, что сбор и фиксация эмпирических данных представляют собой лишь начальную, подготовительную фазу исследования. Научная социология должна устанавливать причинные связи и законы, возводя ее «вровень с другими науками, в первую очередь с естественными». Дюркгейм стал одним из основоположников функционализма, заявив, что «в процессе объяснения социального явления нужно отдельно исследовать порождающую его реальную причину и выполняемую им функцию» [4]. Он настаивал на том, что «социологическое объяснение заключается исключительно в установлении причинной связи, или в открытии причины явления, или в определении полезных следствий данной причины». На основании этого он пришел к выводу о том, что «сравнительный метод – единственно пригодный для социологии». Дюркгейм утверждал: «Сравнительная социология не является особой отраслью социологии; это сама социология, поскольку она перестает быть чисто описательной и стремится объяснять факты» [4]. В предисловии ко второму изданию «Правил социологического метода» он определил социологию как «науку об институтах, их генезисе и функционировании», понимая под институтом «все верования, все поведения, установленные группой» [4, 9].

Дюркгейма по праву считают основателем структурно-функционального подхода в социологии. Он анализировал общество как систему, части которой взаимодействуют ради сохранения её устойчивости и целостности.

Дюркгейм считается родоначальником структурно-функционального метода. Рассматривая общество по аналогии с орга-

низмом, он стремился понять, как его различные части функционируют для поддержания целого. Парадоксальные, на первый взгляд, выводы (например, о «нормальности» преступления как явления, присутствующего во всех обществах и выполняющего функцию укрепления коллективных чувств) демонстрировали мощь этого нового аналитического инструментария, порывавшего с обыденной моральной оценкой.

В социологической теории Дюркгейма особое внимание уделяется также значению общественного сознания и коллективных представлений в формировании и функционировании общества. Общественное сознание представляет собой совокупность общих для членов общества представлений, моральных убеждений и верований, которые, по мнению ученого, существуют объективно, вне индивидуальных умов. Это сознание не является простой суммой личных взглядов, а составляет самостоятельную социальную силу.

Дюркгеймовский анализ раскрывает механизм, посредством которого абстрактное общество влияет на конкретного человека. Процесс социализации, через который проходит каждый индивид, есть не что иное, как интернализация (усвоение) этих коллективных представлений. Усвоенные нормы и ценности становятся внутренними регуляторами поведения, формируют жизненные цели и определяют границы допустимого, тем самым структурируя социальную жизнь и поддерживая целостность общества.

Еще одной ключевой идеей социологии Эмиля Дюркгейма является теория социальной солидарности и регуляции. Эмиль Дюркгейм считал, что социальная солидарность – это процесс объединения индивидов в общество и формирования у них чувства принадлежности и взаимозависимости [1].

Подводя итоги, можно утверждать, что «Правила социологического метода» Э. Дюркгейма стали водоразделом в истории социальной мысли. Эта работа выполнила роль методологического манифеста, который легитимировал социологию как автономную академическую дисциплину с собственным предметом (социальные факты);

институционализировал ее как науку, основанную на принципах объективности, эмпиризма и систематического сравнения; обеспечил ее конкретным методологическим инструментарием, включающим правила наблюдения, причинный и функциональный анализ.

Благодаря Дюркгейму социология совершила решительный поворот от умозрительных спекуляций социальных философов к программе систематического, доказательного исследования социальной реальности «извне». Заложенные им принципы – требование объективности, изучение социальных фактов через их внешние проявления, сравнительный анализ – сохранили свою актуальность и составляют основу

исследовательской культуры социологии по сей день. Несмотря на последующую критику его позитивистской программы, именно дюркгеймовский проект превратил социологию из раздела философии в самостоятельную научную дисциплину, способную производить верифицируемое знание об обществе.

Творчество Дюркгейма сложно переоценить. Он по праву считается одним из основоположников социологии как науки и учебной дисциплины. Дюркгейм заложил основы понимания общества как нормативно-ценностной системы, став одним из основателей функционального анализа в социологии [9].

Литература:

1. Гостенина В.И., Косякова В.П., Подъячева О.С. Французская школа в социологии // Экономика. Социология. Право. 2023. №4 (32). С. 27 – 34.
2. Гостенина В.И., Кузнецова Ю.А. Научно-теоретические основы социологического подхода к исследованию социальной реальности // Экономика. Социология. Право. 2024. №3 (35). С. 77 – 85.
3. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: Учебное пособие для вузов.-5-е изд. -М.: Книжный дом «Университет», 2001. С. 101 -117.
4. Дюркгейм, Э. Метод социологии / Э. Дюркгейм // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – С. 5-164.
5. Дюркгейм Э. Метод социологии //Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. – М., 1996. – С. 256-309.
6. URL: <https://socioline.ru/pages/e-dyurkgejm-metod-sotsiologii> (дата обращения: 28.12.2025)
7. Кучеренко П.А., Назаршоев Ф.К. Социальные исследования Эмиля Дюркгейма в контексте правозащитной деятельности // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки, 2024. Т. 28. № 2. С. 360 – 377.
8. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с французского А. Б. Гофмана. – 4-е изд., испр. – М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 18 – 22.
9. Подвойский Д.Г. Социологический реализм Эмиля Дюркгейма Человек. Сообщество. Управление. 2004. №2. С. 112- 124.
10. Попов, А.С. Эмиль Дюркгейм: портрет социолога. К 150-летию со дня рождения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2008. №2. С. 27 – 32.
11. Проказин В.В. История социологии: сборник учебно-методических материалов для направления подготовки 39.03.01 «Социология» // Благовещенск: Амурский государственный университет, 2017. С.72 – 74.

ФИЛОЛОГИЯ

Авакян Лаура Аркадьевна

*Доцент кафедры иностранных языков, кандидат философских наук,
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения*

ЭМОТИВНОСТЬ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ В КИНО

*Статья рассматривает роль кино в реализации категории эмотивности. Определяются особенности функционирования эмотивной лексики как особого лексического слоя в речи киноперсонажа, создающего у кинозрителя определенный эмоциональный фон. Выявляются особенности реализации категории эмотивности через эмотивы. Функция эмотивов заключается в эмоциональном воздействии на кинозрителя. Материалом для изучения особенностей реализации эмотивности в кино выступает фильм-драма *White Oleander* / «Белый Олеандр».*

Ключевые слова: кино, репрезентация социокультурной жизни, кинематографические образы, эмотивность, эмоции, эмоциональное событие, киноперсонаж, кинозритель.

Avakian L.A.

EMOTIVITY AND ITS REALIZATION IN CINEMA

The article examines the role of cinema in the realization of the emotivity realization category. The features of the functioning of emotive vocabulary are determined as a special lexical layer in the speech of a film character, which creates a certain emotional background for the film viewer. The article identifies the peculi-

arities of the realization of the emotivity category through emotives. The function of emotives is to make an emotional impact on the viewers. The film White Oleander serves as a material for studying the features of the realization of the emotivity in cinema.

Keywords: *cinema, representation of socio-cultural life, cinematic images, emotivity, emotions, an emotional event, film character, viewer.*

Кино как социокультурный феномен стремится понять и отражать социальные процессы и явления, которые вносятся в жизнь современного общества в результате исторических, культурных и цивилизационных поворотов. Недаром феномен кино расценивается как репрезентация социокультурной жизни общества, его ценностей и образов в их движении, трансформации и формировании. В сущности, речь идет о кино как насыщенном кинематографическом произведении, которое способно не только формировать понимание прошлого и репрезентировать действительность посредством объединения различных художественных элементов, но и стать носителем многогранных образов, которые связывают зрителя не только с определенным временем и пространством, но и позволяют ему увидеть и воспринимать жизнь во всем ее многообразии более качественно и целостно.

В результате кино предстает центром создания художественных образов в их движении и трансформации. Кинематографические образы репрезентируются как активные, подвижные и интерактивные в сложных взаимодействиях, а использование выразительных средств позволяет раскрыть явления и события с разных сторон, оказывая при этом мощное влияние на зрителя и органично включая его в судьбу киногероя, в его переживания и эмоции. Значимость этого изобретательного подхода проявляется в том, что зритель идентифицирует себя с киногероем, перенимая мотивы и модели его поведения и проецируя на себе его эмоции; он связывает себя с образом киноперсонажа, он радуется с ним, он плачет с ним, он оказывается в пучине его эмоций и переживаний. Для Менегетти, представителя онтопсихологического подхода, изучающего эмоциональное влияние кино на зрителя, кинофильм является

«комплексным действием, проникающим в глубинную жизнь зрителя.... Впитывая те или иные образы, зритель неосознанно становится их продолжением, действуя на основе полученной через образы информации» [3, с. 13].

Таким образом, создается уникальная фигуративная модель киноперсонаж ↔ кинозритель, в рамках которой выстраиваются механизмы восприятия образа киногероя и идентификации с ним. Наверное, поэтому, признавая величие кино, Ж. Делёз представляет его как эмоциональный посредник, который с помощью кинематографических образов и их «автоматического движения пробуждает в нас духовный автомат, а тот, в свою очередь, на него реагирует» [2, с. 468].

Для того, чтобы осознать специфику реакции зрителя к кинофильму и его контексту, в который он (зритель) попадает, необходимо раскрыть психологические особенности восприятия и воздействия кино. Эти два важных процесса протекают в зависимости как от структуры фильма, так и от нравственно-эстетического уровня развития зрителя. Так эмоции с экрана вызывают субъективную эмоциональную реакцию кинозрителя, что «превращает художественный фильм в своего рода эмоциональное событие» [1, с. 16].

Известный российский лингвист, основатель научной школы лингвистики эмоций В.И. Шаховский, разрабатывая проблемы эмотивности языка, представляет эмоции как способ оценки тех или иных эмоциогенных событий, причем «каждая эмоция имеет свою адаптивную функцию для отдельного индивида» [6, 2009. с. 30]. Это означает, что эмоциям придается особая роль в оценке и отражении действий и событий, а в центре внимания оказываются индивидуальность человека и его психологические особенности. «...эмоции являются

информацией о состоянии внутреннего «Я», его сознания и психики. Эмоции есть только там, где есть интерес и отношение» [5, 1987, с. 24-25].

Таким образом, создание эмотивности и ее актуализация в кино основывается не только на передаче эмоций киноперсонажей зрителю. Здесь играют свою роль и индивидуальность кинозрителя, его психологические особенности, в том числе и специфика его культурного интеллекта. «Один и тот же текст может быть воспринят носителями различных культур совершенно по-разному» [4, с. 9].

Эмотивность как одно из ключевых составляющих кино усиливает его эмоциональную значимость, участвует не только в формировании образа киноперсонажа, но и в формировании отношения к нему, как к киногерою. Она актуализируется через языковые средства, которые относятся к разным направлениям. Это – лингвистические (лексические, грамматические, интонационные особенности речи киноперсонажа) и экстралингвистические элементы речи (темп, ритм, включение пауз, молчание, вздохи, плач, смех). Важным дополнением служат и усиливающие эмоциональное воздействие на зрителя паралингвистические средства (жесты, поза, мимика).

Особый интерес в этом контексте представляет фильм-драма *White Oleander* («Белый Олеандр», 2002, реж. Питер Козмински). Анализ эмотивной лексики на лексико-фразеологическом, синтаксическом и стилистическом уровнях позволяет выявить эмотивные компоненты фильма. Конкретные примеры из речи персонажей, доминантные элементы фильма (глубокий сюжет, вербальное и невербальное составляющее актёров, звуковое и цветовое решение) создают ту атмосферу, что превращает фильм в «эмоциональное событие» для зрителя.

Повествуя о трагичной судьбе матери (Ингрид, отбывает наказание за убийство любовника) и дочери (Астрид), фильм предлагает зрителю задуматься о сложных взаимоотношениях в семье, о теме разрушительной власти родителей над своими детьми. Не случайно, фильм в самом начале использует сцену внутреннего монолога

дочери, как вступительную часть грустного повествования (с использованием идиом, эпитетов) для создания захватывающей эмоциональной атмосферы с целью вовлечь зрителя в активный внутренний диалог с киноперсонажем. Это помогает зрителю глубже понять и прочувствовать внутреннее эмоциональное состояние и настроение тоскующей по маме дочери, ее искренней любви к ней. Внутренний монолог показателен тем, что грусть на душе у дочери раскрывается через ее сдвоенный голос, тонкую интонационную сдержанность речи, что, безусловно, создает глубокий эмотивный эффект. Здесь реализуется эмотивная функция речи киноперсонажа, вызывая у зрителя чувство сопереживания и сострадания.

“She was the most beautiful woman most people had ever seen”. (Пер.: Она была самой красивой, которую видели большинство людей) [7].

“The Santa Anas blew in hot from the desert that fall”. (Пер.: Санта Ана дул горячим ветром из пустыни той осенью) [7].

“The wind was the reason my mother did what she did”. (Пер.: Ветер был причиной того, что моя мама сделала)

“I lived in her shadow”. (Пер.: Я жила в её тени) [7].

В ходе исследования выявлены анафоры как важный стилистический прием, придающий речи эмоциональное напряжение. Речь идет о категоричности и убедительности высказываний Ингрид, подтверждающих ее доминирование в личной жизни дочери. Для усиления степени эмоционального воздействия ее речи используются наречие “never” и личное местоимение “you”, поскольку ей, как гордой, сильной и волевой женщине, важно, чтобы она была услышана дочерью.

“Never let a man stay the night. Never apologize, never explain”. (Пер.: никогда не позволяй мужчине провести ночь. Никогда не извиняйся, никогда не объясняй») [7].

“I am the only person you know who can keep you honest. Don't forget who you are, Astrid. You are my daughter and you are perfect, remember!”. (Пер.: «Я – единственный человек, ты знаешь, кто может держать тебя в честности. Не забывай, кто ты,

Астрид. Ты – моя дочь и ты – совершенство, запомни!») [7].

В диалогах матери и дочери частое повторение эмотивов-номинативов love, pride, hope, эмотивных высказываний: “Momma! No, no, no, no, no... You are so beautiful! Don’t cry!” (Пер.: Мама! Нет, нет, нет, нет, нет...Ты такая красивая! Не плачь!), “Your hair smells like clover.” (Пер.: Твои волосы пахнут клевером») раскрывает чувство их взаимной любви, привязанности и глубокой тоски. Использование невербальных средств (ласковые прикосновения, объятия, поцелуи, радостные улыбки, нежные пронзительные взгляды), а также и приемов ритмичного и контрастного мон-

тажа усиливают эмоциональное воздействие на зрителя, заставляя его чувствовать себя в пространстве киноперсонажей и стать частью их общения.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что взаимодействие вербальных, невербальных и визуальных компонентов фильма способствует формированию и раскрытию эмоционально-содержательной темы в фильме, а значит и реализации его эмотивности. Многослойный смысл фильма, в котором переплетаются семейная драма, глубокие размышления о себе, об окружающих людях и о жизни в целом, предлагает зрителю задуматься о смысле жизни и ее ценностях.

Литература:

1. Анищенко А.В. Моделирование эмотивных смыслов в немецкоязычных фильмах с аудиодескрипцией//Гуманитарные науки//Вестник Московского лингвистического университета. 2020. № 9 (838). С.11– 22.
2. Делёз Ж. Кино. – М.: Ад Маргинем, 2004. – 622 с.
3. Менегетти А. Синемалогия для молодежи. Кино. Онтопсихологический подход. – М.: «Онтопсихология», НФ «Антонио Менегетти», 2019. – 169 с.
4. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурного анализа). – М.: Изд-во «Водолей Publishers», 2001. – 164 с.
5. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 193 с.
6. Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике//Вопросы лингвистики. 2009. № 9. С.29– 43.
7. «White Oleander». Фильм. [Электронный ресурс]: <http://ok.ru/video/2560687016646> – (Дата обращения: 05.02.2026).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ

В статье рассматривается вариант лингвистического анализа текста в техническом вузе. Дается формулировка лингвистического анализа, а также исследуются основные категории текста – когезия, проспекция, ретроспекция, суггестивность, континуум. В методике исследования текста различают три вида чтения: ознакомительное, аналитическое и результативное. Последовательно рассматриваются методы лингвистического анализа текста. Богатство, глубина содержания и многообразие русского языка выражается тем, что способы высказывания грамматической системы слов часто меняются. Таким образом, наблюдаются различия между стилистической окраской и сферой употребления. Учебный текст должен отвечать характеру той специальности, где учатся студенты, а также должен быть стилистически научно-популярным, и в то же время, быть грамматически откорректированным.

Ключевые слова: коммуникативный и когнитивный интерес, лингвистический анализ, когезия, проспекция, ретроспекция, суггестивность, континуум, рассуждение, повествование, описание, графематическое исследование.

Amirova S.J.

LINGUISTIC TEXT ANALYSIS IN TECHNICAL UNIVERSITIES

The article considers a variant of linguistic text analysis in a technical university. The formulation of linguistic analysis is given, and the main categories of the text are investigated – cohesion, prospection, retrospection, suggestiveness, continuum. There are three types of reading in the methodology of text research: introductory, analytical and effective. The methods of linguistic text analysis are consistently considered. The richness, depth of content and diversity of the Russian language is expressed by the fact that the ways of expressing the grammatical system of words often change. Thus, there are differences between stylistic coloring and the sphere of use. The educational text should correspond to the nature of the specialty where

students study, and should also be stylistically popular in science, and at the same time, be grammatically correct.

Keywords: *communicative and cognitive interest, linguistic analysis, cohesion, prospectus, retrospection, suggestiveness, continuum, reasoning, narration, description, graphemic research.*

Для обучения учебных текстов по специальности в техническом вузе и при отборе текстового материала нужно учесть ряд обязательных критериев. Например, при выборе текста по русскому языку содержание данных текстов должно соответствовать коммуникативным и когнитивным интересам и потребностям обучающихся иностранному языку. Л.М.Лосева составила такие особенности текста:

- 1) Текст – это передача мысли в письменной виде;
- 2) Текст имеет содержательную и структурную завершенность;
- 3) В тексте выражается позиция автора к передаваемой информации. (2, стр. 96)

Главным элементом всех лингвистических методов является анализ текста. Лингвистический анализ текста – это:

- 1) Тип языкового анализа, где определяется концепция языковых средств, с помощью которых передается содержание какого-либо текста.
- 2) Тип языкового анализа, который раскрывает характеристику и стилистические ресурсы текста.
- 3) Исследование основных категорий текста: когезия (связность), проспекция, ретроспекция, суггестивность (воздействие), континуум (неразрывность).

Когезия – от латинского – связанность, грамматическая и лексическая связность текста или предложения, которая соединяет их в единое целое и придает смысл.

Проспекция – конструирующий прием в лингвистике, использующий для уведомления читателя о том, какая информация ожидает его в процессе обсуждения предмета речи.

Ретроспекция – форма выражения информации, относящие читателя в прошлое или к прошлым событиям жизни.

Суггестивность – от латинского – внушение, намек. В основе суггестивности лежит утверждение, что язык служит не только средством передачи информации, но и механизмом воздействия на сознание человека.

Континуум – термин, применяющийся в лингвистике в значении совокупности диалектов, образующих на определенной территории непрерывную пространственную последовательность с минимальными отличиями между отдельными диалектами.

Анализ качества речи: правильность, точность, логичность, чистота и др. Анализ типов текста: рассуждение, повествование, описание.

Головина Е.В. считала, что анализ текста с языковедческой точкой зрения – это «способ исследования текста, или, соответственно, лингвистическая классификация, направленная на восприятие смыслологического содержания текста, абстрактной и дискурсивной информации, дающийся в тексте». [1, стр.22]

Словосочетание – лингвистический эксперимент – был использован впервые в языкознании Л.В. Щербой, который писал: «Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной фразы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (которые можно бесконечно множить), применяя это правило»1.[5,стр.25] Особенностью лингвистического эксперимента он считал мониторинг за смыслом слова, который возникает при сочетаемости слова или замены другим словом, которое проявляется в синтаксисе, лексикографии и стилистике.

В методике исследования текста различают три вида чтения: ознакомительное, аналитическое и результативное.

На ознакомительном этапе работы с текстом важно обратить внимание на смысл и содержание произведения, на слог изложения автора. Ознакомительное чтение – это быстрый процесс, так как можно быстро прочесть или даже охватить зрением не только слова, но и целые предложения, абзацы. Читая текст бегло, можно будет определить, что усвоено или понято, а что нет.

При углублённом (аналитическом) чтении внимание направлено на понимание каждого слова текста, постижения внешних его форм. При этом требуется формирование конкретных навыков, а именно: максимально сосредоточиться на данном тексте, выработать способности подразделять его на номинативные отрезки и уметь сравнивать их друг с другом.

Цель результативного чтения: оценить, насколько удалось максимально изучить текст, подчеркнуть сильные стороны произведения. При этом проверяются данные, а также все названия, даты, точное написание цифр, фамилий, инициалов.

Метод графематического исследования текста – это метод разделения текста на слова, формы слова и предложения. Текст делится на предложения, на слова, выделяются устойчивые обороты, обращается внимание на элементы форматирования – жирность, курсивность, подчёркивание; структурные элементы текста – заголовки, абзацы, примечания и др.

Метод лексического анализа текста – это развернутый анализ слова. На этом методе рассматриваются близкие по значению и противоположные по значению слова, многозначные слова, слова, близкие по звучанию, но различающиеся частично или полностью значением или паронимы, которые передают наиболее точно нужную информацию, а также это архаизмы и неологизмы, и малоупотребляемые слова, акцентируются и такие особенности языка, как просторечия и диалектизмы, крылатые выражения, метафоры, сравнения, олицетворения, эпитеты.

Метод морфологического анализа текста – это исследование текста относи-

тельно морфологического ракурса. В результате замены части речи в тексте меняется и стиль текста: например, с неофициального на официальный, и наоборот.

Богатство, глубина содержания и многообразие русского языка выражается тем, что способы высказывания грамматической системы слов часто меняются. Таким образом, наблюдаются различия между стилистической окраской и сферой употребления. Например, субстантивы – бензин, топливо, масло, нефть, соль, мрамор применяются, несомненно, в форме единственного числа. Иногда в технической терминологии встречается употребление этих слов и в форме множественного числа: топлива, масла, нефти, соли, мраморы. Это норма для профессионального употребления. Отметим, что в научных текстах средний род является наиболее часто используемый, но в разговорной речи не так часто.

Тождественность форм прилагательных, тождественность степеней сравнения также рассматриваются в процессе морфологического анализа. Если в общеупотребительной лексике употребляются личные местоимения первого и второго лица, то в официально-деловой сфере обычно не произносятся личные местоимения я или ты. В научной речи личное местоимение мы обычно используется в значении 1 лица, например: В своей статье мы уже рассматривали этот вариант. Глагол – особенно интересен для морфологического анализа. Глагол охватывает многообразие синонимов, обладающим широким диапазоном стилистических и экспрессивных оттенков.

Синтаксическое исследование текста – это способ изучения порядка слов в предложении. Синтаксическим явлениям присуща богатая синонимия. Помимо последовательного порядка слов в предложении для русского языка характерна и инверсия. Перестановка слов в предложении или инверсия, который меняет их обычный строй. Прямой порядок слов в предложении стилистически нейтрален, инверсированный порядок слов выразителен и стилистически важен.

Проведем лингвистический анализ

текста инженерного профиля:

Свойство стали и конструкции из стали.

Свойства стали зависят от ее химического состава. Чтобы убедиться, пригодна ли данная сталь для определенной цели, важно знать, как легирующие элементы распределялись в стали. Сплав подвергают сначала макроструктурному анализу, то есть изучают макроструктуру сплава. С помощью макроанализа можно узнать, каким способом была сделана сталь, определить физическую и химическую однородность металла и установить характер, количество и расположение дефектов. Макроанализ проводится путем внешнего осмотра деталей и изучения изломов. Для изучения внутреннего строения стальных изделий и обнаружения в них дефектов используются дефектоскопы на изотопах. Стальные конструкции изготавливаются в виде отдельных элементов, из которых монтируются каркасы зданий и сооружений на строительных площадках. При изготовлении элементов стальных конструкций применяют два способа соединений сборочных деталей: сварными швами или заклепками.

В настоящее время основным видом соединения стальных конструкций является сварка. При изготовлении стальных и алюминиевых строительных конструкций применяют сталь, алюминиевые сплавы, сварочные материалы (электроды, сварочная проволока, флюсы, защитные газы), болты и заклепки. Стальные строительные конструкции изготавливаются преимущественно из малоуглеродистых и низколегированных сталей различных профилей,

алюминиевые – из сплавов алюминия.

Стилистический анализ текста:

- Текст относится к научному стилю. В нем рассматривается информативная функция языка.

- Область использования или функционирования текста – в металлургической промышленности.

- Основные особенности научного стиля речи в тексте – это детальность, точность, правильный подбор слов.

- Языковое своеобразие: для данного текста характерна абстрактность и многоплановость и последовательный характер языковых средств.

- Лексические признаки: используется техническая и научная терминологическая лексика: макроструктура сплава, макроанализ, сварные швы, флюс, а также общенаучная лексика.

- Характер устойчивых сочетаний: использование терминов, специальных понятий.

Особенности текста с точки зрения морфологии – преобладание частотности слов со значением состояния, использование существительных во множественном числе (элементы, дефекты, изотопы, конструкции, детали, заклепки), частотность форм родительного падежа, преобладание существительных среднего рода (количество, содержание, внутреннее сгорание и др.), использование отглагольных существительных, использование глаголов в обобщенно-отвлеченном значении, употребление несовершенного вида глаголов.

Литература:

1. Головина Е.В. «Лингвистический анализ текста»: Учебное пособие. Оренбург, Гос.университет, 2012, 106 с.
2. Лосева Л.М. «Как строится текст», М., 1980, 96 с.
3. Мельникова С.П. «Отбор лексики как основы учебного текста» Сборник статей по методике преподавания русского языка. М., 1985, с.116-120.
4. Пахнова Т.М. «Лексический разбор текста», журнал «Русский язык», 2002, № 18.
5. Чернявская В.Е. «Лингвистика текста. Лингвистика дискурса.», Издательство «Флинта», «Наука», 2015, 193 с.
6. Щерба Л.В. «Языковая система и речевая деятельность», Л., 1974, 427 с.
7. Шендельс Е.И. «Грамматика текста и грамматика предложения» // Иностранный язык в школе- 1985, №4, с.16-21.

*Бабич Наталья Георгиевна
Доцент кафедры иностранных языков,
Московский технический университет связи и информатики,
кандидат филологических наук,
Российская Федерация, Москва*

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРВЬЮ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В.В. ПУТИНА АМЕРИКАНСКОМУ ЖУРНАЛИСТУ ТАКЕРУ КАРЛСОНУ

В статье рассматриваются лингвопрагматические особенности президентского интервью как жанра политического дискурса. Анализируются речевые тактики, реализуемые в ходе коммуникации в рамках конкретного интервью, а также показано, как определённые языковые средства способствуют формированию имиджа президента и достижению им стратегических коммуникативных целей, воздействия на аудиторию посредством выбранного жанра. Исследование выполнено на материале интервью В.В. Путина Такеру Карлсону.

Ключевые слова: *политический дискурс, президентское интервью, лингвопрагматические особенности, речевые тактики, коммуникативные цели, языковые средства, историческая аргументация, воздействие, имидж, диалог*

LINGUO-PRAGMATIC FEATURES OF A PRESIDENTIAL INTERVIEW (BASED ON THE INTERVIEW OF RUSSIAN PRESIDENT VLADIMIR PUTIN WITH AMERICAN JOURNALIST TUCKER CARLSON)

The article is dedicated to the analysis of the linguo-pragmatic features of a presidential interview as a genre of political discourse. Speech tactics used during the communication within a specific interview are researched. It is also shown the way certain linguistic means contribute to shaping the president's image and achieving his strategic communicative goals, influencing the audience by means of the chosen genre. The study is based on the material of the interview of Vladimir Putin to Tucker Carlson.

Keywords: *political discourse, presidential interview, linguo-pragmatic features, speech tactics, communicative goals, linguistic means, historical argumentation, impact, image, dialogue.*

Язык исторически выступал средством воздействия на общественные процессы, а развитие политической коммуникации закономерно привлекает внимание специалистов в области межкультурных отношений. Изучение языковой личности главы государства даёт возможность выявить инструменты речевого воздействия на массовую аудиторию и лучше понять логику современных общественно-политических процессов. Анализ интервью президента России В.В. Путина представляет особый интерес в силу его высокой медийности и статуса одного из ключевых мировых лидеров.

При изучении лингвопрагматических особенностей президентского интервью как жанра политического дискурса прежде всего необходимо обратить внимание на определение дискурса и функции его политической разновидности, так как они

формируют основу президентского интервью.

Согласно определению Т. Ван Дейка (T. Van Dijk), «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [2, с.8]. Политический дискурс реализует функции, связанные с его основной целью – борьбой за власть. Согласно классификации, разработанной А.Г. Алтуняном, наиболее существенными функциями политического дискурса являются: идеологическая, апеллятивная, аргументативная, мобилизующая, информативная и экспрессивная [1, с. 13-14]. По мнению лингвиста Н. Б. Руженцевой «речевые стратегии и тактики, в свою очередь, являются компонентами нелогической, а коммуникативной организации текста» [6, с.31].

К важным характеристикам политического текста относится использование определённой системы языковых средств, что способствует формированию у реципиента определённого политического образа. Поскольку президентское интервью чаще всего не предполагает простой обмен информацией, а преследует цель оказать воздействие на широкие слои населения и убедить их в правильности той или иной политической позиции, то язык, служащий инструментом для формирования политической реальности и управления общественным сознанием, в данном виде дискурса характеризуется использованием следующих лингвистических особенностей: наличие специальной лексики и клише, метафор, эвфемизмов, апелляций к общественным ценностям, стратегии убеждения и манипуляции, особый синтаксис (короткие ответы, риторические вопросы) и прагматика, которая выступает в качестве основного средства формирования имиджа политика и управления общественным мнением. Знание лингвопрагматических особенностей политического дискурса является важным умением и преимуществом любого президента, так как именно они позволяют ему грамотно вести диалог и влиять на собеседника или слушателя, убеждая их в своей правоте.

Объектом исследования данной статьи является интервью президента России В.В. Путина, которое он дал 6 февраля 2024 г. американскому журналисту Такеру Карлсону [8]. Данный выбор обусловлен не только фигурой российского президента, коммуникативный имидж которого уже детально обрисован во многих лингвистических трудах; а тексты его выступлений описаны как динамичные и информативно насыщенные, с чёткими аргументационными моделями [4, с.170; 7, с.40]; но и присутствием интервьюера в лице Такера Карлсона. В контексте современных геополитических процессов интервью российского лидера известному журналисту из США привлекло всеобщее внимание и послужило материалом для данного лингвистического исследования.

На основе универсальных тактических схем, предложенных лингвистами, в

частности, классификации Е. Н. Василенко, выделяющей такие тактики, как «тактика самопрезентации», «тактика обещания», «тактика призыва», «тактика акцентирования», «тактика дистанцирования», «тактика единения» и пр. [3, с.55], и существующих лингвистических характеристик этого типа дискурса рассмотрим особенности президентского интервью Владимира Путина Такеру Карлсону на некоторых примерах.

Следует сразу уточнить, что обозначив серьёзность разговора, В.В. Путин предлагает пространный экскурс в русскую историю, начиная с дохристианского периода. Таким образом, форма данного конкретного интервью – это «разрыв шаблона, резкая смена устойчивых форм за счёт включения исторических фрагментов, почти лекция по истории,...» [5, с.25].

Вот некоторые из реплик президента в самом начале интервью, подтверждающие это:

- В. Путин: тогда я позволю себе <...> – маленькую историческую справку.

- В. Путин: сейчас скажу, я уже заканчиваю эту историческую справку. Она скучная, может быть, но она многое объясняет.

- В. Путин: Я понимаю, что мои длинные диалоги, наверное, не входят в жанр интервью.

Тактика самопрезентации в данном интервью представлена аргументативным дискурсом президента, направленным на изменение чужих (чуждых) убеждений, а выбор такого персуазивного средства, как представление исторических фактов с указанием точных дат, конкретных имён, копий документов из архива, помогает президенту вызвать положительную реакцию на себя не только у слушающего, но и у потенциальной аудитории.

В. Путин: и всё-таки – это документы из архива, копии. <...> Я Вам их оставлю на добрую память.

В. Путин: <...> я читал архивные документы <...>.

Употребление местоимения 1-го л. мн. ч. обладает наибольшим прагматическим потенциалом в данном интервью, так как помогает президенту реализовать тактику единения с народом и противопостав-

ления своей державы другим государствам – в частности, США.

В. Путин: Вы же нас обманули <...> Мы всё терпели <...> мы свои теперь <...> у нас рыночная экономика <...> ;

В. Путин: просто мы поняли, что нас там не ждут.

В. Путин: Мы долго уговаривали Соединённые Штаты не делать этого.

Следует обратить внимание и на лингвистические особенности данного интервью. Часты в применении безличные предложения (как и предполагалось, имелось в виду в данном случае), риторические вопросы (А потом что? Но с кем? Где гарантии?) и лексические повторы различных видов – все эти приёмы повышают степень важности высказываний президента:

- В. Путин: Я подхожу сейчас к очень важному моменту <...> Второе – очень важное <...> а важно то, что Ельцин высказался в поддержку. <...> Третий момент, очень важный, – момент создания системы ПРО США, начало.

- В. Путин: но давайте будем выстраивать отношения по-другому <...> мы пытались по-разному выстроить отношения <...> мы очень мягко, спокойно выстраивали отношения со Штатами.

Характерной особенностью интер-

вью В.В. Путина является использование языковых единиц, относящихся к разным уровням языка – литературному и разговорному. Вкрапление метафор и фразеологизмов в речь способствует аффектации речи Путина, оживляя её, делая непредсказуемым ход беседы, заставляя тем самым потенциального слушателя не ослаблять своего внимания («с барского плеча», открыть вот эту дверь, в которую Россия пыталась пройти, руководство «нажало», «когда серая кошка пробежала», выпустили этого джинна из бутылки, нас послали подальше, пустите нас к себе).

Все перечисленные лингвопрагматические компоненты политического дискурса, используемые В.В. Путиным в интервью, способствуют не только созданию его образа как ответственного политика, понимающего руководителя и простого человека из народа, но и помогают главе государства выбрать именно этот жанр дискурса в качестве сильного инструмента воздействия на сознание общественности, в первую очередь, зарубежной, возможности внести ясность в исторический ход развития отношений между странами, а также утвердить позиции России как сильного игрока на международной арене.

Литература:

Алтунян А.Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина – Москва: УРАО, 1998. – 207 с.

1. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

2. Василенко Е. Н. Языковые средства убеждения в политическом дискурсе: монография. – Могилев: Могилевский гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2018. – 164 с.

3. Егорова О. И. О некоторых языковых особенностях, создающих медиаобраз Президента Российской Федерации В. В. Путина / О. И. Егорова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 168-172.

4. Куликова Г. Г. Исторические факты как доводы к логосу в риторике В. В. Путина (на материале интервью Такеру Карлсону) / Г. Г. Куликова, Л. А. Брусенская // Политическая лингвистика. – 2025. – № 1 (109). – С. 20-27.

5. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе: монография. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2004. – 294 с.

6. Седых А. П. К вопросу об идиополитическом дискурсе В. В. Путина / А. П. Седых // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 35-41.

7. Интервью Президента Российской Федерации В. В. Путина американскому журналисту Такеру Карлсону: [стенограмма интервью] // Официальный сайт Президента России. – 2024. – 6 февр. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения: 20.11.2025).

*Калиева Райганат Гасановна
Доцент, кандидат филологических наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, Москва*

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Статья посвящена проблеме преподавания русского языка как иностранного в условиях современного образовательного процесса. Базовый ориентир работы направлен на анализ структуры указанного курса. Важным является определение узловых, содержательных моментов, которые должны быть рассмотрены студентами. В качестве эмпирической основы исследования выступают магистры профиля подготовки «Международная журналистика». Студенты, осваивающие данный профиль подготовки, испытывают языковые затруднения, причем это касается всех уровней: фонетического, морфемного, лексико-семантического, синтаксического. Думается, что условия обучения должны быть ориентированы на разные формы, удобные и конструктивно подходящие. Программа магистратуры по профилю «Международная журналистика» не должна быть структурирована формально, суть обучения заключается в реализации эффекта свободного синтеза. Культура, искусство, язык, менталитет скрепляются в рамках данной дисциплины и задают правильное направление для создания и написания текстов, информационных обзоров, комментариев по ситуации в мире, причем разных тематических уровней, а также частных сообщений, направленных на достоверный анализ фактической исторической парадигмы. Диалог в данном случае строится на том, чтобы объективно позиционировать, доказывать и объективировать собственный взгляд на вопросы и темы мирового уровня. Статья имеет дискуссионный характер, ряд позиций, указанных в тексте, может быть расширен, дополнен далее. Фактический вывод ориентирован на мысль, что виды образовательной деятельности студентов-магистров при изучении русского языка как иностранного должны быть разнообразны, современны, конструктивны, это даст возможность эффективно освоить указанную дисциплину.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, языковые трудности, международная журналистика, культурология, дискурс, коммуникация, педагогика, методы, образовательный процесс.*

SPECTRAL ANALYSIS OF METHODOLOGICAL FACTORS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

This article addresses the problem of teaching Russian as a foreign language in the context of the modern educational process. The primary focus of the study is an analysis of the structure of this course. It is important to identify key, substantive points that students should consider. The empirical basis of the study is master's degree students majoring in International Journalism. Students in this program experience language difficulties at all levels: phonetic, morphemic, lexical-semantic, and syntactic. It is believed that learning conditions should be oriented toward a variety of forms that are convenient and structurally appropriate. A master's program in International Journalism should not be formally structured; the essence of the training lies in the implementation of a free synthesis effect. Culture, art, language, and mentality are bound together within this discipline and provide the right direction for the creation and writing of texts, news reports, and commentaries on the global situation, covering various thematic levels, as well as private communications aimed at a reliable analysis of the actual historical paradigm. The dialogue in this case is built on objectively positioning, proving, and objectifying one's own perspective on global issues and topics. This article is intended for discussion; several positions stated in the text can be expanded and supplemented further. The conclusion is based on the idea that the educational activities of master's students studying Russian as a foreign language should be varied, modern, and constructive, which will enable effective mastery of this discipline.

Keywords: *Russian as a foreign language, language difficulties, international journalism, cultural studies, discourse, communication, pedagogy, methods, educational process.*

Современная российская наука направлена на поиски решения проблемы конструктивного преподавания русской языка как иностранного. Достаточно много работ появляется в рамках этого вопроса и это, на наш взгляд, не случайно. Сама дисциплина требует нового [1, 2], векторного подхода. Осваивая язык, в первую очередь,

студенты обращают внимание на форму, далее же на содержание. Родной для них язык имеет свои особенности [фонетика, графика и т.д.], следовательно, и сопоставительный тон с русским языком также должен быть отличным.

Актуальность темы исследования, на наш взгляд, обусловлена интенсивными

процессами глобализации, а также расширением международных контактов, в которых русский язык продолжает играть достаточно важную роль. Он используется как эффективный инструмент воздействия, оценки, выстраивания диалога; русская культура [3, 13] как одна из мировых, ведущих основывается на русском языке не формально, а содержательно, следовательно, чтобы понять особенности, передать особенности мировидения языковую систему нужно изучать сферически. Таким образом, и может быть достигнуто единство оценки объективной реальности.

В данной статье осуществлена попытка наметить и проанализировать этапы обучения русскому языку как иностранному (РКИ) студентов-магистрантов направления «Международная журналистика» [9, 10], а также объективировать содержательный пласт дисциплины для ее эффективной реализации в образовательном процессе. Таким образом, методология исследования ориентирована на систематизацию критических данных, обобщение сути вопроса, а также верификацию наиболее действенных механизмов в рамках преподавания курса.

Русский язык как один из мировых языков по своей органике сложен для иностранных студентов [12]. Исторически сложилось, что он обретает свою самобытность в синкретических условиях, ибо изолировано развиваться не может. На наш взгляд, принципы преподавания РКИ целесообразно выстраивать комплексно: совмещать и чередовать коммуникативный, когнитивный и интерактивные формы. Думается, при этом, что вариант совмещения русского языка с русской культурой для магистров профиля «Международная журналистика» более продуктивен. Обучающиеся получают знания и как формального характера [графика, фонетика, уровневый расклад], так и содержательного. Принцип объединения становится ведущим, собственно, он и усиливает вектор понимания всей языковой системы.

В рамках курса должны быть рассмотрены и разобраны основные виды речевой деятельности: говорение, слушание, письмо и чтение. Каждый из них имеет свои цели, свои задачи. Два вида направлены на

буквальное продуцирование речи / текста – это говорение и письмо, два являются рецептивными, как такового продукта нет, но фактор восприятия, признания и оценки информации есть. Для магистров важно видеть варианты разности освещения мировой истории, трансформации обществ, причем разных социальных комбинаций. Аспекты веры, религии, культурной памяти, временных колебаний – все это должно быть объяснено и верифицировано. Международная журналистика направлена на объективность изложения фактов, на грамотный и серьезный анализ ситуации, причем, чаще с вариантом выстраивания диалог с читателем.

Методика преподавания курса РКИ для магистров не исключает компиляции знаний как филологического, так и общегуманитарного характера. Это, на наш взгляд, дает возможность сегмент проблем мирового порядка раскрыть полномерно и целостного. Культура, искусство не должны рассматриваться отдельно, слитность этих блоков даст студентам возможность ближе понять русскую культуру, далее же ее правильно интерпретировать. Если говорение и письмо как виды речевой деятельности направлены на создание текста, то слушание и чтение на верификацию и оценку информации. В ходе двух последних видов происходит уяснение системы национальных ценностей, определение приоритетов, установление норм, обозначение своеобразия традиций. Курс РКИ должен формировать критическое мышление магистров, готовить грамотного журналиста, умеющего исторический опыт совместить с реалиями настоящего [8] дня. Следовательно, умение разбираться в сложных международных проблемах в процессе изучения языка и есть главная задача, которая ставится перед обучающимися. Спектр вопросов может быть расширен – это поиски решений, обобщение и компиляция данных, создание условий эффективного воздействия на слушателя / читателя, поддержание конструктивного диалога с оппонентами.

Проблемы обучения РКИ [11, 14] в рамках указанного профиля сводятся к фонетике, грамматике, лексике, семантике, синтаксису. Думается, что не стоит исклю-

чать и т.н. ассоциативный пласт языка, который уже традиционно может быть рассмотрен с помощью такого понятия как концепт. Когнитивная лингвистика есть некое подспорье для объективации языковой системы, точечного описания как рождается мысль, как появляется и складывается смысл сказанного и написанного. Таким образом, умение использовать базовый публицистический стиль должно отрабатываться с ориентиром на медиапространство – видео-ресурсы, графический контент, кинематограф, радио и т.д. Культурологический фон становится в рамках освоения дисциплины некоей поддержкой и комментарием. Журналистский дискурс является не только чисто номинативной и информационной платформой, он предполагает активное воздействие [7], которое, порой, связано и дальнейшим выбором. Осваивая РКИ обучающиеся по профилю «Международная журналистика» не только формируют коммуникативные навыки, но и отра-

батывают умение мировой исторический процесс верифицировать правильно, описать его конструктивно, целостного, объективно. Следовательно, методика полярностей, вариант синтеза, компаративный принцип должны превалировать, ибо они действенны и продуктивны.

Преподавание дисциплины РКИ для магистров профиля «Международная журналистика» фактически находится на пересечении разных предметных блоков. Общей задачей и преподавателя, и обучающегося становится понимание сложности изложения мировых проблем в мире СМИ [6] с учетом глобального контента. Следовательно, основной целью деятельности журналиста [4, 5] является стремление не формально заполнить информационное поле, а донести до аудитории информацию достоверно, о чем-то заставить задуматься, в чем-то разобраться, либо сформировать определенное мнение.

Литература:

1. Базванова, Т.Н. Применение интерактивных технологий и графических средств на занятиях по русскому языку как иностранному / Т.Н. Базванова, Ю.В. Никишина, С.Е. Мошкова // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 7. – С. 86-92.
2. Беленкова, Ю. С. Особенности и трудности изучения русского языка как иностранного / Ю.С. Беленкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 4-2. – С. 62-64. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.4-2.05.
3. Беляева, Е.В. Адаптация учебных материалов по страноведению России для иностранных студентов к современным условиям: синтез клипового и понятийного мышления / Е.В. Беляева, Н.А. Мартыанова, А.А. Жигаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 1508-1515. – DOI 10.30853/phil20240218.
4. Будник, М.В. Журналистское образование: вызовы новой реальности / М.В. Будник // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – № 10-2. – С. 157-163. – DOI 10.28995/2686-7249-2023-10-157-163.
5. Вартанова, Е.Л. Медиаобразование в контексте становления цифровой культуры общества / Е.Л. Вартанова // Меди@льманах. – 2019. – № 5(94). – С. 8-10. – DOI 10.30547/mediaalmanah.5.2019.810.
6. Курченкова, Е.А. Образ государства в глобализованных массмедиа / Е. А. Курченкова // Начала Русского мира. – 2025. – № 7. – С. 65-74.
7. Махкамзода, Д.Ю. Роль региональной прессы в освещении политики государства / Д.Ю. Махкамзода // Новые тренды журналистики и массовых коммуникаций – 2024: Сборник научных трудов III Междунар. научно-практич. конф. Москва, 19 апреля 2024 г. / Отв. ред. Д.В. Неренц. – М.: РГГУ, 2024. – С. 28-34.
8. Меркачева, Е.М. Международные этические документы в практике регулирования журналистики / Е.М. Меркачева // Неофилология. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 499-507. – DOI 10.20310/2587-6953-2024-10-2-499-507.
9. Муха, А.В. Особенности обучения студентов по программе подготовки «Междуна-

родная журналистика (Восточная Азия)» / А.В. Муха, Н.И. Федосеева // Челябинский гуманитарий. – 2025. – № 3(72). – С. 86-92. – DOI 10.47475/1999-5407-2025-72-3-86-92.

10. Пиунов, А.К. Особенности преподавания русского языка как иностранного на этапе предвузовской подготовки иностранных студентов / А.К. Пиунов // Вестник МПА ВПА (сборник научных трудов). – 2025. – № 1(7). – С. 122-126.

11. Ровшенова, А. Особенности преподавания русского языка как иностранного: вызовы и стратегии / А. Ровшенова // A Posteriori. – 2025. – № 1. – С. 95-97.

12. Струцкая, А.А. Аудиовизуальные материалы как способ обучения аудированию студентов из Китая / А.А. Струцкая // Kant. – 2024. – № 2(51). – С. 407-413. – DOI 10.24923/2222-243X.2024-51.68.

13. Сухоносова, Э.А. Учет лингвострановедческих особенностей при использовании игровой методики в обучении русскому как иностранному / Э.А. Сухоносова, Е.М. Дубровская // Libri Magistri. – 2023. – № 3(25). – С. 210-220.

14. Хэ, С. Специфика сочетания теории и методики обучения и воспитания при изучении русского языка как иностранного / С. Хэ, Ю. Гао // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13, № 5-1. – С. 294-301. – DOI 10.34670/AR.2023.52.81.030.

Лунина Софья Андреевна

Преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов (ИЯ ТФ)

Новосибирский технический государственный университет

"РОЖДЕНИЕ" И "СМЕРТЬ": КОНЦЕПТЫ-УНИВЕРСАЛИИ В ОТНОШЕНИЯХ ВЗАИМНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ

Статья посвящена анализу концептов «рождение» и «смерть» в их семантической и философской взаимосвязи. Выявляется антонимический характер концепта «рождение» по отношению к умиранию и смерти. Особое внимание уделяется проблеме философской и культурной маргинализации темы рождения, которая, обладая сопоставимым со смертью эвфемистическим потенциалом, остаётся значительно менее изученной в гуманитарных науках. Анализируются причины табуирования данной темы, связанные с гендерными аспектами, локусом контроля и культурным подавлением женского опыта. Исследуется онтологическая близость новорождённого и умершего, проявляющаяся в магической нечистоте и пограничном состоянии женщины в период деторождения. Приводится ряд концептуальных особенностей в аспекте истории английского языка.

Ключевые слова: *концепт, рождение, смерть, эвфемизм, табу, языковая картина мира, лингвокультурология, концептуализация, древнеанглийский язык, когнитивная метафора, обряды перехода.*

Lunina S.A.

"BIRTH" AND "DEATH": UNIVERSAL CONCEPTS IN THE RELATIONSHIP OF MUTUAL REFERENCE

The article is devoted to the analysis of the concepts of "birth" and "death" in their semantic and philosophical interrelation. The author reveals the antonymic nature of the concept of "birth" in relation to dying and death. Special attention is paid to the problem of philosophical and cultural marginalization of the theme of birth, which, having a euphemistic potential comparable to death, remains much less

studied in the humanities. The reasons for the taboo of this topic are analyzed, related to gender aspects, the locus of control and the cultural suppression of women's experience. The ontological proximity of the newborn and the deceased, manifested in the magical impurity and borderline condition of a woman during childbirth, is investigated. A number of conceptual features in the aspect of the history of the English language are given.

Keywords: *concept, birth, death, euphemism, taboo, linguistic worldview, linguoculturology, conceptualization, Old English, cognitive metaphor, rites of passage.*

Настоящая работа посвящена исследованию концептов «рождение» и «смерть» в их семантической и философской взаимосвязи. Данные концепты представляют собой фундаментальные универсалии человеческого бытия, формирующие основу любой языковой картины мира. Несмотря на интуитивно воспринимаемую антонимичность, рождение и смерть обнаруживают глубокие смысловые пересечения, проявляющиеся как на уровне языка, так и в культурных практиках и философской рефлексии. Особый интерес представляет эфемистический потенциал данных концептов, обусловленный их табуированностью в различных культурах. В работе рассматриваются причины сакрализации темы рождения, её историческая маргинализация в гуманитарном знании, а также языковые механизмы концептуализации данных феноменов. Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного лингвокультурологического анализа универсальных концептов, отражающих фундаментальные аспекты человеческого существования.

Оппозиция "жизнь-смерть" в контексте изучения культур является "универсальной", без которой невозможно существование практически ни одной языковой картины мира [Прохорова 2018: 227]. Концепты "жизнь" и "смерть", как отмечается, "семантически не противопоставлены друг другу". Толкования каждого из соответствующих слов при этом характеризуется взаимной отсылкой друг на друга [там же: 229]. Рождение же, в свою очередь, нередко обуславливается близостью смерти. Такие представления основываются на эмпирических наблюдениях общества: в прошлом

роды зачастую проходили с риском для женщины и младенца [Орлова 2022: 113]. И если концепты "жизнь" и "смерть" с точки зрения семантических корреляций связаны отношениями несовместимости, то концепт "рождение" мы можем обозначить как собственно антонимический умиранию и смерти.

В статье «How Childbirth Became Philosophy's Last Taboo» в качестве подзаголовка ставится вопрос: Why don't humanities speak about birth? Автор указывает на явный перевес научных работ в сторону изучения смерти, а не рождения; отмечается, что «каноничные западные философы исторически посвящали внимание универсалиям человеческого опыта, включая универсальный опыт смерти, однако гораздо меньше внимания они уделяли рождению» [Hennesey 2017: 2]; «мы не обладаем устойчивым каноном специальной литературы или философских текстов об опыте рождения, хотя рождение ребёнка это также всеобъемлющий, пугающий и трансформирующий опыт, после которого человек кардинально меняется» [там же: 2]. Опыт родов характеризуется как «сложный, многогранный и субъективный» по своей природе [Larkin 2007:49], а также культурно обусловленный [там же: 50]. Ситуация, представленная Хэннеси в статье, находит отклик и в выводах отечественных исследователей: «постоянное изгнание и исключение анализа практик деторождения и родовспоможения из работ по культурно-интеллектуальной истории России» привело к тому, что было проигнорировано зарождение нового междисциплинарного явления – родильной культуры прошлого [Пушкарёва, Мицюк 2017: 147].

В определённой степени такой феномен можно объяснить тем, роды – это глубоко женский опыт, опыт, который исторически не было принято воспринимать как универсальный [Kärkla 2023: 180-181]; «табуирование темы родов – это культурное выражение жизни женщины» [Huff 1991: 108]. Помимо этого, не последнюю роль в культурном восприятии родов играет локус контроля: рождение ребёнка – это то, что происходит с женщиной, а не то, что она активно «совершает». Если мужчина может, будучи активным субъектом, «погибнуть за короля, веру или честь», оставив за собой след, то женщина, производящая на свет ребёнка, является лишь «участницей естественного, природного события» в противовес более возвышенному, «человеческому» явлению смерти [Held 1989: 364]. Опыт деторождения, таким образом, – это культурно подавленный опыт, которому характерно «умолчание, запинки и двусмысленность», обусловленные «языковой бедностью» [Kärkla 2023: 183]. Нельзя не принимать во внимание и онтологическую близость новорождённого и умершего человека, которая находит проявление в магической нечистоте [Кислов 2015: 24]; напрямую связанная с эмбрионом женщина является полухтоническим существом на границе бытия с небытием [там же: 2015]. Рождение – это не просто событие в перечне жизни человека; это "самое первое событие, которое даёт возможность для того, чтобы случились все остальные..." [Wilde 2021: 7]. Затрагиваются здесь и не менее фундаментальные вопросы о сущности человека, о природе самосознания: "Если рождение – это событие, то по отношению к кому оно происходит?" [там же: 7].

Тематика рождения, возможно, единственная, обладающая сопоставимо высоким эвфемистическим потенциалом, сколь тематика смерти. Причины сакрализации данной концептосферы в целом и отдельных её концептов в частности очевидны: общество стремилось сохранить жизнь матери и ребёнка под влиянием магического мышления. Спектр эвфемизации концептосферы «рождение» действительно широк; объектами вторичной номинации в разные времена и культуры становились

зачатие, фазы беременности, рождение ребёнка, процесс родов, сам ребёнок и его имя [Яимова 1990: 12], даже дом, в котором произошло пополнение [там же: 35]. Иносказательные вопросы могли использоваться при желании узнать пол новорождённого [там же: 12]. Эвфемизация рождения часто сопровождается яркой положительной коннотацией, характерной для многих культур. Так, в русском языке это «благодать» или «пополнение», в бурятском о новорождённом могут говорить «угай баяр» – радость рода; в немецком рождение – это «Das Wiegefest» – праздник колыбели; в английском – «the happy event» и т.д. [Цыдендамбаева 2015: 110]. Распространён обычай вторичного имянаречения, когда новорождённого специально называли пренебрежительными, «некрасивыми» именами [Яимова 1990: 36], [Цыдендамбаева 2015: 11] или именами, указывающими на противоположный пол с целью запутать злые силы [Яимова 1990: 36].

Невзирая на сегодняшнюю тенденцию медиализации и техницизации родов, отмечаемую в ряде исследований [Nisha 2021: 134-135], [Kärkla 2023: 181], [Dahan 2021: 5], само явление не утрачивает эвфемистической составляющей, пусть это и обусловлено скорее деликатностью, нежели сакральным табуированием. Прямые отсылки к беременности продолжают заменяться на эвфемизмы, многие из которых фразеологические по своей природе [Долгова 2023: 168]. Лексемы-эвфемизмы рождения (концепта, отражающего реальный мир), являются по своему денотативному статусу и по характеру означаемой действительности "абстрактными субстантивами" [Прохорова 2018: 228]. Для истории английского языка, в частности, концепт «беременность» имел два принципа языковой экспликации: 1) яркая метафорическая концептуализация; 2) тенденция к сокрытию сути вещей [Markus 2005:18]. Отмечается также, что в лингвокультуре средневековой Англии превалировала «отсылка на сам концепт», т.е. использование прямых номинаций, в то время как для современного английского характерны «обходные» способы номинации [там же: 20]. Беременность концептуализировалась при помощи

когнитивных метафор, в которых женщины сопоставлялись с животными или неживыми объектами; в которых беременность рассматривалась просто как физиологический факт, как что-то, что следует сокрыть, либо же как естественная тривиальность; явление беременности понималось также через визуальный признак «расширения» женщины [там же: 9]. Матери в древнеанглийской литературе описываются в послеродовой период, либо как матери уже взрослых детей; они идентифицируются по отношению к своим сыновьям или мужьям, а во многих случаях вообще не идентифицируются вовсе. Вместе с тем Рождение Христа и материнство Девы Марии становилось центральными для христианской веры, доктрины и религиозной практики. Изображения зачатия и рождения Христа украшали бесчисленные молитвенники и псалтыри как вспомогательные средства для медитации и молитвы [Jones, Olsan 2015: 406-407].

Предчувствие, дискомфорт и страх, которые свойственны теме смерти, были широко распространены с незапамятных времен в различных культурах. Из-за суеверий или из уважения к ушедшим многие культуры воздерживаются от прямого названия смерти, с целью смягчить негативное воздействие сообщаемого. Отмечается, смерть представляет собой табу, основанное на страхе. Данное табу совмещает в себя сразу несколько страхов, а именно: страх потери близких, страх разложения тела, страх перед злом и страх перед тем, что будет после смерти [Allan, Burridge 1991: 20]. С точки зрения стилистики языка, табу смерти (и связанные с ней эвфемизмы) рассматривается как ряд концептуальных метафор: Смерть – Человек, Смерть – Потеря, Смерть – Отпуск, Смерть – Пункт назначения, Смерть – Тишина, Смерть – Зима, Смерть – Ночь, Смерть – Освобождение и т. д. В продолжение к особенностям развития английского языка, в древнеанглийской культуре эти концептуальные метафоры выражались в форме тематических микромотивов, многие из которых присущи языку по сей день: "Смерть как путь", "Смерть как разделение души и тела", "Смерть как отдых", "Смерть как последняя точка",

"Смерть как манифестация судьбы" , "Смерть как форма жизни"[Лунина 2025: 34].

Табуированность темы умирания и смерти обуславливается не только такими очевидными мотивами, как первобытная боязнь разлагающегося тела, но и рядом экзистенциальных причин: изучение смерти открывает для исследователей бесчисленное количество онтологических и философских вопросов. В статье *The Definition of Death* автор поднимает вопрос о том, возможно же вообще считать такие понятия, как жизнь и смерть исчерпывающими онтологическими категориями [DeGrazia 2007: 1]. Наряду с этим, поднимаются и другие вопросы: как человеческая смерть связана со смертью других существ? Является ли смерть лишь феноменом в границах биологии? Как наши смерти влияют на нашу сущность и идентификацию как людей? Автором приводятся три современных подхода к определению человеческой смерти на основании особенностей функционирования его организма (*The Whole-brain approach*, *The High-brain approach*, *The updated Cardiopulmonary approach*). В результате автор приходит к выводу, что определение смерти (философское или медицинское) – цель практически недостижимая на сегодняшнее состояние исследований, что «не может быть приемлемого стандарта...смерти невозможно дать определение, подобно тому, как невозможно дать определение зрелости» [там же: 2].

Обращаясь к бинарной оппозиции жизни и смерти (а в нашем случае – "рождения" и "смерти"), необходимо обозначить философо-концептуальные особенности понимания нами явления смерти. И рождение, и смерть роднит тот факт, что носитель культуры не в состоянии осознать ни первое, ни второе; это "события и условия, формирующие идентичность" [Wilde 2021: 1]. Тот, кто рождён на свет – это не тот же субъект, что способен немедленно осознать себя и своё существо. Схожий вектор философского понимания мы наблюдаем и по отношению к смерти: "если человек не в силах "пережить", испытать опыт смерти (с последующей рефлексией), то "как мы можем сформировать связный нарратив" дан-

ного феномена [там же: 3]?

Проведённый анализ позволяет утверждать, что концепты «рождение» и «смерть» находятся в сложных отношениях взаимной референции, не сводящихся к простой антонимии. При семантической несовместимости «жизни» и «смерти» концепт «рождения» обнаруживает глубокую онтологическую и культурную связь со смертью, что находит отражение в ритуальных практиках и языковых номинациях. Выявлено, что, несмотря на сопоставимый со смертью эвфемистический потенциал,

тема рождения остаётся значительно менее изученной в гуманитарном дискурсе, что обусловлено культурным подавлением женского опыта, восприятием родов как «естественного» события, а не «героического» деяния, а также исторической маргинализацией родильной культуры как предмета исследования. Полученные результаты подтверждают необходимость комплексного лингвокультурологического подхода к изучению универсальных концептов, учитывающего их ритуальную, символическую и философскую глубину.

Литература:

1. Долгова, Е. В. Английские фразеологические эвфемизмы о пожилом возрасте как средства эффективной коммуникации / Е. В. Долгова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 9-2. – С. 99-103.
2. Кислов, А. Г. Архаическое в отношении к деторождению / А. Г. Кислов // Научный диалог. – 2015. – № 4 (40). – С. 20-33. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhaicheskoe-v-otnoshenii-k-detorozhdeniyu> (дата обращения: 14.03.2026).
3. Лунина, С. А. Эвфемизация концептуализированной области смерть в древнеанглийском языке / С. А. Лунина // СибСкрипт. – 2025. – Т. 27, № 1. – С. 34-48. – DOI: 10.21603/sibscript-2025-27-1-34-48.
4. Орлова, О. С. Кодирование денотата в эвфемизмах и загадках на тему беременности и рождения / О. С. Орлова // Иностранные языки в высшей школе. – 2021. – № 2 (57). – С. 57-67.
5. Прохорова, А. В. Биполярность концепта "Жизнь/Смерть" в дискурсивном пространстве ранних рассказов Л. Андреева / А. В. Прохорова // Русистика. – 2018. – № 2. – С. 225-242. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bipolyarnost-kontsepta-zhizn-smert-v-diskursivnom-prostranstve-rannih-rasskazov-l-andreeva> (дата обращения: 14.03.2026).
6. Пушкарева, Н. Л. Родовспоможение и культура деторождения в новейшей зарубежной историографии (1975-2015) / Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицюк // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 4. – С. 147-163.
7. Цыдендамбаева, О. С. Концептосфера "рождение человека" в языковой картине мира (на материале бурятского, русского, английского и немецкого языков) / О. С. Цыдендамбаева // Восток-Запад: взаимодействие языков и культур: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2015. – С. 110-113.
8. Яимова, Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке / Н. А. Яимова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, 1990. – 167 с.
9. Allan, K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon / K. Allan, K. Burrige. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 406 p.
10. Dahan, O. The riddle of the extreme ends of the birth experience: Birthing consciousness and its fragility / O. Dahan // Current Psychology. – 2021. – Vol. 42. – P. 1-14. – DOI: 10.1007/s12144-021-01439-7.
11. DeGrazia, D. The Definition of Death / D. DeGrazia // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 2021. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/death-definition> (дата обращения: 14.05.2024).
12. Held, V. Birth and Death / V. Held // Ethics. – 1989. – Vol. 99, No. 2. – P. 362-388.
13. Huff, C. Delivery: The cultural re-presentation of childbirth / C. Huff // Prose Studies. –

1991. – Vol. 14, No. 2. – P. 108-121. – DOI: 10.1080/01440359108586435.

14. Jones, P. Performative Rituals for Conception and Childbirth in England, 900–1500 / P. Jones, L. Olsan // *Bulletin of the History of Medicine*. – 2015. – No. 89. – P. 406-433.

15. Kärkla, Z. Bursting Volcano, Rushing River and Heartbeat Monitors: Inscribing Subjective Experiences of Childbirth in Contemporary Fiction / Z. Kärkla // *Subjectivity*. – 2023. – No. 31. – P. 180-194.

16. Larkin, P. Women's experiences of labour and birth: An evolutionary concept analysis / P. Larkin, C. Begley, D. Devane // *Midwifery*. – 2007. – Vol. 25, No. 2. – P. e49-e59. – DOI: 10.1016/j.midw.2007.07.010.

17. Nisha, Z. Technicization of "Birth" and "Mothering": Bioethical Debates from Feminist Perspectives / Z. Nisha // *Asian Bioethics Review*. – 2021. – Vol. 13, No. 2. – P. 133-148. – DOI: 10.1007/s41649-021-00169-z.

18. Wilde, N. Personal identity: birth, death and the conditions of selfhood / N. Wilde // *Continental Philosophy Review*. – 2022. – Vol. 55. – P. 1-18. – DOI: 10.1007/s11007-021-09546-9.

19. Why Do the Arts Put Death Before Birth? // *IAI.tv*. – URL: <https://iai.tv/articles/why-do-the-arts-put-death-before-birth-auid-867> (дата обращения: 14.03.2026).

Якупова Лилия Сагитьяновна
Ассистент, Югорский государственный университет,
Ханты-Мансийск, Россия

ЯЗЫК КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена анализу проблемы расхождения между запросом на присутствие региональных языков в публичной среде и их фактической видимостью в городской навигации, коммерческих надписях, цифровой коммуникации и образовательных практиках. Материалом послужили результаты современных исследований языкового ландшафта российских городов, опросов и интервью в национальных республиках, а также данные о реализуемых программах поддержки межпоколенческой передачи языков. Были рассмотрены механизмы, через которые язык задаёт границы «своего» пространства: выбор языка и письменности на вывесках, устойчивость языковых практик в интернете, институциональное закрепление двуязычия в знаках и обучение через форматы погружения и наставничества. Предложены направления решений, ориентированные на измеряемые показатели видимости и регулярности использования языка в повседневных контекстах.

Ключевые слова: язык, фактор, конструирование, региональное пространство, идентичность, диалект, культура, коммуникация, пространство, социальные практики.

Yakupova L.S.

LANGUAGE AS A FACTOR IN THE CONSTRUCTION OF REGIONAL SPACE

The article analyzes the discrepancy between the demand for the presence of regional languages in the public environment and their actual visibility in urban navigation, commercial signage, digital communication and educational practices. The material is based on the results of modern studies of the linguistic landscape of Russian cities, surveys and interviews in national republics, as well as data on ongoing programs to support intergenerational language transmission. The mechanisms through which language defines the boundaries of its "own" space are con-

sidered.: the choice of language and writing on signage, the sustainability of language practices on the Internet, the institutional consolidation of bilingualism in signs, and learning through immersion and mentoring formats. The directions of solutions focused on measurable indicators of visibility and regularity of language use in everyday contexts are proposed.

Keywords: *language, factor, construction, regional space, identity, dialect, culture, communication, space, social practices.*

По материалам итогов ВПН-2020 (публикация 2023 г.) численность населения РФ составила 147,18 млн человек; национальную принадлежность указали 130,59 млн, доля русских среди указавших – 80,85% [7, с. 5]. Такой масштаб фиксирует ситуацию, где региональные идентичности и языковые различия существуют внутри доминирующей общегосударственной рамки и конкурируют за «видимость» в повседневной коммуникации.

В Карелии переписные данные, приведённые в исследовании городского двуязычия, показывают 25 901 человека карельской национальности; карельским языком владеют 9 563, родным признают 6 829 [2, с. 29]. За период с 2002 г. отрицательная динамика составила 60,5% по численности карелов и 68,4% по числу владеющих языком. При таких показателях символические формы присутствия языка (вывески, таблички, топонимия) становятся не «украшением», а инструментом удержания регионального смысла в публичном пространстве.

Сравнимый срез даёт Якутск: в массиве 388 знаков неофициальные составили 81%, официальные – 19%. Двуязычие преобладало над одноязычием (в сумме 48,7%), но русский язык присутствовал в 99,5% визуальных текстов, а якутский – в 26,7% [1, с. 99–100]. Региональный язык оказывается статистически заметным, но структурно вторичным по отношению к русскому как обязательному коду городского «по умолчанию».

Санкт-Петербург показывает другой тип «конструирования пространства» – через туристическую и коммерческую семиотику: база включала 849 объектов (сплошной обход адресного диапазона Невского проспекта 1–190 и прилегающих улиц). Ки-

риллица встречалась в 84% случаев, латиница – в 48%, другие письменности – в 4%; при этом 16% предприятий не имели русских надписей [11, с. 802–803]. Здесь языковой выбор маркирует не этничность региона, а экономическую и символическую ориентацию пространства.

Социолингвистические данные из республик показывают конфликт ожиданий и практик. В исследовании Кызыла и Улан-Удэ зафиксировано «противоречие между желанием видеть тувинский и бурятский языки в языковом ландшафте и отсутствии действий» со стороны большинства владельцев коммерческих заведений [3, с. 188]. В Уфимской периферии частные объявления и рекламные баннеры описаны как русскоязычные, а русский – как «универсальный» инструмент коммуникации [8, с. 1648]. Один регион демонстрирует запрос «снизу», другой – норму отказа от регионального языка в низовой рекламе.

Из этого вырастает прикладная проблема: региональные языки чаще удерживаются в формате дублирования «обязательных» табличек, а не в зонах высокой частотности (реклама, сервисные сообщения, цифровая коммуникация). Направления решений фиксируются в практиках, которые уже реализованы или формализованы в программах: семинары и методическая поддержка «языковых гнёзд», проекты «мастер–ученик» с регулярными учебными встречами, а также городские регламенты и методические рекомендации по двуязычной топонимии и навигации.

Цель статьи – проанализировать и сопоставить количественные и процедурные параметры этих практик с данными языкового ландшафта и показать, какие механизмы реально «переводят» язык в региональное пространство, а какие оставля-

ют его символом без поведенческой поддержки.

Основная часть. Языковой ландшафт измеряется не декларациями, а корпусами: сколько объектов отобрано, какие типы знаков исключены, как фиксировалась улица или квартал. В исследовании Якутска применялась сплошная фиксация цен-

тральных улиц, а знаки делились на официальные и неофициальные. В Санкт-Петербурге единицей учёта становилось предприятие как отдельный объект, независимо от числа вывесок на фасаде [11, с. 803]. Такие процедурные решения напрямую влияют на вывод о том, какой язык «строит» пространство.

Таблица 1

Параметры языкового ландшафта в разных городах (2021–2024)

Город / зона	Корпус и метод	Ключевые количественные результаты	Интерпретация «видимости»
Якутск (просп. Ленина, ул. Дзержинского)	388 знаков; сплошная фиксация; деление на официальные/ неофициальные	Неофициальные 81%, официальные 19%; двуязычие суммарно 48,7%; русский 99,5% знаков; якутский 26,7%	Региональный язык присутствует, но чаще как добавочный код при русском доминировании
Санкт-Петербург (центр)	849 предприятий; сплошной обход Невского 1–190 и прилегающих улиц	Кириллица 84%, латиница 48%, др. письменности 4%; у 16% предприятий нет русских надписей	Пространство «котируется» под туриста/рынок через латиницу и языковую игру
Уфа (периферийные поселения)	Полевой сбор образцов (количество не указано в статье)	Частные объявления и реклама – русскоязычные; русский описан как универсальный канал для всех	Региональный язык вытесняется из самой частотной и прагматичной зоны – рекламы

Источник: Составлено автором

Сопоставление показывает разную «архитектуру» регионального пространства. В Якутске полиязычие фиксируется как статистическая норма (54% против 46% одноязычия), но при этом якутский охватывает примерно четверть знаков, тогда как русский почти тотален. В Уфимской периферии региональный язык в рекламной и частной коммуникации описан как отсутствующий, что переводит региональность в режим «официального» символа и лишает её бытовой повторяемости [8, с. 1648]. Петербургская картина противоположна по типу мотивации: латиница занимает почти половину внешнего оформления, а отказ от русского встречается у 16% предприятий [11, с. 802–803]. Это не рост местного языка, а смена адресата и экономического сценария пространства.

Социологические опросы и интервью добавляют слой «потребности». В Петрозаводске блиц-опрос включал 60 информантов; возрастная структура распределена по группам (например, 34% – 18–29 лет). В том же исследовании приведены переписные оценки по языку и численности карельского этноса, включая динамику снижения владеющих карельским на 68,4% с 2002 года. Это связывает языковую видимость с демографическим давлением: даже небольшие элементы двуязычия начинают выполнять роль «маркера идентичности» на фоне сокращения сообщества [13, с. 95].

Интервью в Кызыле и Улан-Удэ дают ещё одну числовую опору – дизайн выборки. Всего записано 30 интервью (2021 и 2023 гг.). В Кызыле участвовали 10 информантов (6 женщин и 4 мужчины; 8 тувинцев

и 2 русских; средний возраст 35 лет). В Улан-Удэ – 20 человек; возрастные группы распределены как 10% старше 60, 70% – 30–60, 20% – младше 30; 90% имели высшее образование [4, с. 25]. Эти параметры важны не сами по себе: на их фоне авторы фиксируют противоречие между ожиданием «видеть» тувинский/бурятский на улицах и низкой готовностью коммерческих акторов менять практику нейминга. Проблема здесь не в отсутствии законов, а в несовпадении мотиваций и «экономики вывески» [14].

Цифровое пространство частично компенсирует офлайн-дефицит, но тоже измеряется в процентах. В опросе носителей карельского языка (конец 2021 г.) получено 161 ответ; 40% респондентов используют карельский онлайн ежедневно. По отдельной шкале «поиск контента на карельском» распределение следующее: 40% – каждый день, 27% – 3–4 дня в неделю, 19% – 1–2 дня в неделю, 14% – редко [12, с. 285]. Цифровая видимость создаёт

«региональность на расстоянии», но остаётся зависимой от объёма контента и площадок.

Образовательные практики дают редкий случай, когда языковая политика превращается в расписание, длительность и число занятий [5, с. 158]. В отчёте о реализации федеральной программы по сохранению языков описан семинар «Языковое гнездо. Создаем и работаем», проведённый 15 апреля 2022 г. совместно с «Домом карельского языка» [6, с. 13]. Следом указан выезд 16–18 апреля 2022 г. для ознакомления с работой языкового гнезда и проведения интервью с сотрудниками, родителями и школьным учителем. В другом блоке отчёта метод «Мастер–Ученик» развернут в проектную логику: основная стадия длилась 3 месяца у каждой пары; регулярность – 2 раза в неделю; всего проведено 24 учебные встречи. Здесь региональное пространство конструируется не вывеской, а повторяемостью языкового действия, заданной календарём.

Таблица 2
Образовательные и организационные практики «языковой видимости» (2022–2024)

Практика	Локация / институт	Количественные параметры	Наблюдаемый результат (описание в источнике)
Семинар по модели «языкового гнезда»	Республика Карелия; партнёрство с «Домом карельского языка»	Дата: 15.04.2022; выезд 16–18.04.2022	Семинар + визит в языковое гнездо; интервью с сотрудниками и родителями
Проект «Мастер–Ученик»	Институт языкознания РАН + партнёрская организация	Длительность 3 месяца; 2 встречи в неделю; всего 24 встречи	Регулярная языковая практика, дневники после каждой встречи; финальное тестирование
Опрос отношения к двуязычной навигации	Петрозаводск	60 информантов; возрастные доли (напр., 34% – 18–29 лет)	Эмпирическая оценка населением городских двуязычных указателей

Источник: Составлено автором

В источниках встречаются не только различия, но и прямые «внутренние» противоречия. Кызыл и Улан-Удэ описаны как случаи, где спрос на региональные языки в городском визуальном облике артикулиро-

ван, а действие со стороны большинства владельцев заведений отсутствует. Этот разрыв объясним через наблюдаемую логику нейминга: коммерческие акторы ориентируются на прагматику и коммодифи-

кацию, а горожане – на символические мотивы [9, с. 1330]. На уровне конструирования пространства это означает: один и тот же язык может быть желаемым маркером региона и одновременно «нерентабельным» инструментом для вывески [15].

Данных по некоторым компонентам регионального пространства недостаточно. В исследовании уфимской периферии количественный объём корпуса знаков не указан, поэтому прямое сравнение частот по языкам на уровне «N вывесок» невозможно [10, с. 635]. Для части российских городов (включая крупные агломерации) сохраняется дефицит открытых сопостави-

мых корпусов с опубликованными параметрами выборки, что ограничивает метаанализ и требует стандартизации публикационных практик (обязательное указание N, маршрута, критериев включения/исключения).

Из полученных данных становится понятно, что «видимость» регионального языка не обеспечивается автоматически ни статусом, ни декларациями. Поэтому далее перечислены решения, которые задают измеримые критерии: долю двуязычных объектов, регулярность практики и воспроизводимые параметры внедрения (таблица 3).

Таблица 3
Комплекс мер по повышению представленности региональных языков в пространстве (с показателями контроля)

№	Решение	Где	Действие	Показатели контроля (KPI)
1	Стандарт двуязычной навигации	Официальные объекты	Обязать двуязычие на табличках/указателях	KPI1: доля официальных объектов с региональным языком = N (объектов с полным дуближом) / N (всех официальных объектов маршрута). KPI2: покрытие типов носителей = сколько типов (учреждения/остановки/указатели) реально выполнены / сколько закреплено в стандарте. Периодичность: 1 раз/год, одинаковый маршрут и критерии.
2	Равные права оформления	Официальные носители	Равный кегль/контраст, полный перевод, порядок языков	KPI1: доля «полных переводов» = N(без сокращений/потерь смысла) / N(двуязычных табличек). KPI2: доля равного визуального веса = N (рег. язык не меньше по кеглю/контрасту) / N(двуязычных). KPI3: доля первичной позиции = N (рег. язык первым) / N(двуязычных). Периодичность: раз в полугодие для новых установок + годовой аудит.

3	Серии вместо точек	Маршруты/улицы	Делать связанные двуязычные «коридоры»	<p>KPI1: связность серии = N (объектов подряд на маршруте с рег. языком) / N (всех объектов на маршруте).</p> <p>KPI2: «дыры» серии = кол-во разрывов (участков без рег. языка) на 1 км/на улицу.</p> <p>KPI3: охват: сколько улиц/маршрутов закрыто сериями за год.</p>
4	Поддержка бизнеса	Коммерческий сегмент	Микрогранты на двуязычные вывески по стандарту	<p>KPI1: uptake программы = N (получивших поддержку) / N (поданных заявок). KPI2: прирост доли коммерческих знаков с рег. языком = (% после – % до) на одном и том же маршруте.</p> <p>KPI3: качество исполнения = доля вывесок, прошедших экспертизу без замечаний / N(поддержанных). Периодичность: квартальная отчётность + годовой аудит «до/после».</p>
5	Ежегодный аудит по одной методике	Город/район	Один маршрут + критерии + отчёт каждый год	<p>KPI1: объём корпуса = N (знаков/объектов) по фиксированному маршруту.</p> <p>KPI2: доли языков/письменностей (%).</p> <p>KPI3: динамика = Δ долей по годам (например, +х п.п.).</p> <p>KPI4: воспроизводимость = совпадение маршрута/критериев (да/нет) и доля объектов, доступных для повторной фиксации (%).</p>
6	Стандарт публикации данных	Исследования/отчёты	Всегда указывать N , маршрут, критерии, частотные таблицы	<p>KPI1: полнота паспорта исследования = наличие N, карты маршрута, периода, критериев включения/исключения, кодировки типов знаков (0/1 по чек-листу).</p> <p>KPI2: наличие частотных таблиц (да/нет) + доля показателей, опубликованных в числах (%).</p> <p>KPI3: доля отчётов, где доступны первичные данные/приложения (если допускается) (%).</p>

7	Проекты «школа-город»	Школы/СПО	Фото-мониторинг, карта ошибок, предложения	<p>KPI1: N собранных знаков/фото (за проект, за школу). KPI2: доля классифицированных объектов = N (с заполненной карточкой: язык/тип/ошибка) / N(собранных).</p> <p>KPI3: результативность = N (переданных в муниципалитет предложений) и N (реально исправленных/заменённых табличек). Периодичность: 1-2 проекта в учебный год.</p>
8	«Мастер-Ученик» в тираж	Сообщества носителей	Пары + расписание + дневники	<p>KPI1: N пар, стартовавших в период.</p> <p>KPI2: завершение цикла = N (закрыли 24 встречи) / N(стартовали). KPI3: фактическая интенсивность = среднее число встреч/пару за месяц.</p> <p>KPI4: соблюдение дневников = N (встреч с заполненным дневником) / N(проведённых).</p>
9	«Языковые гнёзда» как режим	Дошкольные/центры	Регулярное погружение, не разовые кружки	<p>KPI1: N групп и N детей.</p> <p>KPI2: часы контакта на рег. языке в неделю (среднее на ребёнка).</p> <p>KPI3: удержание = N (остались в программе до конца периода) / N(вошли). KPI4: кадровый ресурс = число педагогов/носителей на группу и стабильность (текучесть за год).</p>
10	Цифровые KPI	Онлайн-среда	Поддержка контента + повторные опросы	<p>KPI1: доля ежедневных пользователей (%), по одной анкете раз в год.</p> <p>KPI2: частота производства контента = N постов/видео/сообщений на рег. языке в выбранных каналах (по счётчику/выборке недель).</p> <p>KPI3: охват = среднее число просмотров/реакций на контент (медиана). KPI4: распределение по платформам (% пользователей по платформам).</p>

11	Рег. язык в е-услугах	Админсервисы	Полные версии ключевых услуг	КРІ1: N ключевых сервисов с полной версией (не баннер/не фрагмент). КРІ2: полнота перевода по экранам = N переведённых экранов / N всех экранов услуги. КРІ3: использование = % сессий/переходов на рег. версию. КРІ4: качество = число жалоб/ошибок перевода на 1000 сессий.
12	Контроль качества	Все носители	Справочник топонимов + вычитка макетов	КРІ1: доля объектов с ошибками = N(ошибочных) / N(проверенных). КРІ2: скорость исправления = медиана дней от фиксации до замены. КРІ3: охват справочника = N утверждённых форм (топонимы/наименования учреждений). КРІ4: повторяемость ошибок = % объектов, где ошибка возвращается в следующем цикле.

Эти меры задают для поддержки языка рабочий формат: вместо общих формулировок появляются проверяемые параметры – доли, объём собранного материала, регулярность практик и сопоставимость результатов по годам. Логика внедрения привязана к устройству языкового ландшафта: сначала приводятся в порядок официальные носители и качество исполнения, затем встраиваются коммерческие практики и образовательные форматы, а полученные изменения сверяются повторными аудитами и цифровыми показателями. Такой порядок действий позволяет перейти от описания инструментов к итоговой оценке их влияния на языковую видимость и повседневное употребление в регионе.

Заключение. Региональные языки в описанных кейсах остаются вторичными.

Их присутствие в городе чаще сводится к официальному дублированию и символике, тогда как коммерческие вывески и сервисные сообщения преимущественно обходятся без регионального кода. Опросы и интервью фиксируют запрос на языковую видимость, но бизнес редко меняет практики нейминга; онлайн-среда частично компенсирует этот разрыв, пока есть регулярный контент. Решение в тексте оформлено как набор измеряемых процедур: стандарты двуязычной навигации, вычитка и контроль качества оформления, регулярные аудиты по одной методике и образовательные форматы погружения. В такой связке язык перестаёт быть лишь маркером принадлежности и закрепляется как привычный инструмент повседневного общения.

Литература:

1. Манчурина Л. Е. Представленность языков в визуальных текстах г. Якутска // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2024. – № 2 (47). – С. 95–110.
2. Нагурная С. В. Двуязычие в городском языковом ландшафте (на примере г. Петроза-

водска) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – № 3 (45). – С. 21–29.

3. Хилханова Э. В. Городское многоязычие в российских регионах: языковые ландшафты и отношение к языкам (на примере Кызыла и Улан-Удэ) / Э. В. Хилханова, Ч. С. Цыбенова, В. В. Иванов // Новые исследования Тувы. – 2024. – № 4. – С. 188–203.

4. Хилханова Э. В. Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики / Э. В. Хилханова, Ч. Г. Ондар, В. В. Иванов, К. С. Акоюн // Новые исследования Тувы. – 2024. – № 1. – С. 18–38.

5. Языковое многообразие России и возможности его сохранения: сборник-препринт / ред. Е. Ю. Груздева А. А. Сюрюн; Институт языкознания РАН. – Москва, 2023. – 207 с.

6. Федеральная программа по сохранению и развитию языков народов России: отчет по проекту «Языки России: поддержка и развитие» (этап 2) / Институт языкознания РАН. – Москва, 2022. – 45 с.

7. Федеральная служба государственной статистики. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года: Национальная принадлежность и владение языками. – 2023. – 11 с.

8. Saduov, R. T. Multilingualism and Identity in the Visual Space: Linguistic Landscape in the Urban Periphery / R. T. Saduov, I. V. Varukha, E. R. Ganeeva, E. I. Timerbaeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2022. – Vol. 15, № 11. – P. 1637–1654.

9. Povalko, P. Y. Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings / P. Y. Povalko, E. S. Smolii, O. N. Kolysheva // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2023. – Vol. 14, № 4. – P. 1321–1336.

10. Zoumpalidis, D. Multilingualism and language commodification in the public signage of Moscow / D. Zoumpalidis, H. B. Şimşek // Russian Journal of Linguistics. – 2025. – Vol. 29, № 3. – P. 631–658.

11. Bylieva, D. Meanings and scripts in the linguistic landscape of Saint Petersburg / D. Bylieva, V. Lobatyuk // Open Linguistics. – 2021. – Vol. 7, № 1. – P. 802–815.

12. Moshnikov, I. The use of the Karelian language online: Current trends and challenges // ESUKA – JEFUL. – 2022. – Vol. 13, № 2. – P. 275–305.

13. Brinkmann, L. M. Promoting Plurilingualism Through Linguistic Landscapes: A Multi-Method and Multisite Study in Germany and the Netherlands / L. M. Brinkmann, J. Duarte, S. Melo-Pfeifer // TESL Canada Journal. – 2022. – Vol. 38, № 2. – P. 88–112.

14. Nambu, S. Linguistic landscape of immigrants in Japan surrounding social issues and ideologies: a study on prohibition signs and schoolscape // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2024. – Online first.

15. Jiang, Y. AI based signage classification for linguistic landscape studies / Y. Jiang, S. Jiang, J. Algrim [и др.] // arXiv. – 2025.

ФИЛОСОФИЯ

Абдулова Людмила Михайловна

Кандидат философских наук,

доцент кафедры медицинского права, социологии и философии,

Института подготовки кадров высшей квалификации и профессионального образования,

ФГБУ «НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева» Минздрава России,

Москва

ЗДОРОВЬЕ И САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Данная статья посвящена междисциплинарному анализу концепции здоровья в контексте современных социокультурных и антропологических изменений, уделяя особое внимание философии здоровья как синтезу биологических, духовных, социальных и культурных аспектов человеческого бытия. Рассматривается, как индивидуальные процессы развития личности неразрывно связаны с социальными реалиями (экологический кризис, урбанизация, цифровизация). Подчеркивается, что долголетие и благополучие зависят от принятия здорового образа жизни – как стратегии адаптации к внешним стрессовым факторам. В основной части анализируется проблема медиализации культуры и формирование массового пациентского сознания, а также необходимость саморазвития как духовно-практического самопреобразования для достижения полноты жизни. Особое внимание уделяется психологическому самообеспечению безопасности в постоянно изменяющейся социальной системе. На основе данных ВЦИОМ обсуждается низкий, но растущий спрос на профессиональную психологическую помощь. Делается вывод о необходимости государственного и общественного продвижения культуры ментального здоровья для минимизации

деструктивных сценариев проживания стресса. В заключении формулируется философское видение здорового образа жизни как гармонии с собой, оптимизма и устойчивой системы ценностей, достигаемых без ущерба для физического и душевного комфорта.

Ключевые слова: Философия здоровья, здоровый образ жизни, философская антропология, психологическое самообеспечение безопасности, саморазвитие личности, медицина культуры, ментальное здоровье, социальный кризис, психологическая помощь.

Abdulova L.M.

HEALTH AND SELF-IMPROVEMENT: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF MODERN MAN

This article is devoted to an interdisciplinary analysis of the concept of health in the context of modern sociocultural and anthropological changes, with a special focus on the philosophy of health as a synthesis of biological, spiritual, social, and cultural aspects of human existence. It examines how individual processes of personal development are inextricably linked to social realities (environmental crisis, urbanization, and digitalization). The article emphasizes that longevity and well-being depend on adopting a healthy lifestyle as a strategy for adapting to external stressors. The main part analyzes the problem of the medicalization of culture and the formation of a mass patient consciousness, as well as the need for self-development as a spiritual and practical self-transformation in order to achieve a full life. Special attention is paid to psychological self-security in a constantly changing social system. Based on the data from the Russian Public Opinion Research Center, the article discusses the low but growing demand for professional psychological assistance. It concludes that there is a need for government and public promotion of mental health culture to minimize the destructive effects of stress. Finally, the article presents a philosophical view of a healthy lifestyle as a state of self-acceptance, optimism, and a stable value system that can be achieved without compromising physical or mental well-being.

Keywords: Health philosophy, healthy lifestyle, philosophical anthropology, psychological self-sufficiency, personal self-development, medicalization of culture, mental health, social crisis, psychological assistance.

Изменение и совершенствование сферы деятельности человека, влечет за собой становление новых ориентиров и отношений функционирования личности.

Спектр наук, изучающих человека

(от гуманитарных до медицинских), сходится во мнении: жизненный потенциал, векторы развития личности и паттерны ее существования глубоко индивидуальны. Эти науки тесно переплетаются, формируя

смежные области исследований, например, в рамках философии здоровья, которая берет свое начало из философской антропологии. Философия здоровья исследует феномен человека во всей его многогранности: от его природно-биологической основы (через призму философии природы) до его глубинного смысла, деятельности, потребностей и социального контекста (через призму социальной философии). Таким образом, данная область выступает как интегративная площадка для биологического, экзистенциального, социального и культурного измерений жизни.

Социально-философский подход к изучению здоровья является обоснованным, поскольку физическое состояние индивида находится в прямой зависимости от его среды обитания: качества жизни, доступности медицинской помощи, экологической обстановки и экономического благосостояния.

Стремление к долголетию – естественная человеческая потребность. Безусловно, следование принципам здорового образа жизни обеспечивает общее благополучие (физическое, эмоциональное, социальное), минимизирует риски заболеваемости и, соответственно, продлевает жизнь. Внешние потрясения – будь то пандемии или геополитическая напряженность – запускают в организме примитивные механизмы выживания. При этом реакция различается: одни люди способны в травмирующей ситуации сохранять видимое хладнокровие и заниматься повседневными делами и заботами, в то время как другие замыкаются в себе и угасают. Право распоряжаться своим здоровьем остается за самим человеком.

Ухудшение здоровья в современном обществе достигает критической точки, что напрямую связано с экологическим и общественным кризисом, усугубляемым стрессом от социальной неопределенности и военных конфликтов.

Современный этап развития философии здоровья требует комплексного пересмотра жизненных стратегий индивида в условиях глобальных вызовов. Можно выделить несколько ключевых векторов этих изменений:

- урбанизация и техногенная нагрузка: перенаселение и истощение ресурсов заставляют переосмысливать устоявшиеся представления о благополучии;

- биотехнологический прорыв: достижения в генетике, биоинженерии и нейронауках (персонализированная терапия, геномная инженерия) ставят перед обществом новые этические вопросы о границах человеческого потенциала;

- культурно-религиозный синтез: наблюдается возврат к традиционным практикам (йога, медитация, народная медицина), которые адаптируются под современные нужды;

- власть масс-медиа и образы успеха: медийные стандарты «идеального» тела провоцируют кризисы самоидентификации;

- цифровая среда: технологии предоставляют беспрецедентный доступ к информации о здоровье, но одновременно создают угрозу зависимости и информационной перегруженности;

- антропологическая переоценка: сама трактовка понятия «здоровый человек» смещается от чисто биомедицинской модели (отсутствие патологии) к холистической (гармония физического, психического, социального и духовного состояний).

Исходя из этого, философия здоровья сегодня – это подвижная сфера, интегрирующая экологические принципы, технологические прорывы, исторический опыт и этическую рефлексию. Ее задача – не просто предотвращение болезней, а выработка жизнестойких моделей поведения, позволяющих человеку гармонично существовать в процессе глобальных изменений.

Философия здоровья рассматривает этот феномен в дуальности: индивидуальный уровень и общественный уровень, изучая их взаимное влияние, которое пронизывает все сферы общественной жизни и личной деятельности.

Зрелое мировоззрение определяет потребность человека в хорошем здоровье, реализующееся в заботе о нем и укреплении, в поддержании высокого уровня жизнеспособности, что выражается в активном уходе за собой. Индивидуально необходимо научиться ориентироваться в хаотичном

информационном потоке, выработать адекватные реакции и найти свою личную «золотую середину» для предотвращения возникновения новых проблем.

В современной превентивной медицине доминирует идея предотвращения болезней как главного препятствия на пути к полноценной жизни. Однако этот принцип часто реализуется через инсталляцию страха перед недугами. Это, в свою очередь, ведет к «эффекту медикализации культуры» [4, С.52], в результате которой формируется унифицированное, неперсонализированное сознание пациента. В конечном счете, доминирующий «страх потерять здоровье отныне формирует идеологию медикализованного общества, в котором каждый индивид является пациентом» [4, С. 52]. Таким образом, в условиях тотального медицинского контроля, здоровье трактуется как идеальное состояние благополучия, а самоощущение себя как потенциального пациента определяет специфическую форму существования человека.

Общественные потрясения вынуждают организм мобилизовать свои познавательные и физические ресурсы, что стимулирует стремление к саморазвитию. Быть саморазвивающимся – значит быть хозяином своего развития: принимать ответственность за сделанный выбор, воплощать намеченные планы и достигать поставленных целей. Это требует одновременного пребывания в двух ипостасях: как того, кто действует, и как того, кто подвергается изменениям, будучи творцом и продуктом собственной деятельности. Следовательно, «саморазвиваться означает суметь превратить свои неизбежные изменения на жизненном пути в череду самим собой иницируемых, управляемых и осознанных качественных движений в самостоятельно определяемом направлении» [9]. При этом саморазвитие выходит за рамки формального обучения; его ядром является духовно-практическое самопреобразование, нацеленное на достижение внутренней целостности и реализацию своего социального предназначения [3].

Общество представляет собой постоянно реконструируемую структуру, чья стабильность зависит от эффективной вза-

имосвязи и гарантий безопасности. Психологическое самообеспечение безопасностью подразумевает, что человек достигает внутреннего ментального контроля над набором внутренних и внешних переменных. Этот контроль критически важен для поддержания динамического баланса с окружением и успешной реализации задач. Процесс обеспечения психологической безопасности подчиняется определенным законам и методам. Нарушение этой системы происходит при искажении субъективного восприятия реальности. Индивидуальные личностные черты, влияющие на чувство защищенности, всегда модулируются текущим психическим состоянием, которое либо способствует адекватной реакции на угрозу, либо, наоборот, служит препятствием [7]. Гарантия общественной безопасности достигается через калибровку уровня социального напряжения на всех уровнях (от локального до глобального) и выявление источников этого напряжения.

Данные ВЦИОМ свидетельствуют о высокой степени самостоятельности россиян в преодолении кризисов: 86% респондентов никогда не обращались к психологам или психотерапевтам. Однако интерес к профессиональной помощи медленно, но, верно, увеличивается: за 15 лет доля обратившихся выросла вдвое (с 6% в 2009 году до 13% в 2024 году). Среди тех, кто воспользовался помощью, 9% оценили опыт положительно, и лишь 4% – отрицательно. Таким образом, опыт взаимодействия со специалистами преимущественно позитивен. Согласно ВЦИОМ, основным источником поддержки для россиян остается семья (51%), второе место занимают друзья (22%). Обращение к соседям, коллегам или профессионалам остается низким (2–4%), при этом около трети (29%) предпочитают решать проблемы в одиночку [1]. Рост показателей в 2024 году (в 1,3 раза выше, чем в 2022) указывает сразу на несколько факторов: адаптацию социума к новым условиям, накопленный спрос на поддержку, а также на усиление роли медиа в популяризации темы ментального здоровья.

Анализ основных факторов психологического стресса среди населения России, проведенный НИУ ВШЭ (опрос от мая 2024

года, более 3000 респондентов), выявил, что повышенной уязвимостью к стрессу отличаются женщины, молодежь, люди с низким уровнем дохода и те, кто активно потребляет новостной контент. В острых ситуациях наблюдаются такие реакции, как обращение к специалистам, прием успокоительных средств, увеличение потребления алкоголя, а также импульсивные и компульсивные покупки [6].

Все это подчеркивает необходимость приоритетного внимания к состоянию ментального здоровья граждан со стороны социума. Очевидно, что на уровне государства и общественных структур необходимо активно продвигать конструктивные паттерны совладания со стрессом – от обращения к профильным специалистам до внедрения релаксационных практик и корпоративных программ поддержки. Развитие культуры ментального здоровья в перспек-

тиве позволит снизить распространенность деструктивных способов реагирования на напряжение, таких как употребление алкоголя или агрессия [4].

Философский взгляд на здоровый образ жизни подразумевает достижение целостности личности: нахождение в гармонии с собственным телом, сохранение оптимистичного взгляда на грядущее (личное и общественное) и следование неколебимой системе гуманистических ценностей с четким различием добра и зла. Этот подход позволяет человеку реализовывать свои устремления, не нанося вреда ни физическому, ни психическому, ни духовному благополучию. Ключевыми социальными рычагами для формирования приверженности здоровому образу жизни являются система образования, здравоохранение, культура, спорт и масс-медиа.

Литература:

1. «Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). В поисках психологической помощи. 2022 [Электронный ресурс]. URL: wciom.ru (дата обращения 07.01.2026).
2. Железнякова С.И. Философия здорового образа жизни: от моды к устойчивым общественным практикам // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016, том 5, № 5А, с. 133–141.
3. Иванова С.П. Вопросы саморазвития личности в свете философского осмысления. Вестник, 2009, том 6, № 2. С.73-79.
4. Камалиева И. Р. Феномен пациента в условиях медиализации жизни: философско-антропологические аспекты проблемы // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 47—54.
5. «Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Разговор о личном: когда пора обратиться к психологу. 2025 [Электронный ресурс]. URL: wciom.ru (дата обращения 13.03.2026).
6. Радаев В. В. Психологические стрессы в современной России: общий уровень, более уязвимые группы и способы совладания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. N 6. С. 52—74.
7. Субботина Л.Ю. Что понимать под состоянием безопасности личности // Ярославский психологический вестник. 2021. № 3 (51). С. 37-42.
8. Шипулина В.В., Брыкина В.А. Философия здоровья: историко-культурный и предметный анализ., Наука-2020: Физическая культура, спорт, туризм: проблемы и перспективы № 2(27), с. 39/131.
9. Щукина М.А. Саморазвитие личности: мода, выбор или необходимость? Психологическая газета. 2020 [Электронный ресурс]. URL: psy.su (дата обращения 07.01.2026).

Сметана Владимир Васильевич
Кандидат философских наук,
директор АНО НИИ «ЦИФРОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

ПОСТРОЕНИЕ ЛУЧШЕГО БУДУЩЕГО: ПУТИ ЗА ПРЕДЕЛЫ СИНГУЛЯРНОСТИ

Статья посвящена философскому анализу феномена технологической сингулярности и поиску стратегий формирования устойчивого пост-человеческого будущего. Актуальность работы обусловлена нарастающим разрывом между экспоненциальным технологическим развитием и линейной эволюцией социальных и этических институтов.

В статье рассматривается деконструкция бинарной оппозиции «утопия – дистопия», предлагается в качестве альтернативы концепция «Протопии» Кевина Келли. Также, рассматриваются прикладные этические фреймворки, включая «подход, основанный на возможностях» М. Нуссбаума, «техноморальные добродетели» Ш. Валлора и «принцип ответственности» Г. Йонаса. Анализируются модели глобального сотрудничества (от мультилатерализма до гражданских ассамблей) и концепция «кооперативного суверенитета» в цифровую эпоху. Исследуется переход от экономики дефицита к пост-дефицитным моделям («полностью автоматизированный роскошный коммунизм», циркулярная экономика и экономика знаний).

Ключевые слова: технологическая сингулярность, утопия, постгуманизм, техноэтика, экзистенциальная надежда, кооперативный суверенитет, цифровой суверенитет, технологический суверенитет, суверенный ИИ, пост-дефицитная экономика.

Smetana V.V.

BUILDING A BETTER FUTURE: PATHS BEYOND THE SINGULARITY

This article provides a philosophical analysis of the phenomenon of technological singularity and explores strategies for shaping a sustainable post-human future. The relevance of this work stems from the growing gap between exponential technological development and the linear evolution of social and ethical institutions.

The article deconstructs the binary opposition of "utopia" and "dystopia," proposing Kevin Kelly's concept of "Protopia" as an alternative. Applied ethical frameworks are also considered, including M. Nussbaum's "capabilities approach," C. Vallor's "technomoral virtues," and G. Jonas's "responsibility principle." Models of global cooperation (from multilateralism to citizen assemblies) and the concept of "cooperative sovereignty" in the digital age are analyzed. The transition from a scarcity economy to post-scarcity models (such as fully automated luxury communism, the circular economy, and the knowledge economy) is explored.

Keywords: *technological singularity, protopia, posthumanism, technoethics, existential hope, cooperative sovereignty, digital sovereignty, technological sovereignty, sovereign AI, post-scarcity economy.*

Определение позитивного и устойчивого будущего.

Концепция технологической сингулярности, долгое время остававшаяся уделом научной фантастики и спекулятивной футурологии, в первые десятилетия XXI века приобрела статус философской и социологической проблемы.

Так, традиционный дискурс о будущем часто оказывается в ловушке бинарной оппозиции: либо технологический рай (утопия), где все проблемы решены алгоритмами, либо кибернетический ад (дистопия), где человечество поработано или уничтожено своими созданиями. Эта дихотомия парализует волю. Утопия, этимологически означающая «место, которого нет», предполагает статичное состояние совершенства, недостижимое в реальности и часто опасное в своей попытке унифицировать человеческое счастье. Дистопия же порождает фатализм и отказ от ответственности.

Выход из этого тупика предлагает концепция «протопии», популяризированная футурологом Кевином Келли. Протопия – это не конечное состояние, а процесс. Это состояние становления, при котором «сегодня» немного лучше, чем «вчера», хотя бы на долю процента. В протопическом обществе проблемы не исчезают; напротив, каждое новое технологическое решение порождает новые, часто более сложные проблемы, но вместе с тем и новые инструменты для их решения. Как отмечает Келли, протопия – это накопление крошечных улучшений, которые, подобно сложным

процентам, со временем приводят к цивилизационному сдвигу [1].

Философский смысл протопии заключается в смещении фокуса с цели на метод. Это видение резонирует с метамодернистским пониманием прогресса, где важна не статичная идеальная картина, а «генеративные условия» – создание среды, способной породить множество локальных «эвтопий» (благоих мест) и связывать их в единую сеть. В контексте ИИ это означает отказ от поиска «единого идеального алгоритма» в пользу создания гибких, адаптивных систем, способных к самокоррекции и эволюции вместе с обществом.

В противовес популярным исследованиям экзистенциальных рисков, Тоби Орд и Оуэн Коттон-Барратт из Института будущего человечества ввели понятие «экзистенциальной надежды». Если экзистенциальный риск – это вероятность события, которое навсегда уничтожит человеческий потенциал (вымирание или коллапс без возможности восстановления), то экзистенциальная надежда связана с вероятностью «экзистенциальной эвкатастрофы» – события, которое радикально и необратимо увеличит ожидаемую ценность будущего [2].

Это понятие требует смены парадигмы мышления: от защиты статус-кво («как нам не погибнуть») к активному стремлению к реализации полного потенциала («каким может быть наше лучшее будущее?»). Так, Орд аргументирует, что защита долгосрочного будущего (лонгтермизма) является ключевым моральным им-

перативом нашего времени. Человечество находится на «обрыве», и технологии, включая ИИ, могут как столкнуть нас вниз, так и позволить построить мост к звездам [3].

Критики «сильного лонгтермизма», такие как Гребс и Макаскилл (в их дискуссиях с оппонентами), указывают на этические риски пренебрежения текущими страданиями ради гипотетического будущего. Существует опасность «фанатизма», когда ради микроскопического увеличения вероятности создания галактической цивилизации через миллион лет могут быть принесены в жертву интересы ныне живущих людей. Поэтому устойчивое будущее должно строиться на балансе интересов: забота о «дальнем будущем» не должна служить оправданием для игнорирования текущих кризисов неравенства и бедности [4].

С другой стороны, путь за пределы сингулярности неизбежно ставит вопрос о природе самого человека. Здесь сталкиваются две мощные философские традиции: трансгуманизм и постгуманизм. Хотя оба течения признают роль технологий в изменении человеческого состояния, их векторы различны.

Так, трансгуманизм (Рэй Курцвейл, Ник Бостром) глубоко укоренен в гуманизме эпохи Просвещения. Он стремится к «улучшению» человека: продлению жизни, усилению интеллекта, расширению сенсорных возможностей. Трансгуманизм, по сути, антропоцентричен; его цель – сделать человека «более чем человеком», сохранив при этом индивидуальность и субъектность как высшую ценность.

В тоже время, постгуманизм (Рози Брайдотти, Донна Харауэй, Кэтрин Хейлс), напротив, подвергает деконструкции саму идею «человека» как автономного, исключительного субъекта, отделенного от природы и машин. Критический постгуманизм указывает на то, что «человек» исторически был концептом, исключаящим женщин, расовые меньшинства и другие виды. В контексте сингулярности постгуманизм предлагает модель «распределенной субъектности», где интеллект и агентность не являются собственностью индивида, а возникают в сети отношений между биологи-

ческими организмами, экологическими системами и технологическими агентами.

Таким образом, устойчивое будущее, вероятно, потребует синтеза этих подходов: трансгуманистического стремления к преодолению биологических ограничений и постгуманистического смирения и признания нашей глубокой взаимозависимости с биосферой и техносферой.

Этическое использование технологий и ответственные инновации

Этика в эпоху искусственного интеллекта (ИИ) перестает быть набором запретов и трансформируется в инженерную дисциплину и практику проектирования. Мы сталкиваемся с необходимостью не просто регулировать технологии, а кодировать ценности в саму их структуру.

Одним из наиболее мощных инструментов для этической оценки ИИ является подход, основанный на возможностях, разработанный Амартией Сеном и Мартой Нуссбаум. В отличие от утилитаризма (максимизация счастья/пользы) или ресурсного подхода (ВВП на душу населения), этот подход спрашивает: что люди на самом деле способны делать и кем они могут быть?

В контексте ИИ этот подход требует, чтобы технологии оценивались по тому, расширяют ли они реальные свободы людей. Марта Нуссбаум предлагает список центральных возможностей, который может служить «чек-листом» для разработчиков ИИ:

- Жизнь и телесное здоровье: способствует ли ИИ долголетию и доступу к медицине, или создает риски (автономное оружие, ошибки диагностики)?
- Практический разум: помогает ли ИИ людям формировать собственное представление о благе и планировать свою жизнь, или же алгоритмические рекомендации подрывают автономию и критическое мышление?
- Аффилиация (Принадлежность): способствуют ли социальные платформы и ИИ-посредники подлинному человеческому взаимодействию и уважению, или усиливают поляризацию и изоляцию?
- Контроль над своим окружением: дает ли технология людям политические и материальные инструменты кон-

троля над своей судьбой? [5]

Таким образом, применение этой оптики, например, к ИИ в образовании, переносит фокус с «эффективности обучения» на развитие способности учащегося к критическому мышлению и участию в демократической жизни. Этический ИИ – это ИИ, который расширяет пространство возможностей для каждого человека, а не сужает его до алгоритмически предсказанных паттернов поведения.

С другой стороны, Шэннон Валлор, предлагает обратиться к аристотелевской этике добродетели. Она утверждает, что перед лицом беспрецедентных технологических изменений нам нужны не столько новые правила, сколько развитие «техноморальных добродетелей». Технологии не нейтральны; они предоставляют нам определенные «аффордансы» (возможности действия), которые формируют наши привычки и, в конечном итоге, наш характер. Так ключевыми добродетелями для эпохи ИИ могут стать:

- Честность: в мире дипфейков и генеративного контента способность и желание искать и говорить правду становятся критически важными.

- Смирение: признание ограниченности нашего знания перед лицом сложных адаптивных систем и отказ от «технократического высокомерия».

- Забота: способность использовать технологии для поддержки, а не замещения человеческих отношений. [6]

Также, Валлор и ее коллеги возрождают идею «Клятвы Гиппократата» для технологов. «Цифровая клятва» может стать инструментом профессиональной самоидентификации инженеров, закрепляя принципы «не навреди», защиты приватности и служения общественному благу как основу профессиональной чести, а не просто юридического соответствия.

В тоже время, немецкий философ Ганс Йонас в своей фундаментальной работе «Принцип ответственности» предвосхитил многие этические дилеммы ИИ. Он утверждал, что традиционная этика, ориентированная на отношения между людьми «здесь и сейчас», бессильна перед лицом современной технологии, которая обладает

кумулятивным эффектом и способна необратимо изменить или уничтожить саму основу человеческого существования.

Так, Йонас формулирует новый категорический императив: «Действуй так, чтобы последствия твоих действий были совместимы с сохранением подлинной человеческой жизни на Земле» [7]. В применении к ИИ это означает внедрение принципа предосторожности и «эвристики страха»: в условиях неопределенности мы должны придавать больший вес прогнозам катастрофы, чем обещаниям утопии.

С другой стороны, чтобы перевести философские принципы в инженерную практику, необходима методология Ценностно-ориентированного проектирования (VSD), например, разработанная Батьей Фридман и ее коллегами. VSD исходит из того, что технологии не являются простыми инструментами, а воплощают социальные и моральные ценности их создателей и включает тройную спираль исследований:

- Концептуальные исследования: философский анализ ценностей (например, что мы подразумеваем под «справедливостью» или «приватностью» в конкретном контексте?).

- Эмпирические исследования: изучение того, как стейкхолдеры (прямые и косвенные) понимают и приоритезируют эти ценности.

- Технические исследования: разработка архитектуры и свойств системы, которые поддерживают выявленные ценности (например, Privacy by Design). [8]

Таким образом, в эпоху ИИ VSD дополняется принципами «ИИ для общего блага» (AI4SG) и требует итеративного подхода на протяжении всего жизненного цикла системы, поскольку способность ИИ к самообучению может привести к эмерджентному поведению, не предусмотренному на этапе начального дизайна.

Глобальное сотрудничество и архитектура управления

Сингулярность – это проблема планетарного масштаба. Алгоритмы не знают границ, данные текут по трансокеанским кабелям, а риски неконтролируемого ИИ угрожают всему виду. Существующая вестфальская система национальных госу-

дарств оказывается неадекватной перед лицом вызовов, требующих мгновенной и скоординированной глобальной реакции.

Так в 2024 году Консультативный орган высокого уровня ООН по ИИ выпустил знаковый отчет «Управление ИИ на благо человечества» (Governing AI for Humanity) [9]. Этот документ констатирует наличие критических разрывов в текущей системе: разрыв в представительстве (Глобальный Юг практически исключен из обсуждения), разрыв в координации (фрагментация инициатив) и разрыв в реализации (отсутствие механизмов принуждения).

В отчете предлагается пять руководящих принципов для глобального управления:

- Инклюзивность: управление должно осуществляться с участием всех регионов мира.
- Общественный интерес: ИИ должен служить общественному благу, а не только прибыли корпораций.
- Центральная роль управления данными: создание глобальных «общин данных».
- Универсальность и сетевой характер: использование гибких, сетевых структур вместо жестких иерархий.
- Опора на международное право: привязка к правам человека и Уставу ООН.

Таким образом, для реализации этих принципов предлагается создание новых институтов, таких как Международная научная панель по ИИ (по аналогии с ИРСС в климате) для создания объективной базы знаний, и Глобальный фонд ИИ для обеспечения доступа к вычислительным мощностям для развивающихся стран.

Также, одним из главных напряжений современной геополитики технологий является конфликт между стремлением государств к «цифровому суверенитету» и необходимостью глобальной интеграции. Цифровой суверенитет подразумевает контроль государства над своей цифровой инфраструктурой, данными и алгоритмами. Страны (и блоки, как ЕС) стремятся развивать «суверенный ИИ», обучаемый на национальных языках и данных, отражающий местные культурные ценности, чтобы избежать «культурного империализма»

Кремниевой долины.

Однако чрезмерный акцент на суверенитете ведет к фрагментации интернета («сплинтернет»), снижению эффективности исследований и риску гонки вооружений. Альтернативой является космополитический подход, рассматривающий ИИ как «глобальное общественное благо».

Таким образом, данное решение может лежать в плоскости «кооперативного суверенитета» или гибридных моделей, где государства сохраняют контроль над критической инфраструктурой безопасности, но активно сотрудничают в области научных исследований, стандартов безопасности и этических норм. Это модель «распределенного суверенитета», где власть делится не только между государствами, но и между частным сектором, гражданским обществом и международными организациями.

В тоже время, в поисках эффективной модели управления идет спор между мультилатерализмом (межгосударственное сотрудничество) и мультистейкхолдеризмом (равноправное участие бизнеса, науки и общества). Так мультилатерализм (ООН) обладает легитимностью международного права, но часто медлителен и бюрократизирован, мультистейкхолдеризм (как в управлении Интернетом через ICANN) более гибок и технически компетентен, но критикуется за доминирование корпоративных интересов и отсутствие демократической подотчетности.

Будущее, вероятно, за гибридными формами («вертикальная и горизонтальная интеграция»), где государства устанавливают «красные линии» и защиту прав человека, а технические стандарты и оперативные решения вырабатываются в мультистейкхолдерных сообществах.

Но как обеспечить, чтобы голос обычных людей был услышан в дискуссии о сингулярности? Технократический подход исключает граждан, сводя их к пассивным потребителям. Ответом на это может стать делиберативная демократия и использование Гражданских ассамблей (Citizens' Assemblies). Это органы, состоящие из случайно отобранных граждан, которые проходят обучение у экспертов и вырабатыва-

ют рекомендации по сложным вопросам. ИИ может усилить этот процесс, помогая структурировать дискуссии, переводить языки в реальное время и находить точки соприкосновения в массивах мнений (как показывает опыт платформ типа Pol.is). Включение гражданских ассамблей в контур управления ИИ может повысить легитимность решений и поможет выявить социальные риски, невидимые для экспертов.

Экономические парадигмы: от дефицита к изобилию.

Технологическая сингулярность обещает радикально изменить экономический базис цивилизации. Если ИИ и робототехника возьмут на себя большую часть физического и когнитивного труда, то традиционная экономика, основанная на ограниченности ресурсов и труда, может уступить место пост-дефицитной экономике.

В модели «бесконечной экономики» ценность смещается от материальных товаров к информации, знаниям и репутации. Когда материальное производство становится автоматизированным и дешевым (благодаря 3D-печати, нанотехнологиям и дешевой энергии), главным активом становится способность генерировать новые смыслы и инновации. Система может эволюционировать в сторону децентрализованных автономных организаций (DAO), где распределение ресурсов управляется прозрачными алгоритмами, а вклад участников оценивается через сложные репутационные системы, а не только через монетарный капитал.

Так, Аарон Бастани предложил провокационную концепцию «Полностью автоматизированного роскошного коммунизма» (FALC). Он утверждает, что кризисы капитализма (климатический, демографический) неизбежно приведут к смене формации. Технологии (ИИ, солнечная энергия, генная инженерия, добыча ресурсов на астероидах) создадут такое изобилие, что рыночные механизмы станут бессмысленными, открывая путь к обществу всеобщего досуга и самореализации [10].

Более прагматичный путь – интеграция ИИ в циркулярную экономику. ИИ способен стать «мозгом» новой промыш-

ленной системы, отслеживая потоки материалов, оптимизируя дизайн продуктов для долговечности и переработки, и управляя сложными логистическими цепочками возврата ресурсов. Это позволит разорвать связь между экономическим процветанием и истощением природных ресурсов. ИИ здесь выступит не как создатель бесконечного нового, а как хранитель и регенератор существующего, реализуя принцип технологического попечительства.

Справедливость, разнообразие и право.

Теория справедливости Джона Ролза, с ее экспериментом «занавеса неведения», предоставляет мощный инструмент для проектирования справедливого ИИ. Если бы мы не знали, кем окажемся в будущем обществе (богатым или бедным, здоровым или больным, человеком или цифровым разумом), какие правила мы бы выбрали? Применение этого принципа к ИИ диктует приоритет базовых свобод: никакое повышение эффективности алгоритмов (например, в предиктивной полиции) не может оправдывать нарушение фундаментальных прав. Второй принцип Ролза (принцип различия) требует, чтобы неравенство допускалось только в том случае, если оно выгодно наименее защищенным членам общества [11]. Это мощный аргумент против внедрения ИИ, который обогащает элиты за счет автоматизации рабочих мест бедных слоев населения.

При этом, устойчивое будущее требует эпистемического разнообразия для сохранения множества способов познания мира. Доминирование нескольких огромных языковых моделей (LLM), обученных на одном и том же корпусе данных (преимущественно западном, английском), создает риск когнитивной монокультуры. Это снижает устойчивость цивилизации к новым вызовам, подобно тому, как монокультура в сельском хозяйстве уязвима для вредителей. Необходимо сознательно поддерживать разнообразие архитектур и обучающих данных, включая знания коренных народов и альтернативные философские традиции.

Кроме того, мы входим в эру распределенной агентности. В сложных системах

(рой дронов, алгоритмическая торговля) действие не совершается одним субъектом, а распределено между людьми, кодом и датчиками. А это требует пересмотра юридических и моральных норм ответственности. Мы движемся к концепции «гибридной ответственности», где аудит алгоритмов и человеческий надзор будут переплетены.

Заключение.

Таким образом, путь за пределы сингулярности нами еще не предопределен. Это пространство выбора. И анализ показывает, что техно-оптимизм (вера в то, что технологии все исправят) и техно-пессимизм (уверенность в неизбежной ка-

тастрофе) одинаково непродуктивны.

Однако, позитивное будущее за пределами сингулярности – это мир, где технологии не заменяют человека и не сливаются с ним в неразличимое целое, а создают расширенную экологию разума. В этой экологии человеческая способность к состраданию, этическому суждению и творчеству остается незаменимым компасом, направляющим мощь машинного интеллекта. Как отмечает философ Донна Харауэй, наша задача – «оставаться со смутой», не ища простых выходов, а сплетая новые связи в сложном, гибридном мире [12].

Литература:

1. Kelly, K. *The Inevitable: Understanding the 12 Technological Forces That Will Shape Our Future* / Kevin Kelly. – New York: Viking, 2016. – 336 p. – ISBN 978-0-52542-808-4.
2. Cotton-Barratt, O., & Ord, T. (2015). *Existential Risk and Existential Hope: Definitions*. Future of Humanity Institute, University of Oxford. Technical Report #2015-1.
3. Ord, T. *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity* / Toby Ord. – London: Bloomsbury Publishing, 2020. – 480 p. – ISBN 978-1-5266-0021-9.
4. Макаскилл, У. Что мы должны будущему. Миллион лет впереди / Уильям Макаскилл; [пер. с англ. М. Кульневой]. – Москва: Альпина Паблицер, 2023. – 352 с. – ISBN 978-5-9614-8457-1.
5. Nussbaum, M. C. *Creating Capabilities: The Human Development Approach* / Martha C. Nussbaum. – Cambridge, MA: Belknap Press, 2011. – 256 p. – ISBN 978-0-67405-054-9.
6. Vallor, S. *Technology and the Virtues: A Philosophical Guide to a Future Worth Wanting* / Shannon Vallor. – New York: Oxford University Press, 2016. – 328 p. – ISBN 978-0-19049-803-0.
7. Jonas, H. *Das Prinzip Verantwortung: Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation* / Hans Jonas. – Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1979. – 426 S. – ISBN 3-458-04958-3.
8. Friedman, B., & Hendry, D. G. *Value Sensitive Design: Shaping Technology with Moral Imagination* / Batya Friedman, David G. Hendry. – Cambridge, MA: MIT Press, 2019. – 464 p. – ISBN 978-0-26203-953-6.
9. United Nations. *Governing AI for Humanity: Final Report of the High-level Advisory Body on Artificial Intelligence*. – New York: United Nations, 2024. – 100 p. – URL: www.un.org (дата обращения: 23.03.2026).
10. Bastani, A. *Fully Automated Luxury Communism: A Manifesto* / Aaron Bastani. – London: Verso, 2019. – 288 p. – ISBN 978-1-78663-578-5.
11. Rawls, J. *A Theory of Justice* / John Rawls. – Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1971. – 606 p. – ISBN 978-0-674-88010-8.
12. Haraway, D. J. *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene* / Donna J. Haraway. – Durham, NC: Duke University Press, 2016. – 312 p. – ISBN 978-0-82236-224-1.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Общество & человек» – это академический научно-практический журнал, отражающий результаты оригинальных научных исследований теории и методологии в различных областях гуманитарного знания. В нем освещаются новейшие исследования, концепции и теории, свежие практические идеи и инициативы, результаты. Также на страницах журнала печатаются результаты практической деятельности специалистов.

Редакция журнала принимает статьи от российских и зарубежных авторов по следующей тематике:

- Юридические науки как теоретической, так и практической направленности (анализ действующего законодательства, практика его применения на досудебных и судебных стадиях).
- Исторические и политические науки
- Социальные науки
- Экономические и демографические процессы
- Культурные традиции и новации
- Проблемы и перспективы развития науки и образования
- Проблемы психологии и педагогики
- Антропология и этнография
- Вопросы философии и этики

Эмпирические исследования, концепции, метаанализ, рецензии на книги, количественные и качественные исследования, социальные инновации, обзоры литературы, ретроспективы, взгляды практиков – все это может быть объектом исследований. Отдельной рубрикой журнал печатает методические и учебно-методические комплексы, лекции ведущих специалистов в области гуманитарных и социальных наук.

Журнал издается периодически каждые два месяца (6 номеров в год).

Каждая статья рецензируется. После положительной оценки рецензента, редакционная коллегия определяет возможность публикации статьи в журнале. Отрицательная рецензия доводится до сведения автора.

Отправленная статья (материалы) не должна быть ранее опубликованы, статья не может быть отправлена для публикации в другие издания. Если статья будет принята в журнал, она не должна публиковаться в той же форме на английском или каких-либо других языках без письменного согласия редакционной коллегии. Печатаемая статья автор дает согласие на ее размещение в информационных базах и сети интернет, без дополнительного соглашения с ним.

Плата за публикации статей с аспирантов не взимается.

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСИ

- Рукопись, предоставляемая в редакцию, должна иметь: аннотацию на русском и английском языках, содержащую название рукописи, данные автора обязательно (Ф.И.О.) полностью, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, краткое содержание рукописи объемом до 0,25 страницы машинописного текста, УДК, протокол заседания кафедры с рекомендацией к публикации, рецензию научного руководителя.
- Рукопись представляется в редакцию в виде файла на диске с использованием Winword, размер шрифта 14 (Times New Roman), интервал полуторный, абзац 1,25, страницы не нумеруются.
- Ввод формул производить в редакторе формул Microsoft Equation 2.0. Иллюстрации выполняются на компьютере и вставляются в файл статьи. В таблицах все наименования проставляются полностью, без сокращения слов. **Объем статьи до 14 страниц.**

- Параметры страницы: Поля верхнее: 2,5 см; нижнее: 2 см; левое: 2,5 см; правое: 2,5 см.
- Название статьи должно содержать не больше 7–8 слов, под названием указываются фамилии и инициалы авторов, должность, ученая степень, ученое звание, полное наименование кафедры, отдела, сектора, учреждение в котором работает автор (на русском и английском языках).
- Аннотация 5–7 предложений, на русском и английском, ключевые слова 5–7 на русском и английском языках.
- Библиографический указатель (список литературы) дается авторами в конце статьи в порядке последовательности ссылок в тексте. Ссылки на литературу в тексте заключаются в квадратные скобки. В списке литературы указываются: а) для журналов и сборников – фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала (сборника), номер или том, место и год издания, Стр.; б) для книг – фамилии и инициалы авторов, название книги, место издания, название издательства, год издания, стр. (ГОСТ 7.1 – 84). В список литературы вносят только те работы, которые опубликованы в печати.
- Список литературы не должен превышать 10–15 наименований источников.
- Рукописи, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.
- Диски со статьями не возвращаются.
- Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.
- Корректур статей иногородним авторам предоставляется.
- Плата за публикацию не взимается.
- Журнал включен в систему российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

САЙТ ЖУРНАЛА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ:

WWW.ALEF-PRESS.COM

Информацию о редколлегии журнала, архивные номера, аннотации статей на русском и английском языке, ключевые слова, информацию об авторах статей и материалов можно посмотреть на сайте Издательского Дома «Алеф-Пресс».

Также на сайте можно оформить подписку на журнал, заказать архивные номера журналов как в печатном, так и электронном виде, связаться с членами редакционной коллегии. Для зарегистрированных на сайте пользователей доступна большая подпорка архивных материалов, статей, монографий. Приглашаем посетить наш книжный магазин позволяющий заказать как бумажные варианты издаваемой литературы, так и электронные в удобном для Вас формате (ePub; fb2; txt; PDF; doc).

Пожалуйста, отправляйте Ваши статьи, мы всегда рады и открыты к сотрудничеству: профессор Николай Исаев, заместитель главного редактора
Телефон +7919-200-20-20

«ОБЩЕСТВО&ЧЕЛОВЕК»

Теоретический и научно-практический журнал по гуманитарным наукам

Основан в 2010 году

№ 1 (56) – 2026

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ№ФС 77-55505 от 07.10.2013

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ОБЩЕСТВО&ЧЕЛОВЕК»

в редакции по электронной почте: nikolajisaev@yandex.ru

Сайт журнала в Интернет: www.alef-press.com

Подписной индекс по каталогу агентства Роспечать 70684

Учредитель и издатель ООО «Издательский Дом «Алеф-Пресс»
191119, г. Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д. 27, литер А, п. 10-Н.

Подписано в печать 20.03.2026 г. Формат 60x84/8

Учет.-изд. л. – 20,00 Тираж 500 экз. Заказ № 008-П-26

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Телефон редколлегии: **9192002020**

E-mail: nikolajisaev@yandex.ru

info@alef-press.com